

Татьяна Мажорина
«СЛУЖЕНИЕ СЛОВУ...»

Очерки, эссе, статьи, рецензии

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО
ФОНДА
РОССИИ
исатель
ОНСКОЙ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

2017 г

ББК 99(2Рос-Рус)63
М-185

Мажорина Т. А. — «Служение слову...» — Сборник очерков, эссе, статей, рецензий. — Ростов-на/Д: Издательство «Донской писатель», 2017 г. — 196 с.

ISBN 978-5-87612-009-1

Книга Татьяны Мажориной — объединила на своих страницах художественно-публицистические очерки о поэтах и поэзии, начиная от Данте Алигьери и до поэтов-современников, чьё творчество не оставляет читателя равнодушным.

© Мажорина Т.А., 2017 г.
© ООО «Издательство «Донской писатель», 2017 г.

Татъяна Мажорина

Об авторе

Татьяна Александровна Мажорина — родилась 8 октября 1956 г. в городе Белореченске Краснодарского края. Публиковалась в литературных альманахах и журналах: «Дон и Кубань», «Дон_новый» (Ростов-на-Дону), «Под небом рязанским» (Рязань), «Искры юмора и смеха» (Калуга), «Ли́ра» (Южноуральск), «По волнам классики», «Союзники» (Новокузнецк), «Звезда полей», «Эолова арфа» (Москва), «Литера» (Тверь), «Славянская лира» (Минск) и др. Автор книг: «Кому это надо?» (басни 2008), «Надежда в сердце моём» (стихи 2010), «Мне бы выплеснуть душу» (стихи 2013), «Просто шутка» (сатира, юмор 2015), «И плавился рассвет» (стихи 2016). Участница ЛТО «Ли́ра» г. Волгодонска, председатель Регионального отделения РСПЛ, кандидат в члены Союза писателей России. Проживает в Волгодонске.

Часть 1

Путь к свету

Путь к свету

*Посвящается 750-летию со дня
рождения Данте Алигьери.*

Закончился 2015 год, обозначенный президентом России Годом литературы.

Он был знаменателен многочисленными юбилеями великих писателей-классиков, как отечественных, так и зарубежных, но я хочу подробнее остановиться на творчестве непревзойдённого, на мой взгляд, итальянского поэта, учёного, политика, мыслителя — Данте Алигьери. Минуло 750 лет со дня его рождения. В России к нему обращались Пушкин, Гоголь. Не обошли вниманием его творчество и поэты серебряного века, а именно Блок, Брюсов. «В творчестве Ахматовой образ Данте занимал значительное место. В стихотворении «Муза», упоминается Данте и первая часть «Божественной комедии» («Ад»). В 1936 году Ахматова написала стихотворение «Данте», где появляется образ Данте-изгнанника. В 1965 году на торжественном заседании, посвящённом 700-летию со дня рождения Данте Алигьери, Анна Ахматова прочла «Слово о Данте», где помимо собственного восприятия Алигьери, приводит упоминание о Данте в поэзии Н. Гумилёва и трактат О. Мандельштама «Разговор о Данте» (Из Википедии «Данте в искусстве»).

Полагаю, во все времена «Божественная комедия» Данте будет волновать вдумчивого читателя. Основательно в русскую культуру она вошла, благодаря замечательному переводу

М. Лозинского. Работая над переводом более десяти лет, он завершал её в осаждённом Ленинграде, в тяжелейших условиях блокады. В разгар войны было издано «Чистилище», в год победы — «Рай». Просто случайность? Не думаю. Это ли не повод перечитать творения автора, дерзнувшего сойти к средоточию зла, чтобы найти путь к свету?

Не могу сказать, что читается легко, но долгое время не отпускает. Лично я покорена тем, какой многовековой исторический пласт культуры автор смог осилить, переработать и донести до читателя. Получился некий мифический сказ, выполненный безукоризненно. «Клавишная прогулка по всему коридору античности. Какой-то шопеновский полонез, где рядом выступают вооруженный Цезарь с кровавыми глазами грифа и Демокрит, разъявший материю на атомы», — так сказал о поэме О. Мандельштам, к трактату которого я по ходу написания очерка ещё не раз обращаюсь.

Поэма изобилует примечаниями, что позволяет читателю глубже вникнуть в суть происходящего, что-то освежить в памяти, а с чем-то познакомиться впервые, обратиться к первоисточнику. Поражает чёткое, можно даже сказать, филигранное композиционное построение поэмы. Триединство — высший догмат христианства — таков её принцип. Вся поэма написана трёхстопными строфами (терцинами), состоит из трёх частей. Каждая часть — из тридцати трёх песен (годы земной жизни Иисуса Христа), которые в совокупности со вступительной песнью, дают цифру 100 (символ совершенства). Каждая часть делится на девять отделов плюс дополнительный десятый и заканчивается словом «светила». Символика «идеальных чисел» — «три», «девять» и «десять» знакома нам по его юношескому роману «Новая жизнь».

Татьяна Мажорина

Данте Алигьери родился во Флоренции во второй половине мая 1265 года. Род Алигьери принадлежал к партии гвельфов и выступал за слияние духовной и светской власти в руках римского первосвященника, то есть папы. Противоборствующая сторона (партия гиббелинов) держала сторону императора Священной Римской империи, издавна выбираемого из числа германских королей.

Являясь активным общественным деятелем, к 1300 году Данте получил должность одного из семи приоров республики. Приоры, как могли, старались удерживать порядок, даже издали указ, приговаривающий к изгнанию зачинщиков и вожаков из обеих группировок. Однако внепартийность городских властей скоро закончилась, а вместе с ней — закончилась и светлая полоса в жизни Данте.

Начало литературной деятельности связано с новым направлением в истории итальянской поэзии, названным Данте школой «сладостного нового стиля», в которой преобладали гармония и благородство стиля, изысканность смысла. Любовь подвергалась высокой идеализации, как возвышенное, облагораживающее чувство. Женщина, «мадонна» отождествлялась с небесным ангелом: кротким, скромным, добродетельным. По словам М. Андреева, юношеский роман «Новая жизнь» — «книга памяти, книга сердца, книга чувств и страстей», в которую помещены ранние стихи автора и биографические комментарии к ним. Предмет его обожания — Беатриче Портинари — детская любовь, которую он воспевал до конца своих дней. Девушке не суждено было стать его избранницей и, к тому же, её жизнь оборвалась в возрасте двадцати пяти лет. Но я хочу акцентировать внимания читателя на «Божественной комедии», которую смело можно назвать вершиной

поэтического мастерства. В девяностые годы его потянуло к философии. По словам, опять же, М. Андреева — «десятилетие, прошедшее после «Новой жизни» — настоящий подвиг самообразования!» С чем невозможно не согласиться.

Сюжет поэмы построен на аллегории, широко используемой в сказках, мифах. Данте — не единственный из средневековых поэтов, обратившейся к загробным толкованиям жизни после физической смерти, но то, как он выполнил своё творение, заслуживает восхищения! В поэме чётко прослеживаются две линии любви, выполненные невероятно-одарённым мастером слова: возвышенной и светлой — к женщине, а также пронзительной, сыновней — к не менее дорогой его сердцу Флоренции. Сказались годы, проведённые в изгнании, будучи дважды приговорённым к смертной казни, он запутался, разочаровался во многом:

*Земную жизнь дойдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

«Тот дикий лес, дремучий и грозный» предстал, как символ жизненных неурядиц и осложнений, в которых оказался тридцатипятилетний Алигьери. Восхождению поэта на холм спасения препятствуют три зверя: рысь, символизирующая сладострастие (кроме того, пятна на шкуре означают раздробленность, то есть борьбу гиббелинов и гвельфов), лев — гордость, а также грубую физическую силу (намёк на Францию) и волчица — корыстолюбие (алчная и похотливая — папа Бонифаций VIII, с которым Данте ассоциирует все свои беды). По большому счёту эти звери угрожают национальному единству Италии, феодальной монархии, о которой мечтал автор. Заблудившегося и отчаявшегося

Татьяна Мажорина

поэта спасает древний римский мудрец, поэт, автор «Энеиды» — Вергилий, олицетворяющий разум, посланный Беатриче. Данте, доверяя ему всем сердцем, соглашается на путешествие в загробный мир:

*Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал.*

Подкупает открытость автора, его предельная искренность. Он не боится показать читателю свою неуверенность, внутреннее беспокойство, неосведомлённость, иной раз — неумение себя вести, что и создаёт особую притягательность, некую химию, если можно так выразиться. Приведу его слова, сказанные в начале второй песни (в преддверии Ада), а далее это проявляется не единожды:

*Я начал так: «Поэт, вожатый мой,
Достаточно ли мощный я свершитель,
Чтобы меня на подвиг звать такой?»*

Ад по описанию Данте представляет собой подземную пропасть в виде огромной воронки с концентрическими уступами (кругами Ада), которая, сужаясь, достигает центра земного шара. По христианской мифологии, Ад сотворён триединым божеством: отцом (высшей силой), сыном (полнотой всезнанья) и святым духом (первою любовью), чтобы служить местом казни для падшего Люцифера. Данте, войдя в преддверие Ада, услышал невероятные вопли, увидел души нагих людей, «кусаемых слепнями и осами, роившимися тут»:

*Кровь, между слёз, с их лиц текла струями,
И мерзостные скопища червей
Ее глотали тут же под ногами.*

Вергилий дал понять, что это нерешительные, самые ничтожные по сути люди: «Они не стоят слов; взгляни — и мимо!»

Вступая в первый круг Ада, так называемый лимб, Данте видит выдающихся представителей античной культуры — Гомера, Горация, Овидия, Лукана... Здесь пребывают души добродетельных язычников, не познавших истинного Бога, однако приблизившихся к этому познанию и за то, избавленных от адских мук.

Спускаясь всё ниже и ниже за Вергилием, Данте становится свидетелем жутких мучений лиц, предавшихся влечению плоти, «гонимых вьюгой необорной»; чревоугодников, истлевающих под дождём; скупцов и расточителей, которые «водили хоровод, толкая грудью грузы с воплем вечным»; гневливых, на́прочь втиснутых в Стигийское болото; еретиков, объятых вечным пламенем. Ещё, более ужасными, спутники видят мучения насильников, обманщиков всякого рода:

*Вдоль берега, над алым кипятком,
Вожатый нас повел без прекословии.
Был страшен крик варившихся живьем.*

*Я видел погружившихся по брови.
Кентавр сказал: «Здесь не один тиран,
Который жаждал золота и крови...»*

И, наконец, девятый — последний круг Ада — ледяное озеро Коцит, в котором караются обманувшие доверившихся, то есть

Татьяна Мажорина

предатели. Это последний круг ада, разделённый на четыре концентрических пояса. Первый пояс — пояс Каина, где казнятся предатели родных, они по шею вмёрзли в лёд, и лица их обращены книзу. Во втором поясе — Атенора — казнятся предатели родины и единомышленников и в третьем — Толомея — предатели друзей и сотрапезников. И последний четвёртый пояс — центральный диск девятого круга — Джудекка, названный так по имени апостола Иуды, который предал Христа. Здесь казнятся предатели своих благодетелей, вмёрзшие в недра ледяного слоя:

*Мы были там, — мне страшно этих строк, —
Где тени в недрах ледяного слоя
Сквозят глубоко, как в стекле сучок.*

*Одни лежат; другие вмёрзли стоя,
Кто вверх, кто книзу головой застыв,
А кто — дугой, лицо ступнями края.*

Заканчивается Ад описанием страшных мук Люцифера — некогда прекраснейшего из ангелов, но свергнутого вместе с ними с небес в недра Земли за то, что поднял мятеж против Бога. Превратившись в чудовищного трёхглавого Дьявола — «мучительной державы властелин грудь изо льда вздымал наполовину». В каждой из трёх его пастей корчились от боли величайшие изменники: Иуда Искарот, Брут и Кассий.

В конце концов, поэты покидают обитель зла, ступая «путём незримым» до тех пор, «пока очей не озарила краса небес в зияющий просвет». Далее начинается Чистилище, по описанию Данте — гора, расположенная на острове в южном полушарии, возвышающаяся в виде усечённого конуса, посреди Океана. Её устройство аналогично Аду, то есть гора опоясана семью уступами (кругами),

сужающимися к верху. На плоской вершине горы Данте помещает пустынный лес Земного Рая. Береговая полоса и подножье горы, так называемое Предчистилице, к которому и вышли поэты:

*Для лучших вод подъемля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине,*

*И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию.*

Прежде, чем впустить Данте в первый круг, ангел, охраняющий вход, начертил у него на лбу семь «Р», означающих символ семи смертных грехов: гордыню, зависть, гнев, уныние, скупость, чревоугодие и сладострастие. Гордость была главным грехом Данте, а по сему, когда стёрлось первое «Р» — корень всех грехов, остальные знаки не сколько потускнели. В этом я опять усматриваю предельную откровенность по отношению к читателю. Много ли нам известно писателей, способных обнаружить свои недостатки?.. По мере восхождения к вершине горы, преодолевая очередные круги, знаки «Р» с его лба совсем исчезли. В таком виде, очищенный от грехов Данте, вступает в «Господень лес, тенистый и живой». В Земном Раю Вергилия сменяет Беатриче, побуждает его к покаянию и возносит его, просветлённого, на небо. Заключительная часть поэмы посвящена странствиям поэта по Небесному Раю:

*Я видел — солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озёр вовек не расстилали.*

Татьяна Мажорина

Не могу не привести слова Осипа Мандельштама о том «что метафорические приёмы Данта превосходят наши понятия о композиции, поскольку наше искусствоведенье, рабствующее перед синтаксическим мышлением, бессильно перед ним». Небесный Рай у Данте состоит из семи сфер, опоясывающих Землю и соответствующий, согласно Птолемеевой системе, семи планетам. Это сферы: Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна. За ними находится восьмое звёздное небо, где Данте узрел Христа:

*Так, видел я над тысячей огней
Одно царило Солнце, в них сияя,
Как наше — в горних светочей ночей.*

*В живом свеченье Сущность световая,
Сквозя, струила огнезарный дождь
Таких лучей, что я не снёс, взирая.*

Далее следует девятое кристальное небо, или Перводвигатель, за которым находится Эмпирей — бесконечная область, населённая блаженными, созерцающими Бога — последняя сфера, дающая жизнь всему сущему:

*И свет предстал мне в образе потока,
Струистый блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцвеченный широко.*

*Живые искры, взвившись над рекой,
Садились на цветы, кругом порхая,
Как яхонты в оправе золотой;*

Последним наставником поэта, с которым он заканчивает своё путешествие в Эмпирее (песнь 31), был старец Бернард Клервоский — богослов-мистик, принимавший в своё время активное участие в политической жизни страны. Данте видит императора Юстиниана, который знакомит его с историей Римской империи, учителей веры, мучеников за веру, чьи сияющие души образуют сверкающий крест. Возносясь всё выше и выше, Данте видит Христа и деву Марию, ангелов и приобщается к небесной благодати:

*Так белой розой, чей венец раскрылся,
Являлась мне святая рать высот,
С которой агнец кровью обручился.*

В заключительной песне автор, прошедший все мыслимые и немыслимые испытания, просит Всевышнего дать возможность сохранить и донести до людей хоть малую крупицу увиденного им:

*О, Вышний Свет, над мыслью земною
Столь вознесённый, памяти моей
Верни хоть малость виденного мною*

*И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!*

Минуло более семисот лет после написания автором «Божественной комедии», а его труд по-прежнему волнует читателей, а значит, замысел его удался. Закончить свои рас-

Татьяна Мажорина

суждения о творчестве Данте позволю себе цитатой, опять же, из трактата О. Мандельштама: «Алигьери построил в словесном пространстве бесконечно могучий орган и уже наслаждался всеми его мыслимыми регистрами и раздувал меха, и ревел, и ворковал во все трубы». А я, как читатель, не перестаю прислушиваться к звучанию этого органа, ощущая всё новые и новые нотки и восхищаясь мастерством автора.

Используемые материалы:

Данте Алигьери «Новая жизнь», «Божественная комедия»: Москва, Издательство «Художественная литература», 1967 г.

Предисловие М. Андреева «Данте и его творчество» Москва, Издательство «Художественная литература», 1986 г.

Божественная комедия — Википедия — Интернет.

Осип Мандельштам, том 2, ч 2 «Разговор о Данте», Москва, Издательство «Художественная литература», 1990 г.

Часть 2

Служение слову

«Поэт — величина неизменная»

*К 135-ти летию со дня рождения
Александра Блока*

«Поэт — величина неизменная. Могут устареть его язык, его приёмы; но сущность его дела не устаревает. Нельзя сопротивляться могуществу гармонии, внесённой в мир поэтом». Именно с этих утверждающих слов из статьи Александра Блока «О назначении поэзии», хотелось бы начать свои размышления о его творчестве. Приведу цитату из его стихотворения «Пушкинскому дому»:

*Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!*

В феврале 1921 г. Блок трижды выступал с речью «О назначении поэта» и стихотворением «Пушкинскому дому», волею судьбы, они стали его творческим завещанием. То, с каким глубоким уважением и даже трепетом относился он к творчеству Пушкина, подтверждает заключительная строфа из того же стихотворения:

*Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.*

«Служение слову...»

Детские годы Александра прошли в небольшом селе Шахматово (Клинского уезда, Московской губернии). Рос в семье матери, в которой очень любили литературу и науку. Дед был ректором Петербургского университета, мать и две её сестры занимались литературными переводами. В доме царил культ ребёнка. Маленький Саша очень рано приобщился к творчеству, оценил красоту и значение слова. Не случайно, одно из ранних стихотворений посвящено матери — Алевтине Андреевне Бекетовой:

*Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет её бледный, бездушный, пустой?*

Уже в ранние годы чувствуется его слово, быстро набирающее силу и притягательность. Привожу строки из первых любовных посвящений будущего поэта, которые появились после поездки на курорт в Бад-Наутгейм:

*Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова...
Ветер уносит стенания,
Слёзы мешает с дождём...
Хочешь обнять на прощание?
Прошлое вспомнить вдвоём?*

Главной чертой своего характера юный Блок считал нерешительность, в мужчине предпочитал ум, в женщине — красоту,

Татьяна Мажорина

любимым качеством считал — ум и хитрость, главным своим недостатком — слабость характера. Любимые писатели — Гоголь, Пушкин; поэты — Пушкин, Гоголь, Жуковский, Шекспир. Любимые герои в художественных произведениях — Гамлет, Петроний, Тарас Бульба, Наташа Ростова. Больше всего ненавидел цинизм, желал бы обладать силой воли, а смерть предпочитал бы на сцене от разрыва сердца (из юношеской анкеты, опубликованной в книге Марии Бекетовой «Александр Блок и его мать»). Приведу ещё одно из ранних стихотворений, не включённое в «Роман в стихах»:

*Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишенных крова,
И сожаленье гонит прочь —
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождем,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!*

Первые свои стихи он читает маме, а к моменту выхода в свет цикла «Стихи о Прекрасной Даме» у юного автора их было около восьмисот. Петербуржец Блок, как российский поэт, получил известность в Москве при посредничестве Михаила Соловьёва — младшего брата популярнейшего в те годы поэта и мыслителя Владимира Соловьёва. Благодаря усилиям этой семьи в 1903 г. появились в печати его первые стихотворения.

А название циклу «Стихи о Прекрасной Даме» дал Валерий Брюсов, включив подборку в третий номер «Северных цветов». И началось... «Газетчики глумились над спятившим с ума декадентам», — вспоминает Корней Чуковский. Но дебютант

«Служение слову...»

чувствовал себя уверенно, ощущая поддержку мамы, Любы (к тому времени он уже был женат) и любимой тёти Марии Андреевны. Стихи этого цикла поражают глубиной чувств и красотой слога:

*Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.
И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица - спокойная мечта.*

Далее выходит следующий цикл стихов «Распутья» (1902-1904). В нём ещё больше чувствуется тонкий лиризм, и в то же время, весьма заметно, неуклонно растущее мастерство поэта:

*Завтра я уйду к себе в ту пору,
Как она придёт ко мне рыдать.
Опущу белеющую итору,
Занавешу пологом кровать.
Лягу, робкий, улыбаясь мигу,
И один, вкусив последний хлеб,
Загляжусь в таинственную книгу
Совершившихся судеб.*

В семейных отношениях не всё так гладко, не без помощи безответственных сентенций племянника Соловьёва — Сергея, который подталкивал его к эксперименту с раз-

Татьяна Мажорина

делением любви: «Ты — поэт, это первый залог бессмертия твоей Евридики и т.п.». Соловьёвская метофизика ничуть не исключала физической стороны, но выводила её роль едва ни к нулю.

После «Балаганчика» Блок стал русским поэтом №1, а после «Незнакомки» Россия моментально окрестила его «поэтом Невского проспекта». Это было уже не признание — это была слава.

С некоторых пор Люба помышляет о сценической карьере, после трёх с половиной лет белого брака уезжает на Кавказ с гастрольями. У неё появляются свои увлечения. У Александра иссяк роман со Снежной Дамой. Он не хотел Любы, а актриса Наталья Волохова — не желала его. Вот строки одного из посвящений актрисе:

*Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроясь,
Ты горшишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!*

Любовь Дмитриевна возвращается с Кавказа в положении, Блок прощает её. Роды были тяжёлыми, у неё жар. Ребёнок (Блок называет его Митей) прожил всего семь дней. Он хоронит младенца и каждый год ходит на могилу. Пишет одно из пронзительнейших посвящений жене:

*Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?*

*Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?*

Позже Блоки едут в международном экспрессе «Петербург — Вена — Венеция». Он пишет цикл «Через двенадцать лет» и посвящает его КМС. Литературоведы, не сговариваясь, окрестят цикл «жемчужиной».

По возвращении приходит сообщение о смерти отца. Он едет в Варшаву, знакомится со сводной сестрой Анжелиной. Посвящает ей поэму «Возмездие» и сборник «Ямбы». Не могу не привести цитату из посвящения, в котором отражаются все его чаяния, его боль, его внутренняя суть:

*О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!*

Блок всё чаще задумывается о роли писателя в жизни страны, пробует себя в прозе. В одном из ранних очерков («Душа писателя», февраль 1909) он пишет: «Первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, — является чувство пути. Очень часто (и теперь особенно) писатель быстро истощает свои силы, стараясь дать больше, чем он может. Подобное незнание меры своих сил можно наблюдать и у растений». И в тоже время себя не щадит. Служение слову для него превыше всего. Поражает, сколько чувств он вкладывает в простые, на первый взгляд, слова:

Татьяна Мажорина

*Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.*

1914 год. Первая Мировая война. Тут и там говорят о победах русского оружия до тех пор, пока Вторая армия не погибла в Мазурских болотах, а генерал Самсонов не застрелился, не перенесся позора и горечи... Блок, после всего случившегося, написал следующие строки:

*Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.
Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.*

1917 год. В стране свершилась революция, на которую Блок тут же откликнулся: «Мир и богатство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чём ревет её поток. Вот музыка, которую имеющий уши, должен слышать». («Интеллигенция и революция», январь 1918). Нарком просвещения Анатолий Луначарский бросил клич: «С кем вы, работники культуры?» На зов явились всего несколько человек и, как ни странно, Блок среди них. Максим Горький пригласил его в своё издательство «Всемирная литература» и вскоре предложил редакторскую работу по подготовке к собранию сочинений Гейне. Правда, от предложения вступить в партию, он отказался. По

заказу наркома написал поэму «Двенадцать». Такого от Блока не ожидал никто. «Вчерашний кумир осквернил зелёное сукно русской поэзии». От него отвернулись многие писатели. Но он не предавал страну, не предавал поэзию, служил ей, как мог — всем сердцем. Не об этом ли его слова:

*Пушкой я умру под забором, как пёс,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занёс,
То вьюга меня целовала!*

Только великий человек способен на такое признание. Блок искренне верил в то, что писал: «Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несёт новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своём водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но — это её частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издаёт поток. Гул этот, всё равно, всегда — о великом».

Я верю каждому слову поэта. Он поступает так, как считает необходимым в данный момент, как гражданин, как поэт, как патриот своей родины. Тема родины, которую он безгранично любил, проходит сквозь всё его творчество, начиная с юности и до конца дней. В подтверждение сказанного, приведу отрывок из стихотворения «Россия»:

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слёзы первые любви!*

Татьяна Мажорина

В 1920 г. он сильно заболевает на похоронах отца. Заботу о нём, о его матери и тётке берёт на себя Любовь Дмитриевна. С провиантом совсем худо, часто отключают свет, у Блока участились приступы ярости. Болезнь принимает угрожающие формы. Документальное разрешение на выезд в Финляндию для лечения он получает слишком поздно. 7 августа 1921 г. перестало биться сердце поэта №1 — Александра Александровича Блока.

В завершение сказанного, приведу необыкновенно-ёмкие слова из его статьи «О назначении поэзии»: «Чтобы отличить настоящее от поддельного, искреннее от лживого, подлинно-нравственное от лицемерно-нравственного, нужна такая высокая степень развития, до которой в наше время не достиг почти никто. Это — истина очень жестокая, но она — истина, думается мне». А наша цель, полагаю, следовать этой истине.

28.11.2015

Используемая литература:

«Стихотворения и поэмы» — Александр Блок, — Москва, ЭКСМО, 2009 г.

«И умер я... и видел пламя»

Николай Степанович Гумилёв — один из самых любимых мною поэтов Серебряного века. 15 апреля 2016 г. исполнилось 130 лет со дня его рождения. Дворянин по происхождению, родился он семье кронштадского корабельного врача. Рос слабым, довольно болезненным,

частенько донимали головные боли, плохо переносил шум, учился неважно, но очень любил стихи, грезил о путешествиях. Своё первое четверостишие про прекрасную Ниагару он написал, будучи шестилетним ребёнком. В 1905 г. за год до окончания гимназии на средства родителей была выпущена книга стихов «Путь конквистадоров». Цитирую отрывок из стихотворения «На мотивы Грига»:

*Кричит победно морская птица
Над вольной зыбью волны фиорда,
К каким пределам она стремится?
О чем ликует она так гордо?*

Уже в этих строках отчётливо проявляются лирические нотки его души. Валерий Брюсов, один из авторитетнейших поэтов того времени, сразу же написал рецензию на его первое творение. Рецензию нельзя назвать хвалебной, однако, в заключительной её части мэтр давал шанс юному поэту, написав: «Но в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только «путь» нового конквистадора и что его победы и завоевания

Татьяна Мажорина

— впереди». И не ошибся. Долгое время Гумилёв считал Брюсова своим учителем, между ними завязалась переписка. После окончания гимназии он жил в Париже: слушал лекции по французской литературе в Сорбонне, там же познакомился с молодой поэтессой Елизаветой Дмитриевой, мимолётная встреча с которой через несколько лет сыграла роковую роль в судьбе поэта. Имеется ввиду розыгрыш с именем (Черубина де Габриак) и дуэль между ним и Волошиным, к счастью, окончившаяся благополучно для обоих поэтов. Издавал литературный журнал «Сириус», в котором дебютировала Анна Ахматова, изучал живопись и много путешествовал. Увлечение философией Ф. Ницше объясняет появление в стихах Гумилёва персонажей, обладающих сверхъестественной силой, волей, страстью. Таковы «юный маг», Люцифер, андрогин, колдунья, император Каракалла и другие.

В числе самых преданных друзей Николая можно смело назвать Михаила Лозинского — автора одного из лучших переводов «Божественной комедии» Данте Алигьери, чьё творчество также наложило на него некий отпечаток. Полагаю, уместно будет привести отрывок из стихотворения «Баллада», вошедшего в следующий сборник Гумилёва «Романтические цветы»:

*Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спускаться в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.*

И этот его сборник также подвергся критике. Вот что писал о нём Сергей Маковский: «Стихотворения показались мне довольно слабыми даже для ранней книжки. Однако, за исключением одного — «Баллады», оно поразило меня трагическим

тоном». А мне здесь хочется привести удивительно-тёплые и совсем не трагические строки о том, что «далёко, на озере Чад изысканный бродит жираф»:

*Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полёт.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.*

Поэт, исследователь, неутомимый путешественник (детские мечты воплотились-таки в жизнь), обратите внимание, какие образы он использует применительно к луне в стихотворении «Каракалла»:

*Тайное свершается в природе:
Молода, светла и влюблена,
Легкой поступью к тебе нисходит,
В облако закутавшись, луна.*

И, наконец, следующий сборник поэта под названием «Жемчуга», выпущенный в 1910 г., литературный бомонд встретил если не тепло, то более радушно, но на тот момент он уже сам заведует литературно-критическим отделом в журнале «Аполлон», печатает свои знаменитые «Письма о русской поэзии». Остановлюсь на стихотворении, посвящённом Валерию Брюсову. Тема поэта и поэзии — одна из вечных, сквозных тем в мировой литературе. И, конечно, такой яркий поэт, как Гумилёв — теоретик акмеизма — не мог не оставить своих раздумий на эту тему. Текст читается плавно, неторопливо, поскольку автор намеренно использует длинную строку (нетрадиционный восьмистопный ямба). Брюсов — поэт символизма, для которого музыка — особая стихия, а образ скрипки наиболее близок образу лиры — символу

Татьяна Мажорина

поэзии. Основная мысль, что творчество — это крест, который поэт несёт добровольно до конца жизни, ибо он живёт только, когда творит. В процессе творчества автор умело использует антитезу и оксюморон: «счастье, отравляющее миры», «тёмный ужас», «духи ада любят слушать эти царственные звуки», «бродят бешеные волки по дорогам скрипачей»:

*Надо вечно петь и плакать этим струнам,
звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад и когда горит восток.*

Важен мотив преемственности творчества: учитель всё-таки передаёт скрипку «милому мальчику», тем самым обрекая его на славную, но страшную и неотвратимую смерть скрипача, когда «тоскливый смертный холод обовьёт, как тканью тело, и невеста зарыдает и задумается друг». А ведь автор, судя по всему, намеренно соединил плавный ритм с пронзительным содержанием, предопределяющим фатальный исход!

Интересна судьба стихотворения «Андрогин», которое Гумилёв анонимно послал Мережковскому и Гиппиус, долгое время не желавших признавать его творчество. И, удивительное дело: они выразили желание познакомиться с автором сего творения!

1910 год примечателен не только признанием поэта, но и его женитьбой 25 апреля на Анне Ахматовой (Горенко) и венчанием их в Николаевской церкви села Никольская слободка (левый берег Днепра, г. Киев).

В 1911 г. при активнейшем участии Гумилёва был создан «Цех поэтов», куда вошли Мандельштам, Нарбут, Городецкий, Кузьмина-Караваева, Зенкевич и др. Поэзию они объявили ремеслом, а поэтов поделили на мастеров и подмастерьев. На первом заседании присутствовал и Александр Блок с женой.

В 1912 г. Гумилёв объявляет о новом течении в поэзии — акмеизме, в который оказались вовлечены члены «Цеха поэтов». Появление нового течения вызвало бурную реакцию, в основном — негативную. Акмеизм (от греческого слова *акме* — высшая степень чего-либо, расцвет) провозглашал материальность, предметность тематики, ясность образов, точность слова. Полагаю, не лишним будет отметить, что в своей статье «Наследие символизма и акмеизм» Николай Степанович считает символизм «достойным отцом» акмеизма, то есть не отвергает его напрочь, а продолжает извлекать из него необходимые поэтические средства. Это подтверждают и слова Л. Н. Малюковой — литературоведа, критика, члена Союза писателей России, доктора филологических наук: «Достижения символизма в области поэтического языка, звуковой партитуры оставались для акмеистов всё-таки жизненно важными».

В этом же году он издаёт сборник «Чужое небо», в котором были напечатаны поэма «Блудный сын, а также первая, вторая и третья песнь поэмы «Открытие Америки». Георгий Иванов своеобразно отзывается на сборник: «Пальмы, жирафы, львы, герои древности, сверхчеловеческие доблести и пороки — заполняют собой страницы первых книг Гумилёва. Реакцией против этой безудержной экзотики является «Чужое небо», где голос Гумилёва становится много сдержанней, человечней и естественней, нисколько не теряя богатства интонаций».

1 октября в семье Гумилёвых рождается сын Лев. Отношения с супругой, чьей руки он добивался довольно мучительно и долго, трижды делая предложение, становятся несколько прохладными, а потому припоминал он «вечера, когда не мучило вчера и не томили цепи долга». Явное разочарование сквозит в следующих его строках:

Татьяна Мажорина

*Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал забавницу,
Гадал — своенравницу,
Весёлую птицу-певунью.*

1914 год. Первая Мировая война. Перестал существовать цех, семейные отношения разладились, наскучила богемная жизнь, которую он вёл, вернувшись из Африки. Николай уходит добровольцем в армию. Его зачисляют в Лейб-Гвардии Уланский Её Величества полк. За удачные разведдействия на территории Южной Польши Гумилёв был награждён орденом Георгиевского креста 4-й степени, повышен в звании до ефрейтора, позже произведён в унтер-офицеры. В 1915 году после тяжёлой простуды воевал на Западной Украине, прошёл самые тяжкие военные испытания и получил орден Георгиевского креста 3-й степени, на что Анна Ахматова отозвалась довольно скептически, якобы обращаясь к маленькому сыну Льву:

*Долетают редко вести
К нашему крыльцу.
Подарили белый крестик
Твоему отцу.*

1916 год. Сентябрь. Гумилёв героем вернулся в Россию. Приказом Главнокомандующего Западного фронта произведён в прапорщики с переводом в 5-й Гусарский Александрийский полк. Используя передышку, ведёт активную литературную деятельность, выпускает сборник «Колчан». Приведу цитату из стихотворения «Война»:

*Как собака на цепи тяжёлой,
Тявкает за лесом пулемёт,*

*И жужжат шрапнели, словно пчёлы,
Собирая ярко-красный мёд.*

В этом сборнике лирика поэта звучит с небывалой силой. Сюда же включено замечательное посвящение Иннокентию Анненскому, который, будучи директором гимназии, в которой обучался юный поэт, уберёг его от отчисления и, в дальнейшем, всегда оказывал поддержку. Поэт с болью вспоминает об утрате:

*К таким неожиданным и невучим бредням
Зоя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.*

Из сборника «Костёр», выпущенного в 1918 году, не могу не отметить стихотворение «Мужик», на которое, к счастью, не отреагировала в свое время царская цензура — с таким четверостишием:

*В гордую нашу столицу
Входит он — Боже спаси! —
Обворожает Царицу
Необозримой Руси...*

Вот как отозвалась об этом стихотворении Марина Цветаева: «В этих словах, четырех строках, всё о Распутине, Царице, всей этой туче. Что в этом четверостишии? Любовь? нет. Ненависть? нет. Суд? нет. Оправдание? нет. Судьба. Шаг судьбы. Вчитайтесь, вчитайтесь внимательно. Здесь каждое слово на вес — крови. В гордую нашу столицу (две славных, одна гордая: не Петербург встать не может) входит он (пешая и лешая судьба России!) — Боже спаси! — (знает: не спасёт!) обворожает Ца-

Татьяна Мажорина

рицу (не обвораживает, а именно по-деревенски: обворожает!) необозримой Руси — не знаю как других, меня это «необозримой» (со всеми звенящими в нем зорями) пронзает — ножом... Дорогой Гумилев, есть тот свет или нет, услышьте мою, от лица всей Поэзии, благодарность за двойной урок: поэтам — как писать стихи, историкам — как писать историю». Это ли не показатель великого мастерства поэта? В этом же году он пишет поэму «Дитя Аллаха», часть которой написана в форме прошитого пантуна. Сказалось увлечение восточной поэзией. Должна сказать, что к технике стихосложения он проявлял особый интерес и относился очень требовательно.

В 1921 году Гумилёв публикует сборник «Шатёр», основываясь на впечатлениях от поездки по Африке, задумывает выпустить грандиозный «учебник географии в стихах». Планам его не суждено было осуществиться. В этом же году выходит ещё один сборник под названием «Огненный столп», который многие считают вершиной творчества. Прочитую удивительные, необыкновенно-лиричные стихи (канцона №1):

*И вставая на кручи,
Молодая заря
Кормит жадные тучи
Ячменём янтаря.*

Автор к Слову относится более чем ответственно, сокрушается из-за того, что суть его сводится до примитивного средства передачи информации, что оно утратило ту силу и величие, которыми было наделено изначально:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда*

*Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Отдельно хочу остановиться на стихотворении «Заблудившийся трамвай». Уже в самом названии заключён парадокс. Ребёнку известно: трамвай не может заблудиться. Однако, под заблудившимся трамваем автор подразумевает всю страну, идущую, по его мнению, не тем путём. Для него самого остаётся загадкой, как он вскочил на подножку трамвая?.. В стихотворении чётко обозначена гражданская позиция поэта — негативное отношение к Октябрьской революции, поскольку имел твёрдое убеждение в том, что построение любого государства на крови недопустимо. Он неоднократно, причём, публично высказывался, что «Россия с её богатым культурным и историческим наследием отдана на растерзание варварам». В стране царил анархия, благодаря которой, теперь уже советская цензура, «благополучно» пропустила опальное стихотворение. Гумилёв не желает участвовать в фарсе под названием «светлое будущее», а потому просит, нет — требует остановить вагон:

*Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.*

Но поздно. Рабоче-крестьянский поезд уверенно набирает обороты. И Гумилёв впервые предсказывает свою скорую смерть от палача «в красной рубашке с лицом, как вымя». Образ неизвестной Машеньки, к которой он обращается в стихотворении, в общем-то, собирательный и олицетворяет собой дореволюционную Россию, которую поэт бесконечно любил:

Татьяна Мажорина

*Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковёр ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, чтоб ты умерла!*

И, обращаясь к ней, он отмечает: «Я никогда не думал, что можно так сильно любить и грустить».

3 августа Николай Степанович был арестован по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева». К. Симонов откликнулся статьёй «Открыто и честно», содержание которой сводилось к тому, чтобы Гумилёв признал свою вину. Как ни пытались Михаил Лозинский и Николай Оцуп вытащить друга, ничего из того не вышло. Вскоре поэт был расстрелян. Место расстрела и захоронения до сих пор точно не установлено, равно как и не подтверждена ни одна из версий ГубЧК об его участии в заговоре. В 1992 г. он был реабилитирован.

В чём-то мы можем соглашаться с позицией Гумилёва, в чём-то нет, но то, что он внёс значительный вклад в поэзию серебряного века, сомнению не подлежит. И за это ему огромное спасибо! Приведу строчки из сборника «К синей звезде», выпущенного после его смерти. Эти замечательные стихи были написаны ранее и посвящены Елене Кароловне дю Буше — дочери известного парижского хирурга:

*И умер я... и видел пламя,
Не виденное никогда:
Пред ослеплёнными глазами
Светилась синяя звезда.*

Рассуждая о творчестве Николая Степановича, не могу не коснуться его драматической поэмы «Гондла», которая более

всего затронула мою душу. И не только мою, разумеется. В начале 1922 года театр, о котором перед арестом много хлопотал Гумилёв, наконец-таки, поставил его пьесу «Гондла». Написанная необыкновенно-пронзительно и образно, она имела огромный успех у зрителей. На генеральной репетиции, а потом и на первом представлении, публика стала вызывать автора на сцену. Автора на тот момент не было среди живых. И пьесу велели снять с репертуара.

Теперь несколько слов о самой пьесе. На престол Исландии вступает новый король, горбатый певец Гондла, некогда ещё ребёнком вывезенный из мирной христианской Ирландии. Женой его должна стать Лера, царевна суровой языческой Исландии, и брак этот по словам старого Конунга (одного из исландских властителей), соединив «лебедей и волков» обещает обоим народам славное будущее:

*Над Исландией тучи нависли,
И она бы погибла, но я
Небывалое дело замыслил —
Дать свободной стране короля.
Там, в Ирландии, жёны, как луны,
Мужи ясны, в единстве святом,
Ибо скальдов певучие струны
Не нахвалятся их королём.
Осмотрительно, мудро и тонко
Я давал наставленья послам,
Чтоб оттуда достать лебедёнка
Благородного выводка нам.*

Лариса Рейснер в статье «Н. Гумилёв — «Гондла» пишет: «Конечно, гордые ярлы, Груббе, Снорре, Ахти и Лаге, не желают подчиниться власти немощного короля, неспо-

Татьяна Мажорина

собного «опорожнить на поле колчан», поднять из берлоги медведя и силою добыть любовь Леры. Не смея коснуться самого царя (дикарям и хищникам свойственно боязливое отношение к слабому), ярлы наносят удар его любви и чести. Леру, ожидающую жениха, Леру, ставшую нежной и покорной девочкой Лаик — обманывает и оскорбляет участник её воинственных дневных забав, могучий и дерзкий Лаге. Всё, что следует за этим насилием: «неправый волчий» суд, изгнание, позор и одиночество — только начало того пути, который проходят на земле все сильные духом, горбатые лебеди».

В замысел пьесы вложен не только личный, но и глубокий социальный смысл, который автор раскрывает нам в самом конце. Весьма неожиданно заканчивается поэма: Гондла погибает, оказавшись в конце концов настоящим королём, а мечом, вынутым из его сердца, лебеди крестят волков:

*Подходите, Христовой любовью
Я крещу, ненавидящих, вас,
Ведь недаром невинною кровью
Этот меч обагрился сейчас.*

Лера, склоняясь над трупом, осознаёт вдруг, что только его одного она и любила и готова с ним отправиться в последний путь, в страну лебедей, «многолиственных клёнов» и роз. Ей всё равно, кто положит в ладью тело королевича: «люди, лебеди иль серафимы» и куда их унесёт южный ветер. Смерть прекрасного юноши оказалась не напрасной: во имя веры и во имя любви:

*Так уйдём мы от смерти, от жизни
— Брат мой, слышишь ли речи мои? —
К неземной, к лебединой отчизне
По свободному морю любви.*

Не напрасны и труды великого поэта Серебряного века. Его поэзия открывает широкие горизонты любителям русской словесности. Думаю, мне не сказать лучше, чем сказала Марина Цветаева: «Не «мэтр» был Гумилёв, а мастер... мастер, скошенный в самое утро своего мастерства-ученичества...»

Используемые материалы:

Николай Гумилёв. Стихотворения и поэмы. Издательство «Астрель» Москва 2009 г.

Николай Степанович Гумилёв. Детство и юность Википедия.

Валерий Брюсов. «Путь конквистадоров». Критика. <https://gumilev.ru/criticism/1/>

Н. С. Гумилёв «Волшебная скрипка» <http://vsesochineniya.ru/analiz-stixotvoreniya-gumileva-volshebnyaya-skripka.html>

Марина Цветаева. - О Гумилёве. <https://gumilev.ru/criticism/33/>

В. Ходасевич «Гумилёв и Блок». Глава из книги воспоминаний «Некрополь».

Александр Блок. - Без божества, без вдохновенья. - <https://gumilev.ru/criticism/29/>

Людмила Малюкова «Ещё не раз вы вспомните меня» - Дон_новый 16/1, издательство «Донской писатель»

«Здесь только б жить...»

*Здесь только б жить и грезить Грину,
Чтоб только ветер в волосах,
Чтоб солнце в лоб и звёзды в спину —
Лететь на алых парусах.
Лететь уверенно и твёрдо,
Встречать умытую весну,
На голубиные фиорды
В бездонную голубизну.*

«Здесь только б жить» — слова, вышедшие из-под пера Михаила Александровича Дудина — известного ленинградского поэта-фронтовика, переводчика, автора более семидесяти книг. Цитируемые выше строки посвящены полуострову Гангут на Балтике, который пленил его своей суровой красотой и с которым военная судьба его связала навеки. 20 ноября 2016 ему бы исполнилось 100 лет со дня рождения. Но начнём всё по порядку.

Род Дудиных ведётся от скоморохов, а во времена Ивана Грозного бродячие артисты подвергались гонениям. Царь подписал указ, в котором прямо повелевалось: «Истребить племя дудино». Дед будущего писателя — Павел Иванович, будучи умелым шлихтовальщиком, разработал барину такой состав шлихты, что тот дал не только вольную своему крепостному, но и денег на первое время. На вырученные деньги он приобрёл землю в живописнейшем уголке Костромской губернии (ныне Фурмановский район Ивановской области) на берегу мелководной речушки Молохты:

*На левом берегу стоит мирская,
Обхвата в три, зелёная сосна.
Вот там и пролетела золотая
Младенчества весёлая пора.
Там. В водополье веет влажный ветер,
Болота превращаются в моря...
Вот там и есть — милей всего на свете —
Единственная Родина моя!
Там жимолости розовая пена,
Смородина да хмеля благодать.
Поля в цвету. Там и жила Елена
Васильевна — моя родная мать.*

Собралась вместе вся родня. Вначале обустроили клевы (простонародное название хлебов), запаслись кормами на зиму. Первую зиму переселенцы жили вместе с живностью, на рубку домов не хватило ни средств, ни времени. В другое лето отстроились. Так появились в деревне шесть домов с фамилией Дудины. А название Клевнево, видимо, произошло от того, что жили изначально в клевах. Эту историю маленький Миша знал с детства, равно как и историю происхождения своей фамилии.

Родители его работали на фабрике. Дед знал грамоту, имел в доме старопечатные книги «Жития святых», а также великих русских писателей: Пушкина, Жуковского, Гоголя, Некрасова и, естественно, приобщил внука к русской поэзии. Однажды принёс ему даже глобус и наказал беречь. Об этом можно было и не говорить. Сельская школа находилась в четырёх километрах. На самом первом уроке учитель прочитал ребятам стихи Пушкина: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы...». И всё! Поэзия навсегда стала для Миши неким волшебством, чудом, чем-то невероятно-притягательным.

Татьяна Мажорина

Очень тёплые отношения у мальчика были с мамой — доброй, кроткой, красивой женщиной. Она была прекрасной женой и матерью, но невзгоды подкосили её здоровье. Очень рано мальчик остался без матери:

*Ушёл я из родительского дома
Мальчишкою одиннадцати лет.
Осенний дождь, как серая солома,
Прошёл за мной и смыл горячий след.*

Далее — школа крестьянской молодёжи. Учился на агронома, но агронома из него не вышло. Зато выпускал стенгазету, писал стихи. Окончил Ивановскую текстильную фабрику, но ткачом тоже не стал. Молодого смышлёного паренька пригласили в комсомольскую газету «Ленинец». В 1937 году Дудин поступил на вечернее отделение литературного факультета Ивановского педагогического института. Работал журналистом.

В 1939 призвали в армию, обучался в полковой школе младших командиров, читал стихи сослуживцам. Особенно любил цитировать Маяковского. Закончить школу тоже было не суждено: началась война с Финляндией. И курсант Михаил Дудин в числе первых вызвался служить на советско-финский фронт. С первых же дней войны проходил службу в гарнизоне полуострова Гангут (русское название Ханко). Там создавалась военно-морская база, главной задачей которой, было не допустить вражеские корабли в Финский залив — к Ленинграду.

*Меня поэтом сделала война.
Я всё прошёл от моря и до моря.
Я видел всё. Душа моя полна,
Душа моя состарилась от горя.*

О войне написано огромное количество искренних, пронзительных стихов, которые по-прежнему трогают душу. В марте 1940 г Михаил служил в конном взводе разведки полковой батареи, защищая полуостров с суши.

*Мы мужеству учились у камней,
У этих скал, седых и угловатых,
Когда сквозь грохот финских батарей
Мы шли вперёд для схваток и расплаты.*

В это необыкновенно-тяжёлое время выходит его первый поэтический сборник «Ливень», а его самого награждают медалью «За отвагу». Тетрадь стихотворений «Жёсткий снег», в которую входили стихи, написанные лютой зимой во время короткой, но суровой и жестокой финской кампании, была особенно дорога юному поэту. Стихи из этой тетради, ещё не совершенные в поэтическом плане, но обожжённые огнём тяжёлых боёв на Карельском перешейке, подкупали своей подлинностью и искренностью. Николай Семёнович Тихонов опубликовал их в первых же номерах «Звезды» Позже Михаил вернётся к этой теме в повести «Где наша не пропадала». Сам Дудин писал: «Поэтом меня сделала армия. Она заставила меня быть поэтом, переиначила и проявила мою судьбу, наполнив её смыслом».

Великую Отечественную войну он встретил там же — на полуострове Гангут 22 июня 1941 года. Долгое время фашисты не могли подавить сопротивление гарнизона:

*В душе моей живут два крика
И душу мне на части рвут.
Я встретил день войны великой
На полуострове Гангут.*

Татьяна Мажорина

*Я жил в редакции под башней
И слушать каждый день привык
Непрекращающийся, страшный
Войны грохочущий язык.*

Общительного журналиста видели и в окопах на северном участке обороны, и на аэродроме у лётчиков, и в отряде у морских пехотинцев. Однажды гангутцы через усилители услышали «личное послание Маннергейма доблестным защитникам Гангута», который предложил им сдаться в плен, поскольку «Ленинград не сегодня-завтра падёт, Гитлер в Москве устроит парад своих войск, а Сталин сбежит в Америку к Рузвельту». Конечно же, наших бойцов это разозлило, и они при непосредственном участии Дудина сочинили довольно дерзкий ответ, тысяча листовок с которым была нашими лётчиками сброшена над Хельсинки. Это письмо, как и письмо запорожцев к турецкому султану, впоследствии стало широко известным фактом. Приведу текст: <http://vnezd.livejournal.com/141847.html>

«ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ПРИХВОСТНЮ ХВОСТА ЕЕ СВЕТОСТИ КОБЫЛЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ, СИЯТЕЛЬНОМУ ПАЛАЧУ ФИНСКОГО НАРОДА, СВЕТЛЕЙШЕЙ ОБЕРШЛЮХЕ БЕРЛИНСКОГО ДВОРА, КАВАЛЕРУ БРИЛИАНТОВОГО, ЖЕЛЕЗНОГО И СОСНОВОГО КРЕСТА БАРОНУ фон МАННЕРГЕЙМУ

Тебе шлем мы ответное слово!

Намедни соизволил ты удостоить нас великой чести, пригласив к себе в плен. В своем обращении вместо обычной брани ты даже льстиво назвал нас доблестными и героическими защитниками Ханко.

Хитро загнул, старче!

Всю темную холуйскую жизнь ты драил господские зады, не щадя языка своего ...

Но мы народ не из нежных, и этим нас не возьмешь. Зря язык утруждал. Ну, хоть потешил нас, и на этом спасибо тебе, шут гороховый.

Всю жизнь свою проторговав своим телом и совестью, ты... торгуешь молодыми жизнями финского народа, бросив их под вонючий сапог Гитлера. Прекрасную страну озер ты залил озерами крови.

Так как же ты, грязная сволочь, посмел обращаться к нам, смердить наш чистый воздух?

Не в предчувствии ли голодной зимы, не в предчувствии ли взрыва народного гнева, не в предчувствии ли окончательного разгрома фашистских полчищ ты жалобно запищал, как загнанная крыса?

Короток наш разговор.

Сунешься с моря - ответим морем свинца!

Сунешься с земли - взлетишь на воздух!

Сунешься с воздуха - вгоним в землю!

Красная Армия бьет вас с востока, Англия и Америка — с севера, и не пеняй, смрадный иуда, когда на твое приглашение мы — героические защитники Ханко — двинем с юга!

Мы придем мстить. И месть эта будет беспощадна!

До встречи, барон!

Гарнизон Советского Ханко.

Месяц октябрь, число 10, год 1941»

Надо полагать, что по данным немецкой разведки главный автор листовки — красноармеец Дудин был установлен, а по

Татьяна Мажорина

радио сделано объявление, что этот красноармеец приговорён к смерти. Почти до самой зимы гарнизон сдерживал натиск врага, но в конце концов вынужден был эвакуироваться в Кронштадт. 2 декабря 1941 года турбоэлектроход «И.Сталин», на котором уходил молодой поэт, был атакован врагом и затонул. Михаилу Дудину удалось спастись...

В осаждённом Ленинграде он пережил блокаду. Одна пожилая женщина ему сказала, если ему трудно, нужно помочь человеку, которому ещё труднее, и от этого ему самому станет легче. Дудин никогда не забывал эти слова. Эти слова стали его установкой до конца жизни. Он очень любил делать подарки: дарил книги свои и чужие, свои рисунки-экспромты, любил вырезать перочинным ножичком из весенних веток трости и посохи. Вырезал на них сложные орнаменты, полировал. А Ленинград любил больше жизни:

*Я душу вынес из огня,
Через кольцо блокад.
Ты песней жизни для меня
Остался, Ленинград!*

Михаил Александрович отличался удивительной работоспособностью, сотрудничал с газетами «Красный Гангут», «Огневой щит», «Знамя победы», «На страже Родины». Всю весну писал статьи, репортажи, очерки и флётены, публицистику и эпиграммы, которые подписывал лихим псевдонимом «Ефрейтор Миноёмов». В апреле 1942 года его приняли в «Союз писателей».

В июне 1942 гитлеровцы решили штурмовать Ленинград. Редактор газеты «Знамя победы» вызвал поэта к себе и сказал: «Через два дня ровно год, как началась война. Приказываю

написать стихи!» Оба прекрасно понимали, что настоящие лирические стихи пишутся по вдохновению, а не по приказу. Однако, если редактор на такое решился, значит, верил, что вдохновение поэта не подведёт и обязательно откликнется на всенародное горе. Михаил вышел из редакции, миновал дачный посёлок, где находилась редакция, углубился в заросли орешника. Поодаль, в берёзовой роще заливался соловей, а в кармане гимнастёрки лежало письмо от друга (перечитанное не раз), сообщавшего о гибели в боях под Москвой поэта-земляка Николая Майорова. «О мёртвых мы поговорим потом» — с этой строчки началось одно из лучших стихотворений о Великой отечественной войне — «Соловьи», написанное по приказу и вошедшее во все антологии. Собственно говоря, описывалась даже не совсем война и не совсем весна, а смерть товарища во имя жизни на земле:

*Смотрел на нас и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошёл с лица,
Потом оно, темнея, каменело.
Как время, по траншеям тёк песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.*

И в этот момент запел «соловей, за ним — второй, четвёртый... пятый, звенят стрижи, малиновки поют... цветёт на минном поле земляника»:

*А мир гремит на сотни вёрст окрест,
Как будто смерти не бывало места,*

Татьяна Мажорина

*Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.
Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.*

Не менее пронзительное стихотворение, построенное на антитезе (противопоставление, резкий контраст образов), написанное в самый разгар войны:

*Здесь грязь и бред. И виши в траншеях.
И розовое облако вдали.
Душа моя, когда ж похорошеют
Обугленные площади земли?
Давно пора. Под пеленою пепла
Протухли трупы и свернулась кровь.
Душа моя, ты в сотый раз ослепла,
От чёрствых слёз и прозреваешь вновь.
Смотри — весна. И над равниной русской
Молочно-лиловатый снег.
...Влетела в амбразуру трясогузка
И весело уселась на лафет.*

По этому же принципу выстроен и сюжет поэмы «Волга». Не могу не привести отрывок из неё:

*Седые тучи тянутся за Волгу.
Предутренняя стынет синева.
Над Жигулями пасмурно. Заволгла
Пожухлая осенняя трава.*

*Слоистые ползучие туманы
По камышам и плавням залегли.
Сурово молчаливые курганы,
Как стражи, поднимаются вдали.
Так вот она, широкая какая,
Встаёт навстречу, глаз не утоля,
Исконная, родная, золотая,
Никем не покоримая земля.
Копни её. Прислушайся. И снова
Об острие ударится, звеня,
Пернатый шлем Димитрия Донского
И две подковы борзого коня.*

Войну Дудин закончил гвардии старшим лейтенантом. Культура Ленинграда незаметно шлифовала талант Дудина. Он впитывал традиции Блока, Ахматовой, с годами всё возрастала любовь к творчеству Пушкина. Приехав в Михайловское на юбилейные торжества, посвящённые 150-летию поэта, он был покорён праздником и отозвался стихотворением «Встреча на юбилее Пушкина 12 июня 1949 года в селе Михайловском». С тех пор из года в год гостил в пушкинской деревне. «У него здесь своё «царство», свой терем-флигелёк, свои тропинки и рощи». Его стихи высечены на могиле неизвестного солдата при входе в михайловские рощи со стороны деревни Бугрово. На больших панно вдоль дороги, по которой гости идут в Михайловское, написаны строки Дудина о Пушкине:

*Мы знаем это иль не знаем,
Хотим того иль не хотим,
Но он никем не заменяем
И навсегда необходим.*

Татьяна Мажорина

Вся послевоенная жизнь поэта связана с Ленинградом. Один из его сборников так и называется «Всё с этим городом навек». Именно он со своим другом Михаилом Аникушиным были инициаторами создания обелиска героическим защитникам Ленинграда и мемориального зала к 30-летию Победы на южном въезде в город. Михаил Дудин стал инициатором создания Зелёного пояса Славы — комплекса мемориальных сооружений на рубежах битвы за Ленинград в 1941-1944 годах. Благодаря его усилиям, была установлена мемориальная доска на улице Пестеля в честь героических защитников полуострова Ханко. Рядом с ним почти всегда была его жена Ирина Николаевна Тарсанова, которая работала редактором на одной из питерских киностудий.

*Ты — вся моя. Дорожке год от года.
Открытым взглядом для меня горюшь.
Весеннюю порою ледохода
Каким ты чудом землю одаришь!
Я вытерплю обиду и потерю,
До двери тропку проторю в снегу,
В беде и славе лишь тебе поверю,
Тебе одной — умру, но не солгу.*

В 1985 году Михаил Александрович написал стихотворение «Надпись на ядерном реакторе», которое многие называют пророческим. Спустя год после его написания, случилась авария на Чернобыльской АЭС:

*Жизнь — беззащитна, и любовь — нежна.
И разум Землю облагает данью.
И точная ответственность должна
Сопутствовать великому познанию.*

Почти четверть века Дудин возглавлял Ленинградский комитет защиты мира (сегодня Санкт-Петербургский Совет мира и Согласия), избирался депутатом Верховного совета РСФСР двух созывов, членом правления Союза писателей РСФСР, секретарём Правления Союза писателей СССР. Всегда помогал молодым литераторам.

Михаил Александрович так и не смог смириться с разрушительными, по его убеждению, процессами перестройки, затеянной Михаилом Горбачёвым. Очень тяжело переживал распад Советского Союза. У него почти в каждой из бывших республик были близкие друзья: Мустай Карим, Левон Мкртчян, Расул Гамзатов, Давид Кугультинов... Вот что он пишет в стихотворении «Моя молитва под 1992 год»:

*Я нищим стал: Всё растерял по свету, —
Меня уже наполовину нету...
Расторглась жизнь, распались времена...
Предатели сменили имена.*

Приведу цитату из воспоминаний дочери поэта Елены Михайловны Грищенко, редактора информационного агентства «Интерфакс»: «Он очень любил Россию, был интернационалистом по природе, и распад дружбы народов был для него трагедией, и частью этой трагедии было разделение Союза писателей, на котором русские пытались отделиться от русскоязычных. Он оказался в больнице. Ему было 77, язва дополнилась воспалением лёгких, отёк распространился на мозг, и он уже не приходил в сознание. Ещё две недели его держали на аппаратах искусственного кровообращения, дыхания, питания, и в ночь на 1 января 1994 года его сердце остановилось». Полагаю, самое время, привести пронзительные строки поэта:

Татьяна Мажорина

*Прощайте! Уходим с порога.
Над старой судьбой не вольны.
Кончается наша дорога —
Дорога пришедших с войны.
Прощайте! Со временем вместе
Накатом последней волны
Уходим дорогою чести,
Дорогой пришедших с войны.
Уходим... Над хлебом насущным —
Великой Победы венец.
Идём, салютуя живущим
Разрывами наших сердец.*

Последней своей книги «Дорога крови по дороге к Богу» он так и не увидел. Она была издана стараниями вдовы писателя — Ирины Тарсановой. Умер Михаил Александрович в чужой для себя стране, не в той, которую строил и не в той, которую защищал с юных лет. Похоронен на неприметном погосте рядом с матерью в селе Вязовском Фурмановского района. В его стихотворении «Вместо завещания» есть строки: «Найдите мне место на этом погосте».

С 1994 года в Фурмановском районе проводится песенно-поэтический фестиваль памяти Михаила Дудина. Имеет место областная Дудинская премия за изучение наследия поэта. С 2009 в Ивановском госуниверситете открыт музейный кабинет писателя. В июне 2012 в Санкт-Петербурге в районе новостроек «Северная долина» появилась улица Михаила Дудина, на которой 20 ноября того же года была торжественно открыта памятная доска в честь поэта. Вклад поэта в копилку отечественной поэзии неоценим. Нам остались стихи, повести, песни, сценарии... И закончить своё

«Служение слову...»

повествование хотелось бы на оптимистической ноте одним из самых любимых мной стихотворений, написанного на следующий год после войны:

*А я люблю, когда пути
Курятся в снежной замяти,
А я один люблю брести
По тёмным тропам памяти.
За тем, что выдумать не мог,
О чём душа не грезила.
И если есть на свете бог,
То это ты — Поэзия.*

Используемые материалы:

сборники М.А. Дудина и интернет-ресурсы:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Дудин,_Михаил_Александрович

http://vokrugknig.blogspot.ru/2016/11/blog-post_20.html

Когда поймёшь...

К 140-летию Максимилиана Волошина

*Когда поймёшь, что человек рождён,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума
Вселенную Свободы и Любви —
Тогда лишь*

Ты станешь Мастером.

Эти строки, написанные в июне 1917 года, принадлежат одному из ярчайших представителей Серебряного века — Максимилиану Александровичу Волошину, интерес к творчеству которого с годами лишь усиливается. Ответ на вопрос — в чём заключается его притягательность — попыталась дать в своё время ещё Марина Цветаева в очерке-некрологе «Живое о живом»: «...Макс сам был планета. И мы, крутившиеся вокруг него, в каком-то другом, большем круге, крутились совместно с ним вокруг светила, которого мы не знали». Не ослабевает к нему интерес и в наши дни. Его дом в Коктебеле во все времена был полон народа. Открыт он и сейчас для всех желающих ближе познакомиться, душой прикоснуться к жизни и творчеству поэта, публициста, художника и Человека с большой буквы. Как прав был Макс, некогда написав о своём доме:

*Всей грудью к морю, прямо на восток
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь её течёт, не иссякая.*

Я, собственно говоря, тоже свидетель того, сколь много желающих сюда попасть. Летом 2015 года была в Крыму, останавливалась именно в Коктебеле, а дом Волошина, ставший теперь музеем, посетила дважды. Впечатлений — масса! Попробую, насколько мне удастся, поделиться ими, рассказать о жизни и творчестве одного из любимых мною поэтов. Не заинтересоваться его поэзией просто невозможно. Язык необыкновенно яркий, сочный, метафоричный. Приведу лишь малую толику образов, которые он мастерски использует в своих стихах. К примеру: «река линиялыми боками качала белый пароход; душа моя в узах своей немоты звенит от безвольных усилий; бурый войлок мха, шёлк листов опалых; стальная дрёма вод, сырой земли угрюмое величье; окаменелые мечты безмолвно грезящей природы (о скалах); там в окне, в зелёной мгле подводной бьются зори огненным крылом (в мастерской); алмазных рун чертёж (созвездия); святое око дня, тоскующий гигант (солнце); алмаз ночей, владычица зачатий, царица вод, любовница волны (луна); зарницы синие трепещут беглой дрожью; влачился день по выжженным лугам; сочилась желчь шафранного тумана; горькая душа тоскующей полыни, незрелый колос твоей любви; в кольце одной неволи; жемчугами расшит покров; ступни горят, в пыли дорог душа; бескрылая изнемогла мечта; луга полынные нагорий тускло-серы; изглоданных волною берегов; озёр агатовых колдующие очи; веснушек, летом осмуглённых; вся в нимбах белого пожара» и т.д. Однако, начнём всё по порядку...

Максимилиан Волошин родился в Киеве 29 мая (по новому стилю) 1877 года. Кириенко-Волошины по линии отца — Александра Максимовича — потомки запорожских казаков. По линии же матери, Елены Оттобальдовны, предки поэта — давно обрусевшие немцы. Когда Максу исполнился год, семья переехала в Таганрог на новое место назначения отца — члена таганрогского окружного суда. В семейных отношениях происходит разлад, и мать с сыном перебираются в Севастополь.

Татьяна Мажорина

Впечатления от увиденного надолго врезались в детскую память. Город ещё не оправился после героической обороны: опрокинутые колонны Петропавловского собора, деревья, выросшие внутри разбитых домов, одним словом — разруха. Но... на всю жизнь он полюбил светлые камни и жёлтую траву и в зрелом возрасте не раз описывал и рисовал этот пейзаж.

В 1881 году в Таганроге умирает отец, и Елена Оттобальдовна выезжает туда, а затем в Москву, где ей предстоит на какое-то время обосноваться вместе с маленьким сыном. В десять лет юный Макс становится учащимся московской частной гимназии Поливанова, затем — Первой казённой. Внутри зреет протест против «неудобоваримых и ненужных знаний». Из дневника: «Мечтаю о юге и молюсь о том, чтобы стать поэтом». Всё меняется в один день, когда мать и её друг — врач Павел Павлович Теш, совместно покупают у профессора Э.А. Юнге участок земли на побережье неподалёку от Феодосии. Пологие серые холмы, по сути — убогий вид, но будущему поэту он кажется «грандиозным и блестящим».

Макс учится в Феодосийской гимназии. Маленький, глубоко провинциальный городок становится местом его поэтического дебюта. В 1897 году он вновь едет в Москву, поступает на юридический факультет. В феврале 1899 года за участие в студенческих беспорядках его отчисляют из университета на год и высылают в Феодосию. Он с матерью и дочерью Теша едет в путешествие по Европе. Заграничные путешествия чередуются с высылками. В 1900 году в Судак (Крым) его снова подвергают аресту и препровождают в московскую Басманную часть до особого распоряжения.

Оттуда он попадает в Ташкент, где его зачисляют фельдшером в изыскательскую партию. Полтора месяца в степи с кара-

ваном не прошли даром. Из глубин Азии он несколько иначе смотрит на европейскую культуру. Усиленно читает Ницше. По возвращении, бросает университет, чтобы заняться исключительно самообразованием, посещает лекции в Сорбонне. В Париже знакомится с Маргаритой Сабашниковой и впервые по-настоящему влюбляется. Тихий голос, светлые русалочьи глаза... Талантливая художница, ученица Репина и немного поэтесса. Богатая купеческая дочь (в родне были буряты, торговали с Китаем). Вот как он описывает чувство, нахлынувшее на него с невероятной силой:

*Я ждал страданья столько лет
Всей цельностью несознанного счастья.
И боль пришла, как тихий синий свет,
И обвилась вокруг сердца, как запястье.*

*... И сердце стало из стекла,
И в нём так тонко пела рана:
«О, боль, когда бы ни пришла,
Всегда приходит слишком рано».*

Нельзя сказать, что Маргарита испытывала те же чувства. Она воспринимала его как друга для совместных прогулок по Парижу: «Макс Волошин человек милый, но смешной. Слишком толстый. Носит безобразно укороченные брюки и нелепое пальто в талию. На то, как он идёт по улице, невозможно смотреть без улыбки. Но он хороший, очень хороший! Просто Макс — не её человек». По простоте души она ему об этом сказала и предложила дружбу. Понятно, какую боль испытал Макс в ответ на своё признание в любви, но

Татьяна Мажорина

дружбу не отверг. В конце концов гадалка Анна, подруга Волошина, убедила, что они созданы друг для друга. Результат — две сломанные судьбы.

12 апреля 1906 года свадьба всё-таки состоялась. Обвенчавшись, молодые уехали в Коктебель. На тот момент дом поэта, который он начал строить с 1903 года уже приобрёл некоторую известность. «У ворот дома приехавших поджидало существо неопределённого пола в шароварах, длинной холстяной рубахе и с непокрытой седой головой. «Ну, здравствуй, возмужал!» — произнесло существо хриплым басом. «Здравствуй, Пра!» — ответил Волошин. Маргарита терялась в догадках: мужчина или женщина? Кем она приходится мужу? Оказалось — матерью. Он с удовольствием облачился белый хитон, влез в чупяки, а голову украсил венком из полыни. Петербург и Сорбонна остались в прошлом».

Марго без особой сноровки, да и без желания приняла роль хозяйки этакого общежития художников и поэтов. Макс же, искренне радовался каждому гостю. Образ жизни мужа она так и не приняла. Союз двух талантливых художников быстро распался:

*Я устал от лунной сказки,
Я устал не видеть дня.
Мне нужны земные ласки,
Пламя алого огня.*

*... Не царевич я. Похожий
На него. Я был иной...
Ты ведь знала: я — Прохожий
Близкий всем, всему чужой...*

Сабашникова уехала в Петербург и вскоре вступила в гражданский брак с выдающимся историком и филологом, поэтом Вячеславом Ивановым. Волошин болезненно пере-

живал разрыв. На тот момент он больше был известен как критик и публицист, а тут стихи полились рекой, причём, стихи зрелые, взвешенные, пронзительные. И события в стране, видимо, подстегнули к этому. Он стал свидетелем расправы с народом, пришедшим к царю за помощью. Приведу отрывок из стихотворения «Предвестия» о кровавом воскресенья 1905года:

*В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик тройне,
И каждый диск сочился, словно рана...
И выступала кровь на снежной пелене.*

Или ещё несколько философские стихи на эту же тему, ничуть не уступающие по степени эмоционального воздействия предыдущему. Первые строфы написаны дома, а логическое завершение написано несколько позже в Париже:

*Народу русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны чёрные — в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой — набат. Хоругвь моя, — как кровь.*

*... Не сеятель сберёт колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.*

Макс также пишет удивительно светлые лирические стихи, его слог набирает силу, заявляет о себе всё увереннее, чётче, ярче. Прочитую отрывок из стихотворения «Вечерние стёкла»:

Татьяна Мажорина

*Гаснет день. В соборе всё поблёлло.
Дымный камень лиловат и сер.
И цветами отцветают стёкла
В глубине готических пещер.
...Хризолит осенний и пьянящий,
Мёд полудней — царственный янтарь,
Аметист — молитвенный алтарь,
И сапфир, испуганный и зрящий.
В них горит вечерний океан,
В них призыв далёкого набата,
В них глухой, торжественный орган,
В них душа стоцветная распята.*

В доме Волошина останавливались: М. Булгаков, К. Чуковский, Е. Замятин, М. Пришвин, В. Ходасевич, М. Горький, М. Шагинян, И. Эренбург, О. Мандельштам, сёстры Цветаевы, В. Харг, К. Бальмонт, С. Соловьёв, С. Городецкий, А. Грин, К. Тренёв, Ю. Оболенская и многие-многие другие известные писатели и художники. Денег хозяин принципиально не брал ни с кого. Основное условие — внести интеллектуальный вклад в общение.

Жизнь протекала плодотворно и весело. Многие из них расхаживали в хитонах и сандалиях, на берегу могли оголиться, чем вводили в шок благонамеренных дачников. Особое отношение было к розыгрышам, в которых Макс всегда принимал участие, а подстрекателем зачастую была Елена Оттобальдовна — мать поэта. Иногда это заходило слишком далеко, как в случае с Елизаветой Дмитриевой, например. Особой красотой не отличалась, полновата, слегка прихрамывала, этакая «золушка», но писала хорошие стихи и благоволила к Максусу. Чтобы приукрасить

жизнь девушки и внести некую долю адреналина, он изобрёл целую эпопею об испанке аристократического происхождения Черубине де Габриак. «В стихи Дмитриевой незамысловатые и чисто «женские», он рукою хитроумного цензора ввёл соответствующую атрибутику: шпаги, розы, южные недетские страсти». О секрете знал лишь Алексей Толстой.

Сергей Маковский — редактор модного в то время питерского журнала «Аполлон», печатая стихи, заочно влюбился в таинственную испанку (возможно, полуфранцузенку). На эту «удочку» попался и Николай Гумилёв. Волошин тоже при удобном и неудобном случае распинался о роковой страсти. Вскоре весь Петербург заговорил о Черубине, которая тихо-мирно жила в скромной квартирке одного из нефешенебельных районов города и ходила на работу в Петровскую гимназию. К тому же, Елизавета сама время от времени писала меткие эпиграммы в адрес прославленной и обожаемой «незнакомки». Когда интрига раскрылась, Маковский сделал хорошую мину при плохой игре и предложил сотрудничество. Хуже отреагировал Гумилёв, публично отпустив колкость в её адрес. Волошин, заступившись, влепил пощёчину обидчику и немедленно был вызван на дуэль. К счастью, для обоих поэтов обошлось благополучно.

Для меня лично Макс Волошин служит образцом того, как можно самостоятельно достичь такого уровня в творчестве. Он прекрасно владел всеми средствами образности языка (тропы, стилистические фигуры, лексические средства художественной выразительности). Заслуживают внимания удивительно красивые сонеты и венки сонетов, написанные по всем правилам. Рифмованные стихи, выполненные разными размерами, создают своеобразную динамику при прочтении. Довольно ёмкие, точные белые стихи. А вот пример одного из верлибров:

Татьяна Мажорина

*День молочно-сизый расцвёл и замер,
Побелело море, целуя отмель.
Всхлипывают волны, роняют брызги
Крылья тумана...
Обнимает сердце покорность. Тихо...
Мысли замирают. В саду маслина
Простирает ветви к слепому небу.*

Конечно же, ему трудно забыть свою первую любовь. Как негласное обращение к Маргарите звучат слова:

*Теперь я мёртв. Я стал строками книги
В твоих руках...
И сняты с плеч твоих любви вериги,
Но жгуч мой прах.
Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохраняют всегда твои дороги
Мою печать.
Похоронил я сам себя в гробницы
Стихов моих,
Но вслушайся — ты слышишь пенье птицы?
Он жив — мой стих!*

Максимилиан Александрович — человек необычайной доброты и радушия, человек, абсолютно не приемлющий зла и насилия ни в жизни, ни в искусстве. На пороге Первой Мировой войны, когда в Европе уже объявлена мобилизация, он рубит барельефы для антропософского храма всех религий в швейцарской деревеньке Дорнах. Философия его проста: «Тот,

кто убеждён, что лучше быть убитым, чем убивать, и что лучше быть побеждённым, чем победителем, так как поражение на физическом плане, есть победа на духовном, — не может быть солдатом».

Здесь важно отметить, что Волошина, вернувшегося на родину к началу мобилизации, комиссия признала непригодным по состоянию здоровья. И что интересно, он молился и за тех, и за других. К тому же, считал, что молиться за врага более продуктивно, поскольку молитва открывает глаза агрессору на несправедливость своих действий, одновременно помогая борющимся за правое дело.

Полагаю, самое время привести изрядно нашумевшую «репинскую историю». В чём её суть? Да в том, что некий Абрам Балашов, не совсем здоровый в психическом плане человек, исполосовал ножом картину великого живописца «Иван Грозный и сын его Иван». Верный своим принципам отрицания любой формы насилия, поэт обвинил самого Илью Репина, поскольку его талант был использован во зло и, следовательно, потерпевшей стороной является незаконно обвиняемый гражданин. Естественно, навлѣк на себя неудовольствие общественности, но мнения не изменил. Не правда ли, необычная трактовка, однако, не лишена некоторого смысла...

Как и следовало ожидать, революцию в России и последующую за ней гражданскую войну он встретил отрицательно. И вновь спасает и молится и за красных, и за белых. Прочитую стихотворение поэта «Заклинание»:

*Из крови, пролитой в боях,
Из праха, обращѣнных в прах,
Из мук казнѣнных поколений,*

Татьяна Мажорина

*Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.*

*Я за неё за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Её куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.*

Летом 1918 года его гостеприимством пользуется муж Марины Цветаевой, участник Белого движения Сергей Эфрон. А вскоре контрразведка Врангеля по недоразумению задержала Осипа Мандельштама. Волошин прилагает все усилия для его спасения. И это ему удаётся! Со слов Марины Цветаевой он может договориться с любым, даже с тем, «кто стреляет раньше, чем думает». Было время, когда Макс укрывал у себя одного из организаторов подпольного большевистского съезда — Бела Куна, а тот, в свою очередь, спас его от расстрела. Как позже Волошин напишет: «Из самых глубоких кругов преисподней Террора и Голода я вынес свою веру в человека».

*Я сам избрал пустынный сей затвор
Землёю добровольного изгнания,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединенье выплавить свой дух
И выстрадать великое познание.*

В годы Гражданской войны он познакомился со своей будущей женой — Марией Заболоцкой. Она шла по улице и плакала, поскольку у неё пропала собака. Макс начал успокаивать незнакомку. С того всё и началось. Она не отличалась ни красотой, ни талантом, даже женственности практически не ощущалось. Но была очень хорошим фельдшером и умела сочувствовать людям. Когда заболела его мать, Маша все заботы взяла на себя. Перед смертью Елена Оттобальдовна просила не оставлять Марусю, это и определила его дальнейшую судьбу. У самого Макса к тому времени уже случались приступы астмы, плюс обострилась болезнь суставов. Жена безропотно исполняла все заботы по «аристократическому общежитию». «Какое счастье, что я около Макса! Господи, какой это большой человек!» — запишет она в своём дневнике.

Волошин составляет сборники из стихотворений, написанных в самые страшные для страны годы «Неопалимая купина. Стихи о войне и революции» и «Путями Каина. Трагедия материальной культуры». Ни о какой публикации можно было и не мечтать. В печально известном в истории русской литературы журнале «На посту» появляется статья Б. Таля «Политическая контрреволюция в стихах М. Волошина». Её название уже говорит само за себя. И тем не менее, какое бы ни было тяжёлое время, Макс никогда даже мыслей не держал оставить свою Русь, поскольку беззаветно и преданно любил её:

*Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, —
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!*

Татьяна Мажорина

В 1931 году в Крыму вновь страшный голод. Атмосфера становится всё более тревожной и удушающей. В самые трудные дни жена предлагает ему повеситься вместе. Мысли о суициде посещают и самого поэта. Он горько иронизирует: «Лучше «расстреляться» по примеру Гумилёва». Не могу не процитировать строки из стихотворения автора «На дне преисподней», посвящённого памяти Блока и Гумилёва:

*С каждым днём всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.
Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.
Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!*

Как бы то ни было, он всё же получает членский билет «Всероссийского Союза советских писателей», подаёт заявление о передаче каменного флигеля под «Дом поэта», естественно, безо всякой арендной платы. К следующему году состояние резко ухудшилось, его речь понимала только жена. Но... каждый день последнего лета он писал акварели. Сильно мучившая его астма осложнилась гриппом, перешедшим в воспаление лёгких. 11 августа Максимилиан Александрович умер. Похоронили его, согласно завещанию, на вершине горы Каучук-Енишар. Оттуда отрывается прекрасный вид на Коктебельскую бухту. С противоположной стороны бухту замыкает суровый Кара-Даг, вершина которого напоминает высеченный в камне профиль поэта. Некое, можно сказать мистическое сходство, он заметил ещё при жизни, написав пророческие стихи, подтверждающие этот факт:

*И Коктебеля каменная грива:
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поёт в волнах его прилива.
И на скале, замкнувшей глубь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.*

И теперь многие, приезжающие в Коктебель, поднимаются к могиле Волошина, читают его стихи и кладут сверху разноцветные камешки (коих на берегу великое множество), опять же по его завещанию, как дань памяти замечательному поэту, художнику, публицисту, историку и краеведу...

Эпилог

Вроде бы рассказала по возможности о жизни и творчестве любимого мною поэта, но чувствую какую-то незавершённость. В конце концов поняла, чего не хватает — нужно описать внутреннюю часть дома, чтобы читатель имел более полное представление о незаурядной личности Максимилиана Александровича. Полагаю, наиболее полно раскрыть внутренний мир автора поможет мастерская, поскольку это «сердце» его жилища. Войдя в помещение, неожиданно встречаем аккуратные полочки вдоль стены, а на них: молотки, рубанки, топоры, ножовки, пилы по железу и т.д. Волошин умело слесарил, столярничал, плотничал, возделывал землю. Повсюду в глиняных вазах и берестяных туесках, изготовленных мамой — Еленой Оттобальдовной, стоят засушенные горные растения, которые поэт собирал для оформления интерьера.

Неутомимый путешественник и краевед, он также «коллекционировал уникальные свидетельства истории: фрагмент корабля гомеровской эпохи, на котором сохранилась обшивка бронзовыми пластинами; остатки античной керамики с плато Тепсень, эллинские амфоры...». В летнем кабинете, который служит продолжением мастерской, стоят посмертные маски Пушкина, Толстого, Достоевского. Кроме этого, многочисленные фигурки из камня и дерева, сделанные собственноручно, морские раковины всевозможных расцветок и габриаки (сухие корни и ветви причудливой формы). Очертания одного из них, напоминают устремлённую куда-то вдаль женскую фигурку. Её название — «Бегущая по волнам» помогло А.Грину озаглавить один из известных своих романов. Привлекает внимание раковина с необычной цветовой гаммой. Бытует мнение, что М.Врубель позаимствовал краски для своей знаменитой картины.

Святая святых его мастерской — небольшой уголок, отгороженный деревянной стенкой, так называемая каюта, в которой хранится гипсовый слепок головы египетской царицы Таиах — жены фараона Аменхотепа III (1455 — 1419гг. до н.э.), свекрови красавицы Нефертити. В историю вошла как царица солнца. Волошин безмерно дорожил им, поскольку усматривал в этом поразительное сходство с Марией Сабашниковой — его первой любовью. На жёстких спинках диванов в каюте Таиах размещены гравюры японских мастеров. Слепок с образом Солнцеликой он приобрёл в Берлине в 1905 году и с той поры никогда с ним не расставался даже в путешествиях. Поэт долго искал для «египтянки» место, где бы её загадочная улыбка сияла всем входящим особенно очаровательно. Со слов экскурсовода, улыбку и в наше время можно увидеть в середине августа, в ночь полнолуния. А любоваться шедевром мы можем только благодаря мужеству и самоотверженности супруги — Марии Степановны, которая в годы оккупации буквально «выдрала» этот слепок со стены и спрятала в подполье на 570 дней...

В мастерской художника представлены все жанры живописи. Здесь же портреты хозяина дома кисти К. Петрова-Водкина, М. Шаронова, В. Бобрицкого, а также портрет, выполненный в кубистической манере знаменитым мастером Диего Ривера, с которым Волошин подружился в Париже. Второй портрет кисти Риверы — миниатюра на подносе хлеба, который как бы дополняет первый.

Огромную ценность представляет богатейшая библиотека, насчитывающая более девяти тысяч изданий, из них три тысячи — на французском языке, которым Максимилиан Александрович владел в совершенстве. А собирать он начал её ещё с гимназических лет! Среди них, не считая художественной литературы, книги: по истории, искусствоведению, ботанике, физике, археологии, астрономии,

Татьяна Мажорина

медицине, сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и рядом — А. Шопенгауэра, Д. Дидро, Г. Спенсера и др. Особой популярностью у Волошина пользовались путеводители, поскольку он исколесил чуть ли не всю Европу (и не только её) и словари. Обратите внимание, что пишет поэт по поводу своего «общения» с книгами:

*Мой кров убог. И времена суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Здесь по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.*

Более сотни книг с автографами, дарительными надписями от друзей:

С. Городецкого, Ф. Сологуба, М. Шагинян, С. Маковского, М. Цветаевой, А. Толстого и т.д. Максиму Волошину принадлежит замечательное по глубине мысли высказывание, которым я и хочу завершить небольшой обзор большого дома-музея: «Жилище человека — его раковина. Книги — его жемчужина: болезнь и драгоценность». Полагаю, лучше и не скажешь...

Используемая литература:

Максимилиан Волошин. Стихотворения. Москва. Профиздат — 2007 г. (Поэзия XX века).

Поэт и художник Максимилиан Волошин. ООО Фирма «Салта» ЛТД — Украина, АР Крым, г. Симферополь — 2012 г.

Журнал «Караван истории» — статья А. Александрова — 2012 г.

**«Я обращаюсь с требованием
веры»**

*К вам всем — что мне,
ни в чём не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.*

«Я обращаюсь с требованием веры»... Несколько необычно и, быть может, претенциозно, звучат слова, вышедшие из-под пера двадцатилетней Марины Цветаевой, уже тогда громко заявившей о себе. И следом — «И с просьбой о любви» — совсем другой оттенок, как будто обращаются к современникам два совершенно разных человека. В этом она вся: мятежная, противоречивая и удивительно талантливая! Похоже, юная поэтесса не очень-то верит в жизнь после смерти в её библейском понимании и, тем не менее, рассчитывает оставить яркий след на земле, иначе не имеет никакого смысла само её существование:

*Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с её насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё — как будто бы под небом
И не было меня!*

Татьяна Мажорина

Марина с одной стороны уверена в силе своего слова и, в то же время, её гложет страх оказаться в одиночестве не востребуемым, непризнанным поэтом. Обратите внимание, как мысли Цветаевой тесно переплетаются с блоковскими «Умрёшь — начнёшь опять сначала, и повторится всё, как встарь...». А к поэзии Александра Блока — «вседержателя её души», у Марины особое отношение. Приведу отрывок из стихотворного цикла, посвящённого поэту №1:

*Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний
Не вобью своего звезда.
И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь
И под медленным снегом стоя,
Опускаюсь на колени в снег,
И во имя твоё святое
Поцелую вечерний снег.*

Невероятно сильные строки! Насколько бережное, даже трепетное отношение к поэзии Блока, безоговорочное преклонение перед его творчеством... Классическая поэзия живёт по своим правилам, но с точки зрения Марины в ней давно уже чувствуется некий застой, то есть «сон и фимиам», а она горит желанием внести свежую струю, раскрыть читателю свой богатый внутренний мир. Всплеск эмоций, спонтанность, новизна её стихов ассоциируется с брызгами фонтана, искрами ракет, драгоценными винами. Следующие стихи служат ярким подтверждением вышесказанного:

*Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что — я поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам! —
Разбросанным в пыли по магазинам
Где их никто не брал и не берёт,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.*

И черёд действительно настал. Пусть не все в наше время увлекаются книгами, но в Интернете просмотров её стихов довольно много. Стихи такого уровня не читать невозможно. Непостижимая творческая мощь, «ослепительная расточительность», особый синтаксис и ритм, работающий порой по её собственным законам. Но... начнём всё по порядку. Передо мной книга «Воспоминания» Анастасии Цветаевой (880стр!). Попробую, по возможности, кратко ознакомить читателя с некоторыми подробностями из жизни Марины. Родилась будущая поэтесса 26 сентября (8 октября по новому стилю) 1892 года в Москве на день Иоанна Богослова в Трёхпрудном переулке, дом №8 (не сохранился). Вот как она сама пишет об этом:

*«Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась».*

Татьяна Мажорина

Отец — Иван Владимирович Цветаев — филолог, профессор Московского университета, великий труженик-просветитель, основатель первого в дореволюционной России Музея изящных искусств. Мать — Мария Александровна (урождённая Мейн) из обрусевшей польско-немецкой семьи — его верная помощница, женщина романтическая, одарённая. В семье, кроме Марины и младшей сестры Анастасии, были ещё дети от первого брака отца: старшие сестра Лёра и брат Андрей. Мама Мусю (так её называли в детстве) не смогла кормить. Малышке взяли кормилицу — цыганку с крутым нравом. Когда дедушка подарил ей позолоченные серьги, она в ярости, что не золотые, бросила их об пол и растоптала.

Муся росла любознательным, бойким ребёнком: не уступала мальчишкам в драках, могла ловко шевелить ушами, складывать язык трубочкой, разводить веером и шевелить по желанию пальцами на ногах. В четыре года расхаживала по комнатам и твердила какие-то рифмы. Мама гордилась ею и прочила малышке музыкальную карьеру, поскольку сама была прекрасной пианисткой. И музыка Марине удавалась, но стихи — это нечто другое, это её стихия, смысл всей её жизни. Страсть к слову, к буквам, его составляющим, к звукам была неотъемлемой частью существования обеих сестёр. Ещё до школы они могли изъясняться на трёх языках. Семья поначалу могла себе позволить держать гувернантку, репетиторов, приходящих учителей. Каждое лето, вплоть до 1902 года девочки проводили в Тарусе.

Религиозного воспитания они не получали, усердного посещения церкви и не менее усердных молитв не было. Всё было в облеченном варианте, как и во многих других профессорских семьях, то есть празднование Рождества, Пасхи, некоторое воздержание во время Великого поста. Зато нравственное вос-

питание, разграничение добра и зла, поклонение героическому началу (вплоть до смерти за идею) мамой внедрялось с особым энтузиазмом. Дерзновенный полёт Икара, гибель прикованного к скале Прометея, доктора Гааз, отдавшего жизнь заключённым больным людям (герой уже XIX) и т.д. Все герои мифологии и исторических романов: Антигона, Перикл, Бонапарт, Вильгельм Тель, Жанна д'Арк были неотъемлемой частью их детства. «Божественная комедия Данте» всегда занимала в душах сестёр особое место.

В 1902 году мама тяжело заболела, и семья была вынуждена уехать за границу. Марине на тот момент было 10 лет, Асе — 8. Безоблачное счастливое детство осталось позади. Италия, Швейцария, Германия... Быстрая смена обстановки, новые знакомства, новые друзья, продолжение учёбы в интернатах, частных пансионах, острая нехватка общения с мамой (только по выходным). Если в Италии им понравилось, то в остальных местах было не столь радужно. Особенно невыносимой оказалась жизнь в Германии. Пансион Бринк — каменное серое, довольно неприветливое здание, выглядел настоящей темницей, в которой тошно было жить и, тем более, учиться. За каждую плохую отметку, за каждое замечание (каплю воды, оставленную на умывальнике, волос в расчёске, слабо натянутую простынь, мимолётный поворот головы к окну во время игры на пианино и т.п.) без промедления сообщалось родителям. К тому же, чувство постоянного голода: если перепадёт кусочек ветчины или жилистого мяса, то он невероятно тонкий — прямо светится, хлеб только серый.

Холодной осенью 1904 года мама девочек сильно простудилась. К вяло текущей чахотке добавилось двухстороннее воспаление лёгких. Решено было перебираться в Россию, в Ялту. За

Татьяна Мажорина

год, проведённый в Крыму, совсем ещё юная Марина, сблизилась с революционерами (с уст не сходило имя лейтенанта Шмидта), писала героические, совсем ещё детские, но пламенные, проникновенные стихи, что очень огорчало маму. Состояние Марии Александровны всё ухудшалось. И крымские врачи на этот раз оказались бессильны. После четырёхлетних скитаний семья вернулась в Москву. На лето маму привезли в Тарусу. В июле 1906 года она умерла. Отец, переживший потерю второй жены, надолго попал в клинику. Марина ушла жить в интернат. Была осень 1906 года...

На дом, о свидании с которым, мама и сёстры так мечтали все долгие годы странствий, пала огромная, пугающая пустота. Положение усугублялось ещё и тем, что в папином кабинете висел увеличенный до естественных размеров портрет мамы в гробу, что отравляло всякие воспоминания о прежней жизни. Конечно, это было его ошибкой и привело к обратному эффекту: девочки не могли сказать ему об этом, потому что боялись обидеть и попросту перестали заходить в любимый ранее кабинет. На выходные будущая поэтесса приходила домой. Грусть стала постоянной спутницей жизни обеих сестёр. Приведу последние строки из стихотворения Марины о маме:

*...С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывёт по воле всех ветров!
Всё бедней лазурный остров — детство,
Мы на палубе одни стоим.
Видно, грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!*

Она с уроками справлялась легко и торопилась поскорее заняться чтением любимых книг или написанием стихов, порой даже прогуливала гимназию и пряталась с книгами на чердаке.

В шестнадцатилетнем возрасте Марина увлеклась переводом «Орлёнка» Э. Ростана и ничего другого на тот момент для неё не существовало. Со слов Анастасии Цветаевой: «Она выписывала из Парижа всё, что можно было достать по биографии Наполеона — тома, тома, тома. Стены её комнаты были увешаны его портретами и гравюрами Римского короля, герцога Рейхштадтского. Марина любила первую жену Наполеона и ненавидела мать «Орлёнка», вторую жену Наполеона — белобрысую австриячку Марию-Луизу, для которой, чтобы иметь сына, он должен был оставить любимую, но бесплодную Жозефину... Словно о себе, она тосковала, с такой страстью вжилась в судьбу Наполеона! Кого из них она любила сильнее — властного отца, победителя стольких стран, или угасшего в юности его сына, мечтателя, узника Австрии? Любовь к ним Марины была раной, из которой сочилась кровь». Увлечение Наполеоном не утихало. Дошло до того, что в киоте иконы, что над её письменным столом, был вставлен портрет великого француза. И гнев папы нисколько не образумил её. Она настолько проникла в образ своего кумира, что проживала какую-то чужую жизнь, отдельную ото всех.

В октябре 1910 года вышел первый лирический сборник Цветаевой «Вечерний альбом». О Марине заговорили. Юная поэтесса встречается с В.Я. Брюсовым, Эллисом, М.А. Волошиным, А.Н. Толстым. В Коктебеле у Макса Волошина знакомится со своим будущим мужем Сергеем Эфроном. Сидя на пляже, она загадала, что выйдет замуж за того, кто первый преподнесёт ей любимый камень — сердолик. Поделилась мыслями с Максом, и чудо свершилось! К ней подошёл высокий, худой, довольно

Татьяна Мажорина

симпатичный молодой парень (москвич) с огромными глазами «цвета моря» и, привстав на одно колено, преподнёс ей заветный камень. Между ними сразу пробежала искра. Пылкий романтический рыцарь тут же завоевал её сердце. Венчание состоялось в Москве в январе 1912 года.

В феврале вышла вторая книга Марины *Волшебный фонарь*. А в сентябре у них родилась дочь, которую назвали Алей, Ариадной, в честь любимой цветаевской героини греческих мифов. На деньги, полученные в наследство, молодожены купили дом. Некая романтическая восторженность прослеживается в элегическом стихотворении «Генералам двенадцатого года»:

*Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след —
Очаровательные франты
Минувших лет.*

И всё-таки — трагизм налицо: «Вы побеждали и любили/
Любовь и сабли острие/И весело переходили/В небытие».

30 августа 1913 года в Москве умирает отец Марины. Для сестёр эта смерть означала не только потерю любимого, родного человека, но и наступление того невысказанно страшного дня, когда дом на Трёхпрудном окончательно перестал быть их домом. Она пишет замечательное стихотворение, обращённое к своему читателю, в котором умоляет, просит его поторопиться прийти, последний раз «посмотреть наш дом», потому как понимает, что наследником его станет Андрей Цветаев, человек, который, по её мнению, никогда не любил и не понимал этот дом — «душу её души»:

*Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья ещё тихи,
В переулочек сходи Трёхпрудный,
Если любишь мои стихи.
О, как солнечно и как звёздно
Начат жизненный первый том,
Умоляю — пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!
Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь ещё не срублен
И не продан ещё наш дом.*

На следующий год выходит третий сборник стихов «Из двух книг». Расцвет её красоты, женственности, творческий взлёт! Красивая, успешная, любимая и любящая! Без ложной скромности Марина пишет одно из лучших посвящений Сергею: «Я с вызовом ношу его кольцо! — Да, в Вечности — жена, не на бумаге». Это июнь 1914 года. Мир на пороге Первой Мировой войны, и следующие её слова звучат как пророчество:

*В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страху! —
Такие в — роковые времена —
Слагают стансы и — идут на плаху.*

Ранней весной 1915 года Сергей Эфрон вместе с санитарным поездом уезжает на фронт в качестве брата милосердия. Марина ведёт себя несколько отрешённо, вся поглощена в поэзию, вместе с Софьей Парнок весну и лето проводит в Малороссии и в Коктебеле у Макса, знакомится с Осипом Мандельштамом.

Татьяна Мажорина

1916 год встречает в Петрограде. Знакомится с Михаилом Кузьминым, начинает активно сотрудничать с журналом «Северные записки». Вернувшись домой, она себя ощущает вполне состоявшимся российским поэтом, причём, именно московским, даже вступает в некое соревнование с петроградскими парнасцами: «У меня в Москве купола горят» (Блоку); «И я дарю тебе свой колокольный град, — Ахматова! — и сердце своё в придачу; «Из рук моих — нерукотворный град/Прими, мой странный, мой прекрасный брат» (Мандельштаму). По возвращению из Петрограда в стихах появляются ранее не звучавшие фольклорные интонации, широта и удаль русской песни, частушки, в которых Марина умело пользуется повторами:

*Не люби, богатый, — бедную,
Не люби, ученый, — глупую,
Не люби, румяный, — бледную,
Не люби, хороший, — вредную:
Золотой — полушку медную!*

Прошли те времена, когда можно было заниматься тем, чем хотелось. «Из истории не выскочишь» — так скажет она позднее. История сама диктует сюжеты, от которых никуда не деться, не убежать, не спрятаться. К Февральской революции она отнеслась пока ещё машинально, написав: «Пал без славы орёл двуглавый./Царь! Вы были неправы». В апреле 1917 года в семье родилась вторая дочь — Ирина. Для Цветаевой наступил сложный период. Планов по-прежнему было много, но осуществить их не представлялось возможным. «В Москве безумно трудно жить», — писала она Волошину в августе и в сентябре уехала в Крым. Муж, получивший назначение прапорщика запасного пехотного полка, остался в Москве. Марина Ивановна в самый

разгар Октябрьских событий вернулась за Сергеем, и они вместе, оставив детей в столице, уехали к Максиму в Коктебель. «Когда через некоторое время Цветаева вернулась за детьми, обратного пути в Крым уже не было», — пишет Анна Саакянц — биограф Марины. Так началась долгая разлука с мужем, прерванная лишь на несколько дней в январе 1918 года, когда он тайно появился и уехал в Ростов, чтобы присоединиться к Добровольческой армии. «Белый офицер, он отныне превратился для Цветаевой в мечту, в прекрасного «белого лебедя», героического и обречённого». Привожу стихотворение, которым она отозвалась на создавшуюся ситуацию:

*На кортике своем: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великопепной жизни.
Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погонь.*

Марина стойчески переносила разлуку и беспомощно — разруху и лишения, ездила в Тамбов за продуктами, устроилась регистратором в Наркомнац, но продержалась всего лишь полгода. Самое тяжёлое, голодное время — осень 1919 года, когда она вынуждена была временно отдать девочек в подмосковный приют. Тяжело заболевшую Алю забрала обратно, невероятными усилиями выходила, а младшую Ирину спасти не удалось. Голодно. Холодно. Невыносимо трудно, но... сколько записей она сделала в тетради. Никогда ещё Марина не писала так напряжённо, вдохновенно, разнообразно, взхлёб! Три сотни

Татьяна Мажорина

стихотворений, поэма «Царь-Девница», шесть романтических пьес... И это всего за три года!

*Не Муза, не Муза
Над бедною люлькой
Мне пела, за ручку водила.
Но Муза холодные руки мне грела,
Горячие веки студила.*

Так начинается поэма «На красном коне», написанная в январе 1921 года. Цветаевская поэзия достигает наивысшего накала, обретает высокую трагедийность. «Героиня приносит к ногам Гения-повелителя — всадника на красном коне — свою жизнь, чтобы он умчал её ввысь, «в лазурь», в иной мир — в небо поэта», — цитирую Анну Саакянц.

Думаю, самое время привести необыкновенно болевые, пронзительные строки, в которых всё-таки прослеживается надежда автора на прекращение братоубийственной Гражданской войны:

*Эх вы правая с левой две варежки!
Та же шерсть вас вязала в клубок!
Дерзновенное слово: товарищи
Сменит прежняя быль: голубок.
Побратавшись да левая с правою,
Встанет — всем Тамерланам на грусть!
В струпьях, в язвах, в проказе — оправдана,
Ибо есть и останется — Русь.*

14 июля 1921 года — день, который подарил ей надежду, перевернул всю её дальнейшую жизнь. В этот день она впервые

получила письмо от мужа, с которым давно потеряна связь. Оказывается — он жив, находится в Константинополе и собирается перебраться в Чехию. Конечно же, Марина, не раздумывая, решила воссоединиться с мужем. Далее начнутся долгие годы эмиграции...

*По нагориям,
По восхолмиям,
Вместе с зорями,
С колокольнями,
Конь без удержу, —
Полным парусом! —
В завтра путь держу.
В край без праотцов...*

Стихи продолжали теперь уже не просто литься, а рваться из души. В них одновременно чувствовались и радость предстоящей встречи («Знай, в груди моей часы,/Как завёл. — не ржавели») и неизбывная, глубокая скорбь по единственной своей родине («Ох, и красны ж у нас дымятся реки,/Малиновые полыньи»).

15 мая 1922 года Марина Ивановна с девятилетней Алей приехали в Берлин. На тот момент он был центром русского зарубежья, поскольку отношения между Россией и Германией были дружественными. Там жили: М. Горький, А. Толстой, приезжали В. Ходасевич, С. Есенин и А. Белый, с которым они были особенно дружны. Наконец, в Берлине ей попала в руки книга лирических стихотворений Бориса Пастернака «Сестра моя — жизнь», которая пронзила её, будто током. Она все два с половиной месяца пребывания в столице Германии не выпускала её из рук и буквально

Татьяна Мажорина

разразилась — восторженной рецензией-отзывом. Приведу отрывок:

«Сестра моя Жизнь»! — Первое моё движение, стерпев её всю: от первого удара до последнего, руки настезь — так, чтоб все суставы хрустнули. Я попала под неё, как под ливень.

— Ливень: всё небо на голову, отвесом — ливень впрямь, ливень вкось, — сквозь, сквозняк, спор световых лучей и дождевых, — ты ни при чем: раз уж попал — расти!

— Световой ливень».

В Берлине произошла долгожданная встреча с Сергеем, который забрал жену с дочерью в Прагу по месту его обучения. Правительство Чехии выплачивало некоторым русским эмигрантам стипендию-пособие за счёт золотого запаса, вывезенного в Гражданскую войну из России. Конечно, жить в Праге, которую она безумно полюбила, оказалось не по карману, а потому три года с небольшим они снимали жильё в пригородах. Она сердцем прониклась ко всем «сырым и малым, прокопчённым трудягам» заводской окраины, слилась воедино с природой чешских деревень.

*Деревья! К вам иду! Спаситесь
От рёва рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!..
Что в вашем веянье?
Но знаю — лечите
Прохладой Вечности...*

Марина прекрасно знала, что такое нелюбовь, гнев, неприязнь, но самозабвенно и романтично писала о любви, причём, это

понятие было для неё бездонным. Формулировка, выведенная автором, что «пол и возраст не причём» весьма озадачивала тех, кто даже не пытался глубже вникнуть в суть этих простых слов. Можно влюбиться в собственную мечту, в ребёнка, в дерево, цветок, в литературного героя, в дом, в стихи какого-то автора, не говоря уже о мужчине и женщине, о родине в конце концов. И в каждом проявлении этого чувства будут присутствовать свои бесчисленные оттенки переживаний.

Приведу слова из воспоминаний дочери Ариадны Эфрон о том, какой она была:

«Казавшееся завершённым до замкнутости, до статичности, лицо было полно постоянного внутреннего движения, потаённой выразительности, изменчиво и насыщено оттенками, как небо и вода. Но мало кто умел читать в нём». Или ещё:

«Речь — сжата, реплики — формулы.

Умела слушать; никогда не подавляла собеседника, но в споре была опасна: на диспутах, дискуссиях и обсуждениях, не выходя из пределов леденящей учтивости, молниеносным выпадом сражала оппонента».

В Чехии она завершила поэму «Молодец», начатую ещё в Москве, о могучей, всепобеждающей любви девушки Маруси к упырю в облике доброго молодца. Её можно назвать и сказкой, и притчей, и трагедией, и романом в стихах. Привлекает простонародная речь, виртуозно обработанная автором, употребление звукописи. Марина пишет и стихи, пронизанные щемящей болью о нищете и убогости жизни:

Спаси Господи, дым!

— Дым-то, Бог с ним! А главное — сырость!

С тем же страхом, с каким

Переезжают с квартиры:

Татьяна Мажорина

*С той же лампою вплоть, —
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
Хоть бы деревце, хоть
Для детей! — И каков-то хозяин?*

Весной 1923 года в её жизни появляется К. Родзевич — петербуржец, сын военврача, обучался на юридическом факультете в Пражском университете. После революции был одним из командиров Нижне-Днепровской красной флотилии. Марина пишет множество лирических стихотворений: «Психея», «Ремесло», «Что, Муза моя! Жива ещё?» и т.д. И всё-таки предпочтение отдаётся крупным формам — «Поэма Горы», Поэма Конца», которые обращены к Родзевичу. Композиционное построение основано на единстве «достоверностей и романтики». Гора — это Петршин холм в Праге, но у Цветаевой это ещё синоним и символ любви, верх земли и низ неба:

*Та гора была — миры!
Боги мстят своим подобиям!
... Горе началось с горы.
Та гора на мне — надгробием.*

В 1960 году все рукописи, письма, книги, рисунки Родзевич переслал в Москву. К его чести следует отнести следующие слова: «В Праге произошла моя встреча с Мариной Цветаевой, память о которой я бережно проношу сквозь всё возрастающую гущу времён... Поэтому я воздержусь от всяких комментариев. Можно ли заурядными словами передать то, что уже стало достоянием поэзии? (Ноябрь 1978 г.)». Поэма Конца» тематически продолжает предыдущую и обращена к тому же человеку, проводится чёткая линия между

землём и небом, бытом и бытием. В итоге Марина приходит к выводу, что «Жизнь, это то место, где жить нельзя». Поэма написана потрясающе пронзительно:

*Как плющ! Как клещ!
Безбожно! Бесчеловечно!
Бро-сать, как вещь
Меня, не единой вещи
Не читившей в сём
Вещественном мире думом!
Скажи, что сон!
Что ночь, а за ночью — утро».*

Далее обстановка накаляется ещё сильнее; «Ска-жи, что бред, что нет и не будет мосту конца. Конец!» В её стихах зачастую встречаются неожиданные переносы из одной строки в другую, придающие некую динамику; многоточия, дающие возможность читателю домыслить, глубже проникнуть в описываемое действие; тире, создающие эмфатические паузы; вопросы, вызывающие лирического героя на диалог. Автору свойственна предельная откровенность, порой на грани душевного срыва:

*Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.
Жжёт... как будто бы душу сдёрнули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая душа.
Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да её никогда и не было!*

Татьяна Мажорина

Было тело, хотело жить.

...Жить не хочет.

Хочет или не хочет жить, но жизнь продолжается. Марина пишет трагедию «Тезей», позже переименованную в «Ариадну». Интересен факт того, что читатель невольно задумывается над финалом описываемого сюжета. Земную девушку Ариадну одновременно любят: обычный смертный Тезей и божество Дионис (или Вакх), причём, последний возносит её на небеса. Тезей сам, добровольно уступает возлюбленную божеству. Что это — предательство с его стороны или благородство?.. Вопрос остаётся открытым. Полагаю, уместно будет ещё раз привести воспоминания дочери о том, как она писала:

«Отметя все дела, все неотложности, с раннего утра, на свежую голову, на пустой и поджарый живот. Налив себе кружечку кипящего черного кофе, ставила её на письменный стол, к которому каждый день своей жизни шла, как рабочий к станку — с тем же чувством ответственности, неизбежности, невозможности иначе.

Глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально впивалась — острием мысли и пера. Работе умела подчинять любые обстоятельства, настаиваю: любые. Закрыв тетрадь, открывала дверь своей комнаты — всем заботам и тяготам дня».

1 февраля 1925 года у Цветаевой рождается долгожданный сын — Георгий. В семье его будут ласково называть Мур. Она обожала своего Мура, но крайне ненавидела быт. «Терпеливо и отчужденно превозмогала его — всю жизнь», — опять же, со слов дочери. Спустя месяц после рождения сына, Марина Ивановна садится за написание поэмы «Крысолов», интерпретируя на свой манер средневековую легенду о флейтисте из Гаммельна.

У неё крысолов-флейтист (в данном случае — олицетворение Поэзии), а крысы — это отъевшиеся мещане, многие из которых были ранее храбрыми бунтарями; гаммельнцы — ожиревшие, жадные бюргеры, а все вместе - они олицетворяют собой омерзительный, убивающий души, быт. «Быт не держит слово Поэзии (бургомистр отказывается от обещания отдать свою дочь флейтисту. — А.Саакянц). Поэзия мстит» — таков замысел. И музыкант уводит к реке всех детей и топит их под свою дивную музыку, даруя им рай — вечное блаженство, где «нет ни детских болезней, ни детских боязней»:

— *Вечные сны, бесследные чащи...*
А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
— *Не думай, а следуй, не думай. А слушай...*
А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...
— *Муттер, ужинать не зови!*
Пу-зы-ри.

Окончила поэму Цветаева уже после отъезда из Чехии, но успела написать две объёмные статьи: «Кедр» по книге своего друга С. Волконского и «Герой труда» на кончину В. Брюсова, показав себя основательным, вдумчивым прозаиком.

1 ноября 1925 года Марина Ивановна с детьми переезжает в Париж, временно останавливается у знакомых, снимая тесную комнатку в довольно непривлекательном районе. Во Франции ей суждено было прожить тринадцать с половиною лет. О себе удалось заявить довольно быстро и энергично. Не прошло и трёх месяцев, как в одном из парижских клубов прошёл триумфальный литературный вечер Марины, тем самым возбудив зависть и неприязнь некоторых литераторов в эмигрантских кругах, почувствовавших в ней силу и независимость (к примеру, З. Гиппиус и Д. Мережков-

Татьяна Мажорина

ский). А тут ещё сама автор подлила масла в огонь — выпустила довольно остроумный сборничек «Поэт о критике».

Пастернак заочно знакомит её с Райнером Мариа Рильке — поэтом, перед творчеством которого она издавна преклонялась. Между ними тремя ведётся активная переписка. Марина пишет и посвящает Пастернаку поэму «С моря» и «Попытка комнаты» им обоим. Затем пишет поэму «Лестница», где наиболее остро конфликтуют быт и бытие, во весь голос звучит ненависть поэта к «голоду голодных» и «сытости сытых», восстают вещи, сотворённые человеческими руками и требуют вернуть их в первоизданное природное состояние (гвозди в металл, металл в руду, стол в дерево и т.д.). Нищета, убогость и зло уничтожаются в очистительном пожаре — «огненном вознесении» — один из любимых приёмов автора.

Прослеживается аналогия и в «Поэме Воздуха» — по сути, поэме о смерти, о выхождении из земного состояния. А поводом к написанию этой поэмы послужил первый беспосадочный перелёт через Атлантический океан американского лётчика Чарльза Линдберга. «Понимаешь, что из тела — вон хочу? ...За потустороннюю границу: к Стиксу!» — писала она ранее в одном из стихотворений. Цветаева очень хорошо знала психологию человека изнутри, умела тонко чувствовать и переживать все события со своими литературными персонажами.

В 30-е годы характер Марины Ивановны менялся, всё сильнее гнули к земле заботы, не оставалось времени на чувства. Сергей Эфрон всё чаще задумывался о Советском Союзе, стал одним из активных членов «Союза возвращения на родину», поступил на службу в советскую разведку. Она же понимала, что «здесь я не нужна и там я невозможна» (из письма к Тесковой). Давно скрыт дом в переулке Трёхпрудном да и той родины уже нет, тем не

мене, Цветаева мечтает, чтобы её дети обрели родину. Стихи, обращённые к семилетнему сыну, изобилуют эмфатическими паузами и переносами, усиливая эмоциональное воздействие на читателя, к тому же, намеренно включаются слова, написанные курсивом:

*Езжай, мой сын, домой — вперёд —
В свой край, в свой век, в свой час — от нас —
В Россию — вас, в Россию — масс,
В наш-час — страну! в сей-час — страну!
В на-Марс — страну! в без-нас — страну!
...Наша совесть — не ваша совесть!
Полно! — Вольно! — О всём забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.*

По дневниковым записям мужа, охладевшего к белому движению, она написала поэму «Перекоп». С великой болью отозвалась на смерть горячо любимого ею поэта — В. Маяковского. Ею также написан замечательный цикл «Стихи к Пушкину»: «Бич жандармов, бог студентов, желчь мужей, услада жён» и ещё: «Пушкин — тога, Пушкин — схима, Пушкин — мера, Пушкин — грань...». Далее Цветаева пишет очерк «Пушкин и Пугачёв» и «Повесть о Сонечке».

Осенью 1937 года Сергей Эфрон оказался замешан в каком-то политическом детективе, получившим широкую огласку, но так до конца и не распутанном, а потому был вынужден срочно и тайно перебраться из Парижа в Москву. Наступили дни тягостного одиночества и творческой немоты. Из этого состояния её вывели события 1938 года — нападение гитле-

Татьяна Мажорина

ровской Германии на Чехию — страну, приютившую их семью на начальном этапе эмиграции. У Марины сложился цикл из одиннадцати стихотворений, посвящённых её любимой Чехии. Приведу небольшой отрывок:

*О слёзы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!
О чёрная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь быть.
В Бедламе нелюдей —
Отказываюсь — жить.
С волками площадей
Отказываюсь — выть.*

12 июня 1939 года Мария Ивановна Цветаева вместе с сыном уехала в СССР. Дочь Аля вернулась в страну ранее...

Семья вновь воссоединилась. Жили в подмосковном посёлке Болшево, правда, спокойствие их было недолгим. В августе арестовали Алю, а в октябре — Сергея. И снова скитания по чужим углам с маленьким Муром. Передачи в тюрьму... Целый год Марина Ивановна вызволяла багаж, прибывший из Франции, а его по непонятным причинам постоянно задерживали. Занималась переводами — с французского, немецкого, грузинского, болгарского, польского и других языков, перебивалась небольшими заработками от переводов. Подготовила небольшой сборничек стихов в Гослитиздате. Однако, К. Зе-

ленский, расхваливавший её в глаза, бесцеремонно «зарезал» книгу, написав пространную и враждебную рецензию, которую ей даже не показали. Мало того, Цветаеву перестали печатать! А это хуже некуда.

Москва. 1940 год... Марина Ивановна пишет обращения к Сталину, Берии, в ЦК, просит, умоляет разобраться в «делах мужа и дочери, помочь отчаянном положении», но безуспешно. В дневнике появляется запись: «Меня все считают мужественной. Я не знаю человека робче, чем я. Боюсь всего. Глаз, черноты, шага, а больше всего — себя, своей головы, если эта голова — так преданно мне служащая в тетради и так убивающая меня в жизни. Никто не видит, не знает, что я год уже (приблизительно) ищу глазами — крик...». Подумывая о суициде, она понимает, что:

*Смерть — это так:
Недостроенный дом,
Недовзращённый сын,
Недовязанный сноп,
Недодышанный вздох,
Недокрикнуемый крик.*

Но... в дневнике Цветаевой опять появляется запись: «Я год примеряю смерть. Всё уродливо и страшно. Проглотить — мерзость, прыгнуть — враждебность, исконная отвратительность воды. Я не хочу пугать (посмертно), мне кажется, что я себя уже — посмертно — боюсь. Я не хочу умереть. Я хочу не быть. Вздор. Пока я нужна... но, Господи, как я мала, как я ничего не могу! Доживать — дожёвывать. Горькую полынь». И, в то же время, в феврале 1941 года, как бы подводит черту под своей жизнью:

Татьяна Мажорина

*Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...*

Какой резкий контраст: совершенно беззаботное, счастливое детство в обеспеченной, довольно образованной, любящей семье (до 10 лет!), о котором можно только мечтать и невыносимо-тяжёлая жизнь дальше, особенно в последний её год. Круг общения сузился до минимума. Из состояния безысходности её на какое-то время вывело общение с А. Тарковским, который на тот момент переводил стихи туркменского поэта Кемине. Марина была в восторге от перевода, а познакомились они с Арсением на квартире переводчицы — Нины Герасимовны Бернер-Яковлевой. Они гуляли по Москве, по её любимым местам, говорили о литературе... Тарковский считал её учителем, мэтром, хотя самые поздние стихи Марии Ивановны он не особенно воспринимал. Однажды, в её присутствии, Арсений Тарковский прочёл своё стихотворение, обращенное к своим дорогим и ушедшим людям:

*Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль.
И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец
У дверей стучат.
Как двенадцать лет назад,
Холодна рука*

*И немодные шумят
Синие шелка.*

Далее по тексту, якобы, входит горячо любимая, безвременно ушедшая его первая жена (Мария Фальц). Стихотворение сильное, естественно, цепляет за душу. Вроде бы — всё понятно, если пересчитать самого автора, горе да печаль (самые первые гости) и трёх ушедших родных людей — шесть! Возможно, эту тему ему навеяла память о стихотворении А. Ахматовой «Новогодняя баллада», написанная в далёком 1922 году:

*И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.
Это муж мой, и я, и друзья мои
Встречают новый год.
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжёт?
Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю русских полян,
В которой мы все лежим!»*

Почему Марина Цветаева так остро отреагировала на стихотворение Тарковского? Не поняла? Или не захотела понять?.. Быть может, я что-то не понимаю... И потом, у него «Стол накрыт на шестерых» — она же, взяв строку эпитафией, несколько перефразировала «Ты стол накрыл на шестерых», чего прежде никогда не случалось. У Арсения стихотворение написано хореем, а у Марины — ямбом. Почему? Не запом-

Татьяна Мажорина

нила, или изменила из-за каких-либо своих соображений?.. К тому же, при подсчёте гостей, она совершенно не учла «горе да печаль», пришедшими первыми, что следует из её ответного, полного боли и гнева стихотворения (привожу не полностью):

*Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам — с женой, отец и мать)
Есть семеро — раз я на свете!
Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,
(Своими)...*

*Робкая как вор,
О — ни души не задевая!—
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.
Раз! — опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться, —
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти — на половицы.*

Похоже, это стихотворение, датированное 6 марта 1941 года её последнее, написанное при жизни. Я не знаю, кто мог бы ещё написать так остро, так больно, так на разрыв!.. Оно до сих пор волнует умы читателей. В поэзии Цветаевой всегда ярко выражены мотивы отчаянья, сопереживания всем униженным и обездоленным, в том числе и себе. Для меня лично Марина Цветаева — Поэт недосягаемой высоты!

В апреле 1941 года её приняли в профком литераторов при Гослитиздате. Война застала Цветаеву за переводами Федерико Гарсия Лорки. Само собой — теперь переводы её стали никому не нужны. 8 августа Цветаева вместе с сыном, присоединившись к группе литераторов, на корабле «Чувашская республика» отправились в эвакуацию в Елабугу и Чистополь. Сошли на берег в Елабуге. После долгих поисков нашли себе более чем скромное жильё — отгороженный занавеской угол в маленькой и бедной избе на Ворошиловской улице. Навис ужас остаться без работы. И она отправилась в Чистополь, в надежде получить хоть какую-то работу и оформить прописку. 26 августа поэтесса написала прошение в Совет литфонда с просьбой принять её на работу в качестве судомойки в столовую, которая должна открыться к октябрю.

Лидия Чуковская в произведении «Предсмертие» описала свою встречу с Мариной, как раз в тот момент, когда она пришла узнать об участии своего прошения:

«На одной из дверей дощечка: «Парткабинет». Оттуда — смутный гул голосов. Дверь закрыта. Прямо напротив, прижавшись к стене и не спуская с двери глаз, вся серая, — Марина Ивановна.

— Вы?! — так и кинулась она ко мне, схватила за руку, но сейчас же отёрнула свою и снова вросла в прежнее место. — «Не уходите! Побудьте со мной!»

Лидия Чуковская принесла для Марины Ивановны стул и сочувственно оглядела её. Осунувшаяся, подурневшая женщина ничем не напоминала Марину Цветаеву, стихи которой заставляли сходить с ума как мужчин, так и женщин. «Судьба вдоволь поиздевалась над ней, вынудив приползти как за милостыней к двери парткома и униженно просить предоставить ей хоть

Татьяна Мажорина

какую-то работу: «Сейчас решается моя судьба, — проговорила она. — Если меня откажут прописать в Чистополе, я умру. Я чувствую, что непременно откажут. Брошусь в Каму». Ей не отказали, но по большому счёту и не помогли: предложили поискать жильё в Чистополе по улице Бутлерова и пообещали сделать всё возможное, чтобы место судомойки (хотя заявлений и много) осталось за ней.

28 августа Цветаева вернулась в Елабугу с намерением перебраться в Чистополь. Как провела она следующие пару дней — малоизвестно. Но... 31 августа в воскресенье она свела счёты с жизнью. Вот что сообщает нам Анна Саакянц по этому поводу: «Вернувшиеся сын и хозяйева обнаружили её висящей в сенах на крюке. И три записки — Асеевым в Чистополь — чтобы взяли к себе Мура («Я для него больше ничего не могу и только его гублю... У меня в сумке 150 р. И, если постараться распродать все мои вещи... А меня — простите — не вынесла»), людям, которых просила помочь ему уехать («Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадёт») — и сыну:

«Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик».

Анастасия Цветаева пишет, что шестнадцатилетний сын был груб с матерью, и «Марина ушла, чтобы не ушёл Мур» (стр. 826), однако, читая книгу, я поняла, что о смерти сестры

она узнала много позже, разумеется, приезжала в Елабугу (и не только), искренне пыталась восстановить события, отыскать людей, которые могли когда-то общаться с Мариной, пролить свет на это событие. И так ли это... не нам судить. Биограф Марины — Анна Саакянц опровергает это мнение: «Марина Ивановна ушла из жизни, когда в ней погасли остатки последней энергии. Жизнь задувала этот огонь со всех сторон...».

По сути, этой же точки зрения придерживается и Елена Поздина — старший научный сотрудник Литературного музея Марины Цветаевой, находящегося в Елабуге, тщательно исследовавшая жизнь и творчество великой поэтессы: «Несмотря на то, что причины, которые подтолкнули поэтессу к роковому решению, так и остались до конца не выясненными, можно предположить, что это была совокупность непроходящей нищеты, душевного нездоровья, притеснений НКВД и сама Елабуга — бесцветная и безгранично жестокая провинция, куда Цветаеву привела жизнь». Через три года погибнет и Георгий Эфрон, защищая нашу страну от немецко-фашистских захватчиков.

Похоронили Марину Ивановну Цветаеву в одной из бесчисленных могил Елабужского кладбища. Спустя годы, Союз писателей Татарстана установил ей большой гранитный памятник приблизительно в той стороне кладбища, где указали старожилы. Но и к символическому памятнику люди давно протоптали тропинку. А её творчество — болевое, искреннее, берущее за душу, полагаю, будет жить вечно.

Эпилог

Летом 2015 года я посетила единственный в Крыму государственный музей Марины и Анастасии Цветаевых. Экспозиция музея носит название «Феодосия Марины и Анастасии Цветаевых» и отражает феодосийско-коктебельский период их жизни до начала Первой мировой войны, которая «разрушила крымскую идиллию» и повлияла на судьбу целого поколения. С каким теплом и любовью сотрудники музея говорили о Марине — не передать! Столько много рассказали интересных фактов из жизни, скрупулёзно и бережно относились к каждому предмету, которого касалась или могла касаться рука Марины. Экскурсовод, к сожалению фамилию уже не вспомню, очень проникновенно и много читала наизусть её стихов. Стихотворение, написанное Мариной в феврале 1914 года крупным планом курсивом напечатано прямо в фойе музея:

Над Феодосией угас...

*Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.
Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.
Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи*

*Колеблются вокруг колен.
И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.
Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.*

Вернувшись домой, мне захотелось окунуться в творчество обеих сестёр, что-то освежить в памяти, что-то прочесть впервые, написала цикл стихотворений, посвящённых Марине Цветаевой и её творчеству. Потом как-то всё улеглось, придавил этот несносный быт, так нелюбимый в своё время Мариной.

Прошло время... В июне 2017 года попадаю в Минск в качестве финалиста в номинации «Духовная поэзия» на четвёртый Международный литературный форум «Славянская лира 2017». И каково же было мой удивление, когда церемония награждения участников форума и заключительный концерт в Доме Москвы начался с исполнения песни на слова Марины Цветаевой. Всё в душе перевернулось, когда, будто колокол, зазвучали слова:

«Я обращаюсь с требованьем веры и с просьбой о любви».

Кроме того, представитель департамента культуры при посольстве России в Минске, поприветствовав собравшихся литераторов, сказала несколько тёплых слов не только о Марине, творчество которой в республике

Татьяна Мажорина

Беларусь очень любят, но и о Георгии Эфроне — сыне Марины Ивановны, погибшем в 1944 году при освобождении Белоруссии. Такая память дорогого стоит. Так родилось у меня желание написать по возвращении очерк о великой поэтессе «Серебряного века» — Марине Цветаевой. Над названием думать не пришлось... Полагаю, уместно закончить моё общение с читателем, одним из собственных стихотворений, посвящённых любимой поэтессе, тем более, что в октябре этого года литературная общественность страны (и не только нашей) будет отмечать 125-летие со дня её рождения:

8 октября

Моим стихам, как драгоценным винам,

Настанет свой черед.

Марина Цветаева

Начало октября. Число восьмое...

Рябины брызжет жар.

Денёк-другой... и — хмурый дождь накроет

Неистовый пожар,

Что полыхает вдоль дорог и просек...

Как ясная заря,

Как наважденье, Вы, явились в осень,

Воистину — не зря!

Ну а пока — ликует бабье лето,

И грусти нет как нет.

*И льётся лавой солнечного света
Творений яркий след.
Я пью стихи Цветаевой Марины
Безудержно. Взахлёб.
Её стихам, как драгоценным винам,
Давно настал черёд!*

Используемая литература:

- «Стихотворения Поэмы» — Марина Цветаева, Москва, изд. «Правда» 1991 г.
«Избранные стихотворения» — Марина Цветаева, Москва, ЭКСМО 2009 г.
«Воспоминания — Анастасия Цветаева, Москва, изд «Изографус» 2002 г.
<https://www.e-reading.club/book.php?book=95840> — воспоминания дочери
Эфрон Ариадны

16.07.2017

«Пусть будет небом верхняя строка»

К 130-летию С.Я. Маршака

Не так давно мне попала в руки книга Самуила Яковлевича Маршака «Воспитание словом», которая с первых же строк буквально захватила меня и не отпускала до тех пор, пока я не перевернула последнюю страницу. Почему не читала её раньше? Трудно сказать... Разумеется, я, как и многие-многие дети нашей страны (и не только нашей) росла на его сказках, в том числе и переводимых с других языков. А книга «Сказки. Загадки. Стихотворения», выпущенная в Москве в 1983 году издательством «Детская литература», была любимой книгой моих детей, а сегодня — и внуков. Но теперь решила перечитать заново все произведения автора и статьи о его творчестве, написанные классиками-современниками и разобраться, в чём же притягательность его поэзии.

*Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью дождик льётся,
И ловит капли детская рука.*

Удивительно тёплые, нежные, светлые стихи, вышедшие из-под пера человека, всем сердцем любящего детей и пишущего для них. Человека-мечтателя. Человека-ребёнка. Большого ребёнка! А насколько зримо, почти что осязаемо, он описывает лесной ландыш, называя его «колокольчиком весны». Читаешь и мгновенно

ощущаешь, как от лёгкого весеннего ветерка дрожат мелкие соцветия-бусинки, словно жемчужины, нанизанные на тонкие ниточки-стебельки, наполняя лес неповторимым ароматом:

*Природой бережно спелёнутый,
Завёрнутый в зелёный лист,
Растёт цветок в глуши нетронутой,
Прохладен, хрупок и душист.
Томится лес весною раннею,
И всю счастливую тоску
И всё своё благоухание
Он отдал горькому цветку.*

3 ноября 2017 исполнится 130 лет со дня рождения этого великого детского поэта, а также драматурга, переводчика, литературного критика, человека разносторонних знаний и высокой культуры. Родился будущий мастер слова в многодетной еврейской семье в Воронеже. Отец — Яков Миронович — тоже мастер, только на мыловаренном заводе, самоучкой постиг основы химии, непрестанно занимаясь опытами. Жили на окраинах, часто переезжая с места на место. Мать — Евгения Борисовна Гительсон, уроженка Витебска — была домохозяйкой. Память о бесконечных и частых переездах сохранилась в стихах о его детстве:

*Всё мне радостно и ново -
Горько пахнувшая гарь,
Долгий гул гудка ночного
И обходчика фонарь.
В край далёкий, незнакомый
Едет вся моя семья.
Третьи сутки вместо дома
У неё одна скамья.*

Едет весёлый и любознательный семилетний пассажир, ничто не ускользает от его глаза: «ближний лес назад идёт, а далёкий — вместе с нами пробирается вперёд». Следует обратить внимание, что в этом стихотворении нет украшающих эпитетов, как в стихах, приведённых выше, и не потому, что автор не мог их подобрать. Ему ли не знать, как пишутся стихи?.. Он изложил события с предельной простотой и ясностью и сделал это намеренно, чтобы юный читатель мог стать соучастником путешествия в далёкий, неведомый край и дать волю своему воображению.

Детские годы Самуил провёл в небольшом городке Острогожске, где работал зубным врачом мамин брат Михаил Гительсон. Стихи Маршак начал сочинять ещё до того, как научился писать. Позже — выдержал экзамены в гимназию, сдав их на круглые пятёрки, однако, заниматься стал только со следующего года, поскольку существовала процентная норма на учеников-евреев. В одиннадцатилетнем возрасте юный гимназист уже переводил Горация. И вдруг в его судьбе произошёл совершенно неожиданный поворот. Отец подыскал работу в Питере, туда же переехала и мать с младшими детьми. В столице семья также проживала на окраинах — Московской, Нарвской и Невской. Самуил со старшим братом Моисеем пока остались продолжать обучение в Острогожске. На каникулах он поехал к родителям, и тут судьба преподнесла ему настоящий подарок. Самуил случайно познакомился с известным критиком, искусствоведом В.В. Стасовым, в большом доме которого зачастую собирались знаменитые в то время музыканты, писатели, художники. Ознакомившись со стихами начинающего автора, Владимир Васильевич подарил ему целую библиотечку классиков и далее всячески опекал одарённого паренька: возил в музей Академии художеств, смог заинтересовать его сказками, песнями, былинами. В 1902 году Стасов организовал ему перевод в 3-ю петербургскую гимназию, где в полном объёме преподавались древние языки. Должна сказать, что защищать и всячески

поддерживать таланты — неотъемлемая черта характера этого великого человека. Позже благодарный юный поэт посвятил ему цикл стихотворений. Прочитую одну из строф:

*Он никогда не отступал
В неравном поединке.
Он за «Руслана» воевал
С гонителями Глинки.
Могучей кучки атаман,
Всегда готовый к спорам,
С врагом он бился, как Руслан
С коварным Черномором.*

Всё бы хорошо, но прохладный, сырой климат северной столицы негативно сказывался на здоровье будущего поэта. В 1904 году на даче у Стасова он встретился с Горьким и Шаляпиным. В судьбе Маршака произошёл новый поворот. Узнав о его частых болезнях, Горький предложил поселиться в его семье в Ялте, а Шаляпин помог перевестись в ялтинскую гимназию. Екатерина Павловна Пешкова — жена Алексея Максимовича, тепло и радушно встретила гостя. Город-курорт был в то время, будто наэлектризован надвигающимися событиями: повсюду полыхали огненные полотнища знамён, слышались песни революции. После бурных месяцев 1905 года в Ялте начались повальные аресты. Семья Пешковых была вынуждена уехать. Оставшись один, Самуил снимал комнатку на Старом базаре, давал уроки, запоем читал Ибсена, Метерлинка, Эдгара По, Бодлера, Верлена, Оскара Уайльда, отечественных поэтов-символистов, пытался разобраться в новых литературных течениях. А год спустя покинул Крым и он, своевременно предупреждённый директором гимназии о предстоящем аресте.

И снова Питер. Стасова уже не было в живых. Горький уехал за границу. Далее пробивать дорогу в литературу пришлось

Татьяна Мажорина

самостоятельно. Первые публикации появились в журнале «Сатирикон» в 1907 году. Особое место среди многих поэтов, которых знал и любил Маршак, занимал Александр Блок, поразивший его необыкновенной открытостью, искренностью и какой-то трагической серьёзностью. «Так обдуманно были его слова, так чужды суеты его движения и жесты», — вспоминает Самуил Яковлевич. Прочитую отрывок одного из его стихотворений:

*Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.*

Самуил Маршак давно вынашивал идею посетить страны Средиземноморья: Турцию, Грецию, Сирию и Палестину. В 1911 году он поехал туда в качестве корреспондента петербургской «Всеобщей газеты» и «Синего журнала». Вместе со своим другом, поэтом Яковом Годиным и группой еврейской молодёжи совершил длительное путешествие по Ближнему Востоку. Под влиянием увиденного он создал цикл замечательных лирических стихов под общим названием «Палестина», открывают который проникновенные белые стихи:

*Снится мне: в родную землю
Мы войдем в огнях заката,
С запылённой одеждой,
Замедлённой стопой...
И войдя в святые стены,
Подойдя к Ерусалиму,
Мы безмолвно на коленях
Этот день благословим...*

В этой поездке Маршак познакомился с Софьей Михайловной Мильвидской, с которой вскоре по возвращении они поженились. В сентябре 1912 года вместе с молодой женой уехали учиться в Англию. Оба поступили в Лондонский университет: Софья — на факультет точных наук, Самуил — на факультет искусств (по-нашему — филологический). На факультете большое внимание уделялось английскому языку, его истории, а также истории литературы. Особенно подружила его с поэзией университетская библиотека, где он впервые познакомился с произведениями авторов, которые переводил впоследствии, — сонеты Шекспира, стихи Бёрнса, Китса, Блейка, Киплинга и т.д. «А ещё, — пишет автор в своих воспоминаниях, — набрёл я в этой библиотеке на замечательный английский детский фольклор, полный причудливого юмора». Во время каникул, чтобы лучше владеть языком, он много путешествовал пешком по английской провинции, жил некоторое время в лесной школе, слушал английские и шотландские народные песни. Уже тогда он начал работать над переводами английских баллад, сказок, загадок, впоследствии прославивших его. Приведу отрывок одной из них под названием «Король и пастух».

Пастух королю

Отвечает с поклоном:

— Цены я не знаю

Коронам и тронам.

А сколько ты стоишь,

Спроси свою знать,

Которой случалось

Тебя продавать!

Довольно смелый ответ. Но... ближе к делу. На одном из тронов восседает принц по имени Джон и правит подданными, «не

Татьяна Мажорина

ведая правил, не зная закона». Тут до него доходит слух, что его ближайший сосед — архиепископ Кентерберийский, оказывается, живёт богаче его. Привозят соседа во дворец и угрожают расправой, коли «лукавый изменник» не ответит на три вопроса. Приведённый выше отрывок — это довольно остроумный ответ на один из вопросов. Но ответ держал простой пастух, переодетый в костюм обвиняемого. Ситуация разрешается, как и должно быть во многих народных сказках — восторжествовало добро и народная мудрость:

*— Что ж, — молвил пастух,
Поглядев простовато, —
Ты думаешь, сударь,
Что видишь аббата...
Меж тем пред тобою
Стоит свинопас,
Который аббата
От гибели спас!*

Переводы великих английских поэтов Шекспира и Бёрнса впервые по-настоящему открыли нам их поэзию. Рассмотрим небольшой отрывок из «Песен шута» в трагедии Шекспира «Король Лир» в переводе Маршака:

*Вскормил кукушку воробей —
Бездомного птенца, —
А тот возьми да и убей
Приёмного отца!*

Чётко, ясно, лаконично и просто. Четырёхстопный ямб чередуется с трёхстопным. И так во всей песне. Одновременно с перекрёстной рифмой довольно гармонично применяется и внутренняя

(бездомного — приёмного). Ничего ни прибавить, ни убавить. Маршаком переведены на русский язык 154 сонета Шекспира. Многие сонеты давно стали песнями. Приведу лишь один из сонетов под №90 (музыка и исполнение Аллы Пугачёвой). Стопроцентный душевный захват:

*Уж если ты разлюбишь — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!*

*И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.*

*Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,*

*Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.*

«Поэзию — особенно народную, песенную — он любил самозабвенно и жадно», — так писал о нём Корней Чуковский. Его поражала и одновременно притягивала к Маршаку увлечённость, даже некая одержимость народной поэзией — русской, немецкой, ирландской, шотландской, английской. Ни для кого не секрет, что замена одного слова в прозе и особенно в стихах весьма существенна. В переводах не одно, а все слова заменяются другими, к тому же, языковая система, структура речи очень

Татьяна Мажорина

и очень отличаются в каждой отдельно взятой стране. А потому безукоризненное знание родного и переводимого языков просто необходимо. Мало того, нужно знать основы стихосложения, быть художником мысли, чтобы знать, чем жертвовать, если слова чужого языка окажутся короче слов своего. Проще говоря, подстрочный перевод зачастую далёк от истины. Недаром Маршак считал переводы самым сложным и ответственным делом. Возьмём в качестве примера подстрочный перевод одной из строф Бёрнса «Честная бедность»:

*Вы видите вон того спесивого щёголя,
которого зову лордом,
Который шестствует так важно и пялит на всех глаза?
Хоть сотни благоговеют перед каждым его словом,
Всё же он болван, несмотря ни на что.*

Обратите внимание, насколько острее и проще звучит эта же строфа у Маршака, причём, звучит другими словами, но короче, ярче и смысл передан более чем точно. Слово «болван» напрочь отсутствует, но это не умаляет достоинства перевода. Одним словом — мастерство:

*Вот этот шут — придворный лорд,
Ему должны мы кланяться,
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!*

(С. Маршак, Сочинения в четырёх томах, т. 3, Москва 1957, стр. 183)

Говоря о переводах, не могу не упомянуть и об эпиграммах того же Бёрнса, которые Самуил Яковлевич переводил с не

меньшим успехом. К примеру, эпиграмма на художника портретиста:

*В своих портретах, как ни бился,
Добиться сходства он не мог.
Его детьми утешил бог, —
И в них он сходства не добился!..*

Полагаю, самое время ещё раз обратиться к статье Чуковского и подвести итог его словами: «Отсюда, как мне кажется, непреложная заповедь для мастеров перевода: перелагай не всякого иноземного автора, какой случайно попадетя тебе на глаза или будет навязан тебе торопливым редактором, а только того, в которого ты жарко влюблен, который близок тебе по биению сердца, в которого ты хотел бы влюбить соотечественников». Влюбить соотечественников в творчество переводимого автора — вот рациональное зерно, то есть главная задача переводчика, а иначе — я считаю — не стоит этим и заниматься.

В 1914 году Маршак вернулся на родину за месяц до Первой Мировой войны, публиковал свои переводы в журналах «Северные записки» и «Русская мысль». В армию не взяли из-за слабого зрения. В военные годы занимался помощью детям беженцев. Дело в том, что по указу царского правительства в Воронежскую губернию были переселены жители прифронтовой полосы, преимущественно из беднейших еврейских местечек. Судьба этих людей полностью зависела только от добровольной помощи населения. Вот как об этом вспоминал Самуил Яковлевич: «Помню одно из воронежских зданий, в котором разместилось целое местечко. Здесь нары были домами, а проходы между ними — улочками. Казалось, будто с места на место перенесли муравейник со всеми его обитателями». Здесь он тесно сбли-

Татьяна Мажорина

зился с детьми переселенцев, всецело погрузившись в заботу об их обуви, пальтишках, одеялах и т.д. Помимо этого, он принимал участие в их играх, любил придумывать для детей всякие фантастические истории.

Не забывал и про самых маленьких, сочинил для них в лёгкой, игровой форме «Весёлую азбуку» и «Весёлый счёт», чтобы вызвать интерес к обучению. По-доброму и ненавязчиво знакомил их с окружающим миром. Приведу пример из серии о птицах:

*Я — страусёнок молодой,
Заносчивый и гордый.
Когда сержусь, я бью ногой,
Мозолистой и твёрдой.
Когда пугаюсь, я бегу,
Вытягивая шею.
А вот летать я не могу,
И петь я не умею.*

Интерес к детям проявился у Самуила Яковлевича задолго до того, как он стал писать для них книги. Он и прежде частенько посещал петербургские начальные школы и приюты, с удовольствием общался с ребятами, не преследуя при этом какой-то определённой цели. Более глубокая и постоянная связь с детьми установилась уже после революции. Летом 1917 года отец писателя получил назначение в Краснодар (ранее Екатеринодар). Вслед за ним туда перебралось и всё многочисленное семейство. Самуил работал в местной газете под псевдонимом «Доктор Фрикен», а после восстановления Советской власти заведовал секцией детских домов и колоний областного отдела народного образования. По его инициативе и при содействии заведующего отделом М.А. Алексинского в 1920 году был создан один из первых в нашей стране театров, который вскоре вырос

в целый «Детский городок» со своей школой, детским садом, библиотекой, столярной и слесарной мастерскими и различными кружками. И это в стране, истощённой интервенцией и гражданской войной!.. Пьесы для театра писали преимущественно двое — Маршак и Елизавета Дмитриева (позже известная как Черубина де Габриак). Удивительно добрые, зажигательные: «Петрушка-иностранец» и «Теремок», проникновенные, берущие за душу «Двенадцать месяцев» и «Горя бояться — счастья не видать». Диалоги живые, динамичные, как нельзя лучше раскрывают пороки и слабости действующих лиц (и общества), а также высокие помыслы и чувства, на которые способен человек. Детская поэзия Маршака зазвучала в полную силу:

*Столетия разрешаются от бремени.
Плоды приносят год, и день, и час.
Пока в руках у нас частица времени,
Пускай оно работает для нас!*

И оно — время работает! Страна шагает семимильными шагами, прославляется труд и человек труда, создаются великие стройки. Писатели, естественно, идут в ногу со временем. «То неукротимое, боевое и властное, что всегда составляло суть его психики, нашло отражение в этих гордых стихах», — отмечал Корней Чуковский о стихотворении Маршака «Война с Днепром», в котором «главнейшая тема всего его творчества — о дьявольски трудной, но такой увлекательной борьбе человека с природой»:

*Человек сказал Днепру:
— Я стеной тебя запру.
Ты
С вершины*

Татьяна Мажорина

*Будешь
Прыгать.
Ты
Машины
Будешь
Двигать!*

Маршак не терпел пустого времяпровождения, совершенно не умел отдыхать, всей своей жизнью был примером удивительной работоспособности, сосредоточенности, настойчивости и неустанности в труде. Например, ему потребовалось более десяти вариантов, чтобы чётко и ясно сформулировать основную мысль в «Мистере Твистере», показать детям всего мира чванливость и пренебрежение капиталистического мира в лице американского бизнесмена и членов его семьи, приехавших погостить в СССР, и совершенно доброжелательное отношение советского народа к людям другого цвета кожи, другой национальности, более низкого достатка и т.д. При всём этом достигнут фантастический звуковой узор:

*Взявши
Под мышку
Дочь
И мартышку,
Мчится
Вприпрыжку
По «Англерам»
Мистер Твистер,
Бывший министр,
Мистер Твистер,
Миллионер...*

Немаловажную роль в истории детской литературы сыграл журнал «Новый Робинзон», на страницах которого, наряду с Маршаком, входящим в состав редакции, впервые стали печататься Борис Житков, Виталий Бианки, М. Ильин, Д. Хармс, Аркадий Гайдар, Николай Заболоцкий, Евгений Чарушин, Л. Пантелеев. В 1927 году Горький, находясь в Сорренто, прислал письмо, высоко оценив работу редакции. Были и нападки на редакцию со стороны некоторых рапповцев, на что Алексей Максимович отозвался гневной статьёй «Человек, уши которого заткнуты ватой», адресованной гонителям фантазии и юмора в детской книге. Псевдолитераторы подвергли критике и замечательное стихотворение Маршака «Вчера и сегодня», где беседуют между собой: лампа керосиновая, свечка стеариновая, коромысло с ведром и чернильница с пером:

*Лампа плакала в углу,
За дровами на полу:
— Я голодная,
Я холодная!
Высыхает мой фитиль.
На стекле густая пыль.*

В конце концов расстроенная керосиновая лампа вызывает на диалог электрическую, обратившись к ней довольно грубо:

*— Вы, гражданка, — самозванка!
Вы не лампочка, а склянка!
А она мне говорит:
— Глупая вы баба!
Фитилёк у вас горит
Чрезвычайно слабо.
Между тем как от меня*

Татьяна Мажорина

*Льётся свет чудесный,
Потому что я родня
Молнии небесной!*

Что здесь можно критиковать? Не вижу! Самуил Яковлевич вспоминает, как «после одного из совещаний о детской литературе Горький спросил его своим мягким, приглушённым баском:

— Ну, что, позволили наконец разговаривать чернильнице со свечкой?

И добавил, покашливая, совершенно серьёзно:

— Сошлитесь на меня. Я сам слышал, как они разговаривали. Ей-Богу!»

В 1933 году Алексей Максимович пригласил Маршака к себе в Сорренто, чтобы наметить в общих чертах программу и поработать над письмом в ЦК партии об организации «Детгиза» — первого в мире и небывалого по масштабам государственного издательства детской литературы. Самуил Яковлевич прекрасно понимал, что писать для детей — высокое искусство и при этом не должно быть никаких скидок на возраст читателя. Вклад писателя в детскую литературу и в литературу в широком смысле этого слова воистину уникален. Работоспособность и жизненная позиция автора, внимание к коллегам писателям, обеспокоенность их судьбой, также заслуживают восхищения. Меня очень тронула та боль, с которой он отозвался в стихах на преждевременный уход из жизни Марины Цветаевой:

*Но так отчётливо видна,
Едва одета лёгкой тканью,*

*Душа, открытая страданью,
Страстям открытая до дна.
Пусть безогляден был твой путь
Бездомной птицы-одиночки, —
Себя ты до последней строчки
Успела родине вернуть.*

В годы Великой Отечественной войны он писал сатирические стихи, фельетоны, эпиграммы, пародии, служившие острым оружием в борьбе с фашистами. Цитирую: «То, что стало смешным, перестает быть страшным. Сатира — отличное противоядие вредоносным идеям и лженаучным теориям. Она умеет бороться с изощренной ложью и самой злостной клеветой». Именно в военные годы с наибольшей полнотой отразилась идейно-художественная зрелость Маршака-сатирика. Его сатирические стихи представляют собой глубокие обобщения, выраженные в яркой агитационной форме. Да, я не оговорила, агитационную форму не принято считать поэзией, но в годы тяжёлых испытаний сердцем написанный призыв, сплывает народ, поднимает боевой дух. Поэт успешно продолжил традиции двух мастеров этого жанра - Демьяна Бедного и Маяковского; ОКНА ТАСС стали продолжением ОКОН РОСТА. Советский плакат «Слёзы, смех и смерть. Окно ТАСС №873» художников Кукрыниксы (М. Куприянов, П.Крылов, Н.Соколов) вышел в 1943 году. http://softsalo.com/soviet_41-45_polit/agit_93.html Плакат выполнен в сатирическом жанре и разделен на три части. Каждая часть подписана стихами С. Маршака. Плакат показывает, что немцы нытики или веселуны запрещены в Третьем Рейхе, а другие, отличающиеся от первых нашли свой конец в России. Плакат несёт агитационно-пропагандистскую направленность и сопровождается стихами:

Татьяна Мажорина

*Этот немец — тихий нытик.
Он на всём поставил крест.
И на днях, как злостный критик,
Был посажен под арест.*

*Этот фриц — смешлив не кстати.
У него кривится рот.
И сидит он в каземате
За последний анекдот.*

*Этот немец — не в кутузке,
Очевидно потому,
Что удачный выстрел русский
Раскроил бабку ему.*

Много, очень много ещё можно рассказать о многогранной деятельности автора — поэта, писателя, драматурга, человека, посвятившего всю свою жизнь служению литературе, но пора перейти, пожалуй, к книге «Воспитание словом», послужившей отправной точкой, катализатором для написания этого очерка. В ней собраны статьи Самуила Яковлевича за последние тридцать лет жизни. Автор щедро делится с читателем мыслями о мастерстве и силе художественного слова, о хороших и плохих рифмах, об искусстве перевода и т.д. Большое внимание уделено разбору сказок, особенно из творческого наследия, горячо любимого им Пушкина. Коснёмся немного этой стороны деятельности Маршака. С его слов «В хорошей сказке не меньше жизненной правды, чем во всякой другой — хорошей повести, пьесе или поэме». События, фантастические превращения, конечно же, вымышленные, «но чувства, которые испытывают сказочные

герои, — не выдуманные, а настоящие», — пишет Маршак. И с этим трудно не согласиться.

Многие поэты да и я, в том числе, стараемся писать стихи разным размером, но Пушкин так умел подчинить мысль и ритмику стиха, что «один и тот же стихотворный размер у него передаёт и полёт шмеля или комара, и пушечную пальбу, и раскаты грома». Писал чаще всего хореем или ямбом. И при этом оригинально играет звукопись (звуки «ж». «з» «у»). А это — мастерство, иначе не скажешь. В наше время при рифмовке мы стараемся как можно реже обращаться к глаголам либо не использовать вовсе, тем более что глагольную рифму подобрать несложно. Но Пушкин находил в ней особенную прелесть и не потому, что её подобрать легче, а потому, что «его стих всегда работает и умеет передавать ритм движения, борьбы и труда». Он всегда был скуп на прилагательные. А в сказках особенно. Вот пример из «Сказки о царе Салтане», который нам приводит Маршак:

*Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Поднатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дверь и вышел вон.*

Следует заметить, что предложения составлены только из существительных и глаголов, но какая мощная энергия движения заключается в них: «поднялся, уперся, поднатужился, молвил, вышиб и вышел» — шесть глаголов в шести строках (стихах)! Итог — победа, потому что вышел, освободился от бочки. А вот другой пример из «Полтавской битвы»:

Татьяна Мажорина

Швед, русский, — колет, рубит, режет.

Бой барабанный, клики, скрежет.

Гром пушек, топот, ржанье, стон,

И смерть и ад со всех сторон.

Во всём стихотворении глаголов — тьма, и только эта строфа особенная. Вначале цепь глаголов: «колет, рубит, режет» — предельное напряжение и тут же — плотный строй существительных, будто «спешит угнаться за стремительным бегом событий». Нужны ли здесь прилагательные, либо эпитеты, которые мы так любим. Нет, и ещё раз нет! Стихи мощные, сильные, энергетически наполненные — по-другому сказать не могу. Но помог мне разобраться во всех тонкостях поэзии, где не так много метафор, эпитетов и других средств художественной выразительности, именно Самуил Яковлевич. Он же, открыл мне газа и на поэзию Некрасова. Как-то прошла она незаметно в пределах школьной программы не более того. Больно грустная, к тому же, недостаточно метафорична, как я считала прежде. А колоссальный душевный захват, который испытываю сейчас при прочтении?.. И в этом суть! Думаю, мне простительно, если даже И. Тургенев был убеждён, что вскорости «самоё имя Некрасова покроется забвением» (С. Маршак — «О стихе работающем и праздном»). Автор для примера обращается к стихотворению Некрасова «В деревне». Цитирую слова старухи, потерявшей сына, которая причитая по-бабьи, изливала горе своей соседке:

Ветер шатает избёнку убогую,

Весь развалился овин...

Словно шальная пошла я дорóгою:

Не попадётся ли сын?

Взял бы топорик — беда поправимая —

Мать бы утешил свою...

*Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Надо ль? Топор продаю.
Кто, как доносится тёплая шубушка,
Зайчиков новых набьёт?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка, —
Даром ружьё пропадёт!*

Суровая жизненная проза, полная глубокого драматизма, «проза, питающая подлинную поэзию и отличающая её от поддельной» (С.М.). Тихий вопрос «Надо ль?» — звучит страшнее материнских слёз, даже несколько кощунственно при таком горе, но он пронзает читателя насквозь. «Топор продаю», «Даром ружьё пропадёт — настоящая, народная поэзия. В ней такая заключена безысходность, такая непреходящая тоска и убогость российской глубинки, переданная двумя простыми, короткими фразами, что диву даёшься умению автора. «А ведь наличием этой прозы в стихах, в повестях и романах измеряется поэтическая честность, поэтическая глубина, ею измеряется и художественное мастерство», — так сказал Маршак о творчестве Некрасова. А прочитав рассказ Льва Николаевича об Отечественной войне 1812 года, написанный для детей, он написал: «Лев Толстой блистательно показал, что даже урок истории, хроника подлинных событий, может стать поэтическим произведением — сказкой, возбуждающей народное чувство».

В книге очень подробно разобрана поэзия А. Твардовского (статья «Ради жизни на земле»), проза М. Ильина — младшего брата Маршака («Поэзия науки»), проза Л. Пантелеева и Г. Белых («Республика «Шкид»»), но это отдельные истории, далеко не последние, о которых можно писать и писать. Решает судьбу любой книги, разумеется, читатель, поскольку он лицо незаменимое.

Татьяна Мажорина

«Без него — пишет Самуил Яковлевич — все произведения Гомера, Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина — всего лишь немая и мёртвая груда бумаги... Все струны, которыми владеет автор, находятся в сердце читателя». И от того, как тот или иной писатель умеет управлять этими струнами — ключиками к нашим сердцам, зависит дальнейшая судьба его книги.

4 июня 1964 года не стало писателя, глубокого аналитика, большого друга детей. Он прожил долгую и славную жизнь. Был награждён двумя орденами Ленина, Орденом войны I-й степени, Орденом Трудового Красного знамени, четырьмя Сталинскими премиями. В конце жизни получил Ленинскую премию за стихи для детей и лирику. До последнего дня своей жизни работал, правил корректуры, даже находясь в больнице, чувствовал глубокую ответственность за каждое написанное им слово. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Используемая литература:

«Сказки. Песни. Загадки. Стихотворения. Вначале жизни» (страницы воспоминаний) — С. Маршак, Москва, Издательство «Детская литература» 1983

«Стихотворения и поэмы» — С.Я. Маршак, «Советский писатель», Ленинградское отделение, 1973

«Воспитание словом» — С. Маршак, Москва, «Советский писатель» 1964

«Жизнь и творчество Маршака» — Москва, Издательство «Детская литература» 1975

«Чудо по имени Белла»

*К 80-летию со дня рождения
Беллы Ахмадулиной*

*Не робей, если ты оробела.
Не замри, если ты замерла.
Здравствуй, Чудо по имени Белла
Ахмадулина, птенчик орла.*

«Чудо по имени Белла» — слова, принадлежащие перу поэта, переводчика и драматурга — Павла Антокольского и обращённые к юной Ахмадулиной, чьё творчество невозможно было не заметить. Он не просто заметил, а всячески опекал юное дарование. Его стараниями в 1962 году был издан первый её поэтический сборник «Струна». Этот год принёс ей известность и славу ещё и чтением собственных стихов в Политехническом институте совместно с Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, Андреем Вознесенским и Булатом Окуджавой. Знаменитые, яркие поэты-шестидесятники! Опыт, уверенность и мудрость пришли к ней не сразу, не вдруг. Об этом говорят следующие строки:

*Прежде было — страшусь и спешу:
Есмь сегодня, а буду ли снова?
И на казнь посылала свечу
Ради тщетного смысла ночного.*

Татьяна Мажорина

Итак, Белла Ахмадулина родилась 10 апреля 1937 года в Москве в элитной советской семье на Варварке в самый разгар сталинских репрессий. Отец — Ахат Валеевич — татарин занимал пост крупного таможенного начальника, дослужился до замминистра. Мать — Надежда Макаровна — русская, работала переводчиком в чине майора КГБ. В роду матери были итальянцы, обосновавшиеся в России. Поскольку родители постоянно на службе, воспитанием девочки занималась бабушка по материнской линии, с которой они были очень близки. В молодости бабушка окончила фельдшерские курсы, увлекалась идеями свободы и равенства, участвовала в маёвках, хранила за корсетом прокламации и возглавляла революционный кружок в Казанской губернии. Не раз попадала в тюрьму, но до самой старости сохранила в сердце любовь и добро, обожала животных. Вдвоём с внучкой подбирали больных птиц, кошек и собак, на что мама была категорически против. Много позже этим же будут заниматься и её собственные дети: Аня и Лиза. Стихи Белла писала с детства. Школьницей работала внештатным корреспондентом газеты «Метростроевец». 3 мая 1955 г в газете «Комсомольская правда» было напечатано первое стихотворение будущей поэтессы «Родина»:

*На грядках зелёного огородика,
Где тянется хмель к кривому крыльцу,
Я неожиданно встретила Родину,
С нею столкнувшись лицом к лицу.
Она стояла, обнявшись с вишнею,
В сиянии белых её цветов, —*

*Такая красивая и неслышная,
С простой улыбкой, без громких слов.
Дрогнула тонкая ветка смородины,
На щёку мне бросив росинку одну.
Тогда я впервые увидела в Родине
Всю красоту её и глубину.*

Ахмадулина работала внештатным корреспондентом «Литературной газеты» и частенько вспоминала, как рабочие — героини её репортажей, откровенно разыгрывали её, посмеиваясь над неопытностью и доверчивостью. Пригласят к себе, наговорят о грандиозных успехах и открытиях, она мчится к ним «на всех парусах», записывает, старается ничего не упустить, а на проверку оказывается, что такого сроду не было просто потому, что не могло быть.

В Литинститут имени А.М. Горького поступила со второго захода, но стихи, поданные на творческий конкурс при поступлении, были удостоены высокой оценки И. Сельвинского: «Поразительные по силе, свежести, чистоте души, глубине чувства».

В литинституте она встретила свою первую любовь — Евгения Евтушенко. Женечка, так его тогда называли однокурсники, вспоминал, что она не выглядела реальной женщиной, а была похожа на произведение искусства. В неё влюблялись абсолютно все, да и невозможно было не влюбиться: «Она дитя двух кровей - в её жилах татарская кровь древних ханов и итальянская кровь прадеда-шарманщика. Её голос звучал, как серебряный колокольчик, закручиваясь в тугую пружину по мере того, как она читала свои стихи, выгнув лебединую шею и гордо закинув

Татьяна Мажорина

головку, увенчанную короной стянутых в косу волос... Её звали Белла Ахмадулина». Между двумя удивительно талантливыми юными созданиями, конечно же, вспыхнуло и полностью захватило их яркое чувство любви. Вот как об этом пишет сама Белла, которой на ту пору едва исполнилось восемнадцать лет:

*Дождь в лицо и ключицы,
и над мачтами гром.
Ты со мной приключился,
словно шторм с кораблём.
То ли будет, другое...
Я и знать не хочу -
разобьюсь ли о горе,
или в счастье влечу.
Мне и страшно, и весело,
как тому кораблю...
Не жалею, что встретила.
Не боюсь, что люблю.*

«Держась за руки, они долго даже ночами бродили по Москве, причём Женечка часто забегал вперёд, чтобы видеть прекрасное лицо Беллы с её итальянскими ли, бахчисарайскими ли глазами. Ему хотелось подарить ей что-то необычайно красивое. И он увёз её к морю, которое она увидела впервые. Влюблённые гуляли по Сухуми в полосатых пижамах и белых войлочных шляпах, пробовали на рынке душистое вино «Изабелла», заедая его влажными ломтями грузинского сыра «Сулугуни». Эйфория влюблённости продлилась два года, а нежные воспоминания и стихи-посвящения

друг другу сохранились на всю жизнь. Не буду вдаваться в подробности их расставания, коих в интернете более чем достаточно. Приведу лишь подтверждение вышесказанного. Евтушенко писал: «...И ты не знаешь, что вдали там, в море, с тобой танцую я сейчас вальс, Белла». Белла отвечала:

*Ты думаешь, что я из гордости
хожу, с тобою не дружу?
Я не из гордости — из горести
так прямо голову держу.*

О красоте и женских чарах Беллы ходили легенды. Попал под её очарование и Василий Шукшин, пригласивший её сыграть журналистку в фильме «Живёт такой парень». Позже она ещё не раз снималась в кино и писала сценарии. Охотно использовались режиссёрами фильмов и песни на её стихи. К слову она относилась более чем бережно. Приведу отрывок из стихотворения «Свеча»:

*И поспешит твоё перо
К той грамоте витиеватой,
Разумной и замысловатой,
И ляжет на душу добро.*

*...И Пушкин ласково глядит,
И ночь прошла, и гаснут свечи,
И нежный вкус родимой речи
Так чисто губы холодит.*

Татьяна Мажорина

Она всегда и везде чётко высказывала своё мнение. К примеру, в 1959 году её исключили из Литинститута за отказ участвовать в травле Пастернака, годом ранее получившего Нобелевскую премию по литературе. Как бы то ни было, позже она была восстановлена и смогла успешно его закончить. Вот что сама Белла пишет по этому поводу: «Если меня чему-то научил Литературный институт, так это тому, как не надо писать и как не надо жить». Позже Белла Ахатовна не раз поддерживала диссидентов, писала заявления в поддержку Андрея Сахарова (ездила к нему в ссылку в Горький), Владимира Войновича, Льва Копелева. Её фамилия стоит и в знаменитом и печально-известном «письме 42-х» — обращении к президенту Борису Ельцину во время противостояния с Верховным Советом России во главе с Русланом Хасбулатовым...

В 1960 году судьба свела Беллу с Юрием Нагибиным — писателем, журналистом, сценаристом, с которым они прожили в браке восемь лет. Нагибин признавался в дневнике: «...Я так гордился, так восхищался ею, когда в битком набитом номере, она читала свои стихи нежно-напряжённым, ломким голосом, и любимое лицо её горело, — я не отважился сесть, так и простоял у стены, чуть не падая от страшной слабости в ногах, и мне счастливо было, что я ничто для всех собравшихся, что я — для неё одной». Она отвечала:

*Так просто станет всё и цельно,
когда ты скажешь мне слова
и, тяжело и драгоценно
ко мне склонится голова.*

А, годы спустя, произошёл довольно неприглядный случай в их биографии. Конец 60-х годов. В питерском доме журналистов (старом, на Моховой) проходит творческий вечер Юрия Нагибина. Она в общем разговоре держит себя скромно, тактично, неслышно, можно сказать. Юрий Маркович, ответив на ряд вопросов, вдруг заявляет, что ему срочно нужно отлучиться на часок и просит зрителей не расходиться. Оставляет киномеханику плёнку с новым военным фильмом по своему сценарию, который он якобы специально захватил из Москвы. Белла спустилась в зал к зрителям. И тут... произошло непредвиденное. Фильм был широкоформатным, а экран — обычным. Герои фильма оказались весьма худосочными, слишком вытянутыми по вертикали. Смотреть было невозможно, однако зрители из-за уважения к жене автора, терпели сие действие. Спустя час, появился Нагибин, пробрался к супруге и, взглянув на экран, мрачно и нараспев произнёс: «За-бав-но...» И тут же раздражённо: «Белла, пойдём!» Она, испытывая неловкость, жарко зашептала: «Юрочка, уходить неудобно... люди же не виноваты. Скоро картина закончится, и ты продолжишь встречу». Но не тут-то было. Он сорвался — и на выход. Ей ничего не оставалось делать, как виновато развести руками и следовать за мужем. Такое поведение Беллы характеризует её, как человека чуткого, совестливого и вовсе не «богемного», как многие тогда считали. Брак между ними в скором времени сошёл на нет:

*Прощай! Все минет: сад и дом,
двух душ таинственные распри,
и медленный любовный вздох
той жимолости у террасы.*

Татьяна Мажорина

Но творческая жизнь продолжается. Второй поэтический сборник поэтессы «Озноб» вышел в 1969 году, причём, выпустило его в ФРГ эмигрантское издательство «Посев». «Суслов и компания» отреагировали на это крайне негативно. Обратите внимание, насколько точные и пронзительные метафоры употребляет автор в поэме «Озноб»:

*Все тяжелей меня хлестала дрожь,
вбивала в кожу острые гвоздочки.
Так по осине ударяет дождь,
наказывая все её листочки.*

*...Уродующий кисть огромный пульс
всегда гудел, всегда хотел на волю.
В конце концов казалось: к чёрту! Пусть
им захлебнись, как Петербург Невою!*

Особенно усилились гонения на неё, когда в неподцензурном альманахе «Метрополь» был напечатан сюрреалистический рассказ «Много собак и Собака»... Будут ещё сборники: «Уроки музыки», «Свеча», «Метель», «Тайна»... Какие дивные названия!.. Белле Ахатовне выпала нелёгкая, но святая миссия — продолжить традиции Серебряного века русской поэзии, подхватить поэтическую эстафету у предшественников, восстановив связь времён. Можно с уверенностью сказать, что благодаря ей, не прервалась цепочка отечественной изящной словесности. Переведённая на десятки языков, она сама на русском дала жизнь немалому числу хороших поэтов, особенно грузинских. Когда её стихи на родине были под запретом, в Грузии их публиковали постоянно:

*Сны о Грузии — вот радость!
И под утро так чиста*

*виноградная сладость,
осенявшая уста.*

Важной составляющей лирики автора является дружба. Дружбу — в том числе дружбу-любовь и дружбу-творчество она считает одним из самых сильных человеческих чувств. Дружбе в равной мере присущи и горечь (замечательный романс — «По улице моей который год») и страсть («Свирепей дружбы в мире нет любви»). Героями стихов Беллы Ахмадулиной зачастую становились как простые люди, живущие рядом — так и поэты от Александра Пушкина, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой до друзей и современников Андрея Вознесенского, Булата Окуджавы и т. д. Иосиф Бродский считал Беллу «несомненной наследницей Лермонтовско-Пастернаковской линии русской поэзии», поэтом, чей «стих размышляет, медитирует, отклоняется от темы; синтаксис — вязкий и гипнотический — в значительной мере продукт её подлинного голоса». Кроме стихов, она автор многочисленных эссе и рассказов.

Пришло-таки время, когда родная страна оценила её творчество по достоинству. В арсенале её наград — Государственная премия СССР, России, ордена «За заслуги перед Отечеством» и «Дружбы народов». Белла Ахатовна с юности была несколько несобрана, расточительна к своим стихам, раздаривала их направо-налево. Её последним мужем и ангелом-хранителем был Борис Мессерер — театральный художник, сценограф, педагог, президент ассоциации художников театра, кино и телевидения Москвы. Он собирал все листочки, обрывочки черновиков, салфетки, на которых были написаны её стихи и всячески помогал в выпуске книг. Михаил Жванецкий, друживший с Беллой более 35-ти лет, вспоминал: «Ей очень повезло в жизни встретить такого

Татьяна Мажорина

человека, как Борис. После этих ветреных поэтов у неё появился настоящий муж, которому можно было за спину зайти, который брал её за руку и вёл...».

А закончу свои рассуждения о жизни и творчестве Беллы Ахатовны строками из великолепного романа на её стихи «А напоследок я скажу», который по сути очень перекликается с пастернаковским взглядом на поэзию. Восходя «к высокой степени безумства», она, как истинный Поэт, переплавляет свою боль в стихи, — недаром Пастернак назвал поэзию «высокой болезнью».

*А напоследок я скажу:
Прощай, любить не обязуйся.
С ума схожу. Иль восхожу
К высокой степени безумства.
Так напоследок я скажу..*

29 ноября 2010 года не стало Беллы Ахатовны, но стихи её живые и необыкновенно-пронзительные, полагаю, всегда будут жить в сердцах читателей.

Используемые материалы:

Белла Ахмадулина — «Полное собрание сочинений в одном томе», изд-во «Альфа-книга» Москва 2012.

Газета «Невское время», статья Льва Сидоровского - http://www.nvspb.ru/stories/zdravstvuj_chudo_po_imeni_bell

Интернет-ресурс - <http://www.abella.in/index.html>

10.04.2017

Часть 3

«Наше священное ремесло»

«Не отворачивай лица»

*К 100-летию со дня рождения
А.В. Калинина.*

*Ни от могилы затравевшей,
Ни от солдатки постаревшей,
Ни от сиротского крыльца
Не отворачивай лица.*

«Не отворачивай лица». Именно с этих, казалось бы, очень простых слов, рефреном проходящих в одном из стихотворений нашего великого донского писателя Анатолия Вениаминовича Калинина, мне хотелось начать непринуждённый и доверительный разговор с читателем. Да-да, я не оговорила: речь пойдёт именно о его о стихах:

*Ни от завистливых намёков,
Ни от взыскательных уроков,
Ни от тернового венца
Не отворачивай лица.*

Литературная общественность страны знает его, как автора ряда замечательных очерков («Неумирающие корни», «На среднем уровне», «Лунные ночи», «Гранатовый сок», «Вёшенское лето», «Время «Тихого Дона», «Две тетради»), повестей («Гремите колокола», «Возврата нет») и романов («Красное знамя», «Суровое поле», «Цыган», «Запретная зона»). Мировую известность автору принесла экранизация романа «Цыган» в 1967 г., а спустя четыре года и повести «Возврата нет».

Как оказалось, Анатолий Вениаминович писал ещё и стихи, причём, с пятнадцатилетнего возраста. А узнать мы смогли об этом лишь после смерти писателя в 2008 году, благодаря книге «Есть слов простое сочетание...», выпущенной в Ростове-на-Дону издательством Литературного фонда России «Донской писатель». Полагаю, уместно будет привести несколько слов от издательства: «Настоящий сборник — дань памяти коллектива издательства большому донскому писателю, замечательному человеку и гражданину Анатолию Вениаминовичу Калинину, недавно ушедшему от нас». Низкий поклон и дочери писателя — Наталье Калининой, которая бережно собрала и предоставила редакции воистину бесценное наследие отца.

Вот что пишет сама Наталья Анатольевна по этому поводу: «Мне, горячей поклоннице классической музыки, стихи сызмальства казались её прямым продолжением... Прозу Анатолия Калинина критики называли поэтичной, его поэзию я бы назвала словом, переходящим в музыку». Не согласиться с этим просто невозможно. Более шестидесяти лет писатель прожил в одном из живописнейших уголков Усть-Донецкого района Ростовской области — хуторе Пухляковском, расположенном на правом берегу Дона с его редкими, но до сих пор сохранившимися казачьими куренями. Когда спускаешься вниз по серпантину дороги от автотрассы Шахты — Волгодонск, то дух захватывает от увиденной красоты: голубая лента Дона, выходя из-за острова Гостевого, своим очертанием напоминает шашку казака, радуют глаз ярко-красные пятна боярышника и шиповника, украшающие переливчатый ковыльный ландшафт, к которому Анатолий Вениаминович прикипел всей душой:

*Когда меня уже не будет,
И пеплом след мой занесёт,*

Татьяна Мажорина

*Всё то же розовое чудо
Опять над островом всплывёт.
И, распахнув свои ресницы,
Такой прольёт на землю свет,
Что даже я в моей темнице
Поверю вдруг, что смерти нет.*

Согласна, для писателя такого масштаба смерти, действительно, нет. Наследие, оставленное им — уникально. Я счастлива, что имею возможность прикоснуться к его поэзии. Обратите внимание, насколько понятны и близки сердцу каждого человека, искренне любящего красоту и притягательность русского слова, следующие стихи автора:

*Кто-то о звёздах хлопочет,
Кто-то рвётся к кормилу,
А мне б долгожданную строчку
Найти под занавес, милые.
Кто-то у кассы — в очередь —
За бронью в вагон бессмертия,
А мне бы всего лишь строчку
Для полного счастья, поверьте.*

Кто бы мог подумать (за исключением родных и близких, конечно), что Анатолий Калинин пишет такие стихи, что в душе он — необыкновенный романтик, не собери всё это Наталья и не принеси это в редакцию «Донской писатель». И в этом он весь: талантливый, отзывчивый, равнодушный, не терпящий лжи, готовый всегда прийти на помощь, способный поддержать и словом и делом. Думаю, самое время немного коснуться

истории его становления, как писателя, поэта, «мастера слова, переходящего в музыку».

Родился Анатолий Калинин в учительской семье в станице Каменской (ныне Каменск-Шахтинский) Ростовской области 22 августа (по новому стилю) 1916 г. Горячее, тревожное время оставило глубокий след в душе будущего писателя. В 1930 г. семья переезжает в Новочеркасск, с которым и связано становление его как журналиста и писателя. Редактировал газету «Пионер», печатался в «Пионерской правде», затем стал сотрудником газеты «Знамя коммуны». Как и полагается, талант юного журналиста заметили в Москве, пригласив работать в «Комсомольскую правду». Далее были Кабардино-Балкария, Украина и снова Дон. Перед войной выпустил свой первый роман «Курганы».

1941 — 1945 годы работал военным корреспондентом «Комсомольской правды», посылая в газету фронтовые очерки, зарисовки с полей сражений за Ростов-на-Дону, Моздок, Сталинград с линии прорыва Миус-фронта и т. д. Писал о простых солдатах, в основном, о земляках казаках 5-го Донского кавалерийского корпуса, с которыми прошагал победным маршем Украину, Молдавию, а также страны Восточной Европы вплоть до Австрии. Всё это время он не переставал писать и стихи. Остановимся на стихотворении «Баллада о верности». Проходя по освобождённым территориям, он был поражён бесчинствами, творимыми фашистами на оккупированной земле:

*...С плеча рубили кортиками мебель,
Топтали на пол брошенный портрет,
Потом высокий молодой фельдфебель
Пришёл к хозяйке в спальню на заре.*

Татьяна Мажорина

*Над спящими левадами, над хутором,
Настороже, как будто бы в строю,
Стояла тишина... Но ранним утром
Предсмертный крик взметнулся на краю.*

Разве не знала обыкновенная русская женщина, мать, беззаветно любящая своего мужа — солдата, чем ей грозит отказ от притязаний. Но ненависть к подонку решила всё:

*В хозяйской спальне, подтекая лужей,
Лежал, зарезанный тупым ножом,
Простым железным кухонным оружием,
Охотник до солдатских русских жён.
И рядом в белом лунном освещении,
Как в белом покрывале под венцом,
Она стояла, словно в сновидении,
С простым и скорбным девичьим лицом.
Тяжёлые распущенные косы
На грудь спускались с обнажённых плеч.
Немецкий унтер, бросив папиросу,
Солдатам крикнул: «Запереть и сжечь!
Пускай сгорит живая со щенками!»*

Анатолий Калинин, несмотря на известность, был человеком скромным, не любил всё наносное, показное, бутафорское. Во время войны его пути не раз пересекались с Константином Симоновым, однако посидеть за одним столом да чтобы с глазу на глаз так и не удалось. Цитирую отрывок из его посвящения Симонову:

«Служение слову...»

*На званных пирушках, скорее из робости,
А, может, стыда не присутствовал я,
Когда за столом, называя подробности,
Знакомством с тобой щеголяли друзья.
Не это мне нужно, не это мне дорого,
А то, что повеет с горячих страниц,
Как пушечным дымом и снайперским порохом
В багровом огне сталинградских зарниц.*

После войны тогда ещё молодой писатель вместе со своей боевой подругой, соратницей, женой Александрой Юлиановной поселился в хуторе Пухляковском, упомянутом ранее, и прожил в нём до самой смерти:

*Без памяти, провинция,
Тебя я полюбил
С тех пор как по станицам
Охлюпкой я пылил.
За россыпь многоцветную
Весёлых куреней
И щедрость многодетную
За золотом плетней;
За жизнь твою несытую
У мира на виду
С воротами, открытыми
На радость и беду;*

А какие тёплые, необыкновенно-трогательные стихи он посвятил своей жене Саше. Не каждому дано пронести и сохранить до конца своих дней чувство безграничной любви и уважения

Татьяна Мажорина

к женщине, матери собственных детей, «воплотившей в себе всех женщин, которых мечтал он любить»:

*Перед тем как в бессонное сердце
С дальним эхом войдёт остриё,
Я хочу на тебя насмотреться
Незакатное счастье моё.*

Как человек крайне равнодушный, он не мог мириться с любой несправедливостью. Болью в сердце отозвался в нём распад Советского Союза, а также «лихие», как сейчас принято называть, девяностые годы.

*На службе явно благородной,
Присяге верные, смотрите:
Стволы стальные в грудь народа
В азарте зла не наведите.*

Анатолий Вениаминович никогда не ловчил, не подстраивался, не менял своих убеждений, до последних дней был членом Коммунистической партии. На Дону он известен не только как писатель, но и общественный деятель. С 1966 по 1988 годы избирался депутатом Верховного Совета РСФСР четырёх созывов подряд, оставаясь при этом таким же равнодушным и близким к народу:

*Я знаю, мне завидуют друзья:
Я в их глазах вполне благополучен —
Заснят. Отретуширован. Озвучен.
А то, что я тревогою измучен,
Об этом должен знать один лишь я.*

Писателя волновали: крушение идеологии, губительные реформы, проводимые в стране, бесхозяйственность человека, варварское отношение к природе, загрязнение окружающей среды и, непосредственно связанное с этим, исчезновение степной фауны. Какая боль сквозит в следующих стихах:

*Не видно над степью орлов,
Уже с высоты синеокой
Не падает царственный клёкот
В багровый шиповник яров.
...Один лишь, с тоскою во взоре,
Ещё сторожит свой курган
Над степью родною, но вскоре
И он улетит в Дагестан,
Чтоб впредь до скончания века,
Впиваясь в твердыню Казбека,
Кровавою сталью когтей,
Судить торжество человека
Над матерью жизни своей.*

Трудно сказать, существует ли что-то на нашей земле, что не волновало бы Анатолия Вениаминовича. Однажды, будучи в автобусе, он стал свидетелем того, что никто не уступил места вошедшему инвалиду-фронтовику:

*Не вези меня дальше, водитель,
До конца моего пути!
Я такое сейчас увидел,
Что могу где угодно сойти.
Я могу и в степи с билетом*

Татьяна Мажорина

*Выйти прямо в морозную ночь,
Потому что в автобусе этом
Оставаться мне больше невмочь.
Открывай поскорее дверцу,
А не то по твоей вине
Захлебнётся без воздуха сердце,
Как от раны сквозной на войне.*

Относясь очень требовательно и взыскательно к слову, хорошо зная классику мировой литературы, уважая культурное наследие страны, он не мог мириться с тем суррогатом, что подаётся народу со сцены, с экранов телевизора:

*Временички не чужды и поэзии,
Они, как мародёры на войне,
Сомнительной добычей не брезгуя,
Выходят на охоту при луне.
Они всего, всего они касаются,
И всюду, где ступает их нога,
Поруганные музы извиваются,
Раздетые публично донага.
...И публика, захлёстнутая модой,
Грохочет в исступлении, пока
И радости и горести народные
С эстрады продаются с молотка.*

Совершив небольшой экскурс в поэтический мир Анатолия Калинина, пришла к выводу: не писать он не мог. Да и стихи автора просто должны были увидеть свет. Можно ли удержать слова, идущие из самых затаённых глубин души?.. В подтверж-

дение своих слов хочется привести отрывок из его стихотворения «Автопортрет»:

*Дар, быть может, не случайный,
Полный смеха и огня,
Ты напрасно сделал тайной
И стреножил, как коня.
Всё равно не скрыть от взоров,
Как из тонкой пряжи слов
Вяжет рифмы и узоры
Своевольное стило.*

Не могу сказать, что его поэзия ограничивается только лирическими стихами. Нет и ещё раз нет. В моей домашней библиотеке есть одна небольшая книжечка писателя «Однажды в разговоре...», подаренная мне дочерью писателя — Натальей Анатольевной 18 августа 2010 года. Короткая надпись: «Татьяне Мажориной - от души» для меня очень дорога. Книга включает эпиграммы, написанные Анатолием Вениаминовичем в разные годы по разным литературным и жизненным поводам. В ней также собраны и фотографии из личного архива писателя.

Чаще других героем эпиграмм становился его друг Виталий Закруткин, зачастую он их даже заказывал на свои произведения. «Сам он эпиграмм не писал, но знал их великое множество, умел вспомнить к месту, а я потихоньку точил на него перо,» — вспоминает Анатолий Калинин. Например, опубликует в «Правде» рассказ «Подсолнух» или очерк «Лик земли» и сразу ждёт реакции друга. По сюжету очерка «Лик земли» автор на самолёте попадает в штопор и перед глазами в момент проносится вся жизнь. А вот что написал по этому поводу Анатолий Вениаминович:

Татьяна Мажорина

*Ещё вираж — и он бы влип,
Но в этот самый — грозный — миг,
Когда в хаосе он метался,
Ему земля явила лик,
И он бесспорно жив остался.
О, кочетовское вино,
Ещё не выпито оно,
Ещё и впредь из этих бочек
Я нацежу для «Правды» очерк,
А если будет в нём вода,
То это, право, не беда:
В степях Калмыкии моей
«Подсолнух» радуется ей.*

Приведу ещё один пример эпиграммы на другого донского писателя Владимира Фоменко, чьё творчество Калинин тоже очень любил, но никогда не прочь был подшутить. Вот его реакция на роман Фоменко «Память земли» о Волго-Доне. Книга, кстати, была высоко оценена главным редактором «Нового мира» Александром Твардовским, тем не менее родилась эпиграмма:

*От «Памяти земли» без памяти хожу,
Из «Памяти земли»
На память я твержу,
И, всё-таки, признаюсь, как ни странно,
Едва опять я в память прихожу,
Как, хоть убей, не знаю, не скажу,
Останется ли память от романа.*

Память от романа, разумеется, осталась, но затем и существует жанр эпитагмы, чтобы можно было посмеяться даже над тем, что любишь.

А закончить свои рассуждения о поэтической стороне творчества нашего великого земляка Анатолия Калинина хотелось бы словами его дочери Натальи: «Отец писал стихи каждый день и до последнего дня. Это была его исповедь. Перед Богом. Перед самим собой. Перед читателями». И потому, как наказ всем нам, живущим на донской земле, звучат последние слова из стихотворения, с которого я и начинала, собственно говоря, знакомить читателей с лирической составляющей его души.

Живи по совести и чести.

Служи без подлости и лести

И от Отчизны до конца

Не отворачивай лица.

Используемые материалы:

«Есть слов простое вдохновенье...» «Донской писатель». Ростов-на-Дону. 2008.

«...Однажды в разговоре...». ООО «Издательство «Юг». Ростов-на-Дону. 2003.

«Пухляковский романтик». Долгополов С.А., управляющий этнографическим комплексом «Пухляковская казачья усадьба». E-mail: dsadon@mail.ru

Татьяна Мажорина

«Тревога каждодневная моя»

К 80-летию Бориса Куликова

*Ни у кого пощады не просила.
Другим прощала,
Мести не тая,
Любовь моя
И боль моя,*

*Россия,
Тревога каждодневная моя.*

«Тревога каждодневная моя» — слова из стихотворения Бориса Куликова «Россия», которые, как нельзя лучше, характеризуют всеобъемлющую, искреннюю любовь к родине человека, поэта, писателя, актёра — великого сына земли донской. Его стихи, простые и ясные, пропущенные через сердце, наполненные глубоким смыслом, не могут оставить читателя равнодушным. Не меньшей любовью пронизаны стихи, посвящённые своей малой родине — Донщине:

*Родная степь...
Бескрайние покосы.
Кузнечики куют, как ковали,
Да солнце по колено бродит в росах,
Да шепчутся о чём-то ковыли.
Вздыхаю полной грудью терпкий запах,
И радостно кружится голова!*

*Бреду за солнцем по траве на запад,
Шепчу земле хорошие слова.
Поля мои, сады мои зелёные,
Мой тихий Дон, озёра, как моря...
Моя Доницина, солнцем прокалённая,
Ты, сердце, до кровинушки моя.*

Насколько тепло, светло и трогательно переданы чувства автора! Он сам очень много читал, много думал, старался идти в ногу с веком, имел дома шикарную библиотеку. Большое внимание уделял мемуарам, справочникам, исторической литературе. Со слов Василия Воронова — члена Союза писателей России: «Ему дано было сильно чувствовать и переживать, отчаянно любить и разочаровываться, заблуждаться и каяться Он не знал середины. Или - или».

Борис Николаевич — автор 20 книг стихов и прозы, изданных в Москве, Ростове-на-Дону, Болгарии, Восточной Германии, создатель первого в СССР (1962 г.) Клуба любителей поэзии. Работал корреспондентом газет «Правда», «Сельская жизнь», Агентства Печати Новости (АПН). Печатался в престижных журналах «Огонёк», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Дон» и т. д. Выдвигался на Государственную премию, снимался в фильмах «Емельян Пугачёв» и «Мой ласковый и нежный зверь». Своими учителями по праву считает Михаила Шолохова, Анатолия Калинина и Виталия Закруткина. Перебрал множество рабочих профессий: комбайнёр, слесарь, асфальтобетонщик, камнедробильщик. сетовал, что не имеет ордена за литературные заслуги. Придумал новый проект: поэт на комбайне. Готов был сидеть за штурвалом по 20 часов в сутки, только чтоб взять рекорд. «Но, увы, увы... — пишет Василий Воронов, — Видно

Татьяна Мажорина

крепко судьба хранила Бориса Куликова для поэзии, для литературы. По дороге от машинного двора до пшеничного поля поэт как-то рискованно вильнул и опрокинул комбайн в глубокий кювет. Ремонтировать покорёженную машину не было смысла...». Так незавидно закончился эксперимент с орденом.

У Бориса Куликова есть замечательные стихи-посвящения. Прочитую строки, относящиеся к Владимиру Маяковскому о назначении поэта, потому что они в равной степени относятся и к самому автору:

Пришёл поэт

не сладко петь —

бороться!

Весь мир —

в его задумчивых глазах...

Пришёл поэт

и подал руку солнцу.

И людям

громко

«здравствуйте!» сказал.

Борис Николаевич тоже вошёл в литературу громко, ощутимо, солнечно и по-настоящему. Его необыкновенно-правдивые повести и рассказы, новеллы и очерки, стихи и путевые заметки снискали заслуженный успех не только у читателей Дона. Полагаю, пора немного коснуться его биографии. Родился Борис Куликов 28 августа 1937 года в семье потомственного донского казака. Отец — Николай Филимонович — в 1941 году ушёл на фронт. Тяжёлые военные годы... Мать — Александра Александровна — была смертельно ранена осколком бомбы,

когда немецко-фашистские войска подошли к станице. Детей во время бомбёжек прятали если не в подвалы, то под койки, ближе к стенам. Борис и Элла — его младшая сестрёнка, оккупацию переживали с бабушкой. Мальчику нравилось смотреть на танки, пушки, на вооружённых людей. Он ещё был слишком мал и особой ненависти к немцам не питал. В доме жили два немецких офицера. Не любил он их только за то, что забрали его патефон. Надо сказать, что и офицеры по отношению к хозяевам вели себя терпимо.

Однажды к ним в хату ворвались полицаи, забрали бабушку в отделение и жестоко избили плетьюми, что очень подорвало её здоровье. После освобождения станицы пришла похоронка на сына, что окончательно добило её. Вскоре бабушка умерла. Маленькую Эллу увезла к себе на Дальний Восток сестра матери — тётя Аня, а будущего поэта взяла в семью сестра отца — тётя Катя, у которой было своих четверо детей. Он через всю жизнь пронёс любовь, тепло и уважение к этой удивительно доброй и работающей женщине, позже написав повесть «Память сердца», состоящую из трёх новелл. После окончания Великой Отечественной войны вернулся из фашистского плена отец и женился на тёте Ане, которая приехала в станицу с Эллой. Так их семья смогла воссоединиться.

После окончания школы Борис поступил на исторический факультет Ростовского государственного университета. Во время учёбы принимал участие в постановках созданного им совместно с друзьями студенческого театра «СТИФ». В 1964 году в издательстве «Молодая гвардия» выпустил первый сборник «Стихи», а спустя четыре года в издательстве «Советский писатель» — «Сенокосная пора» и «Вербохлёт», по которому был принят в Союз писателей СССР. Затем он увлёкся прозой,

Татьяна Мажорина

не переставая при этом писать и стихи, оставаясь таким же ранимым, беспокойным и верным сыном родной Донщины. В подтверждение приведу строки из стихотворения «Бессонница», посвящённого Анатолию Калинину:

Уж звёзды гаснут, к горизонту клонятся.

Встаёт рассвет, рососою трав звеня.

Но не уходит от меня бессонница,

Тревога не уходит от меня.

Следует отметить, что проза автора содержательна, глубока и метафорична. Очень ярко описываются характеры героев-станичников: хлеборобов, комбайнёров, пастухов, рыбаков, а также браконьеров, чиновников и т.д., которых писатель помещает в различные житейские ситуации. А картины природы просто завораживают своей образностью. Достаточно привести пару-тройку примеров, чтобы читатель смог убедиться в художественности описываемых образов. Главное — описание одного и того же явления, ни разу не повторяется из рассказа к рассказу! К примеру, одни и те же, казалось, сумерки, а как по-разному:

«Уже вечерело. Синий сумрак мягко покрыл парную пахучую землю. На небе будто кто-то сыпанул горстку проса — звёзды стояли друг от друга далеко, где-то на юго-востоке только-только угадывалась луна: там ширился редкий бледно-жёлтый неровный полукруг подсвеченного неба».

А вот другой вариант: «Луна, полная, ярко начищенная прохладным ветерком, мирно стояла над хутором... Густые сумерки упали как-то неожиданно, властно, как тёплой ладонью воробышка, накрыли взъерошенный ночными садами и уличными тополями хутор».

Не менее сочно, зримо описана, к примеру, изнуряющая жара:

«Август выдался сухим, жарким. С востока густым валом шёл жгучий, пахнувший солью, чабрецом и песком раскалённый пал, давил к потрескавшейся земле молодые травы, сушил на деревьях листья, плясал зыбучим маревом по неоглядной донской степи». Ещё вариант:

«А за хутором по степи и склонам радовались жаре виноградные лозы. Тугие ядрёные кисти жадно вбирали солнечные лучи и волшебным образом переплавляли их в янтарный кисло-сладкий сок, который, перебродив в доброе вино, потом, зимою, за праздничным столом, отдаст людям радостное тепло прошедшего лета».

Обращусь ещё раз к очерку Василия Воронова «Житие Куликова», чтобы более полно раскрыть образ Бориса Николаевича. Однажды они попали вместе в станицу Ново-золотовскую на творческую встречу поэта с читателями-земляками. Цитирую: «Борис надел отутюженные светлые брюки с плетёным ремнём, белую нейлоновую рубашку с запонками, обулся в кожаные мокасины. Взял подмышку гармонь двухрядку, сунул в карман томик стихов... Стремительно вышел на сцену: — Здравствуйте, мои дорогие!» С этого мгновения от Бориса нельзя было оторвать глаз. Внимание зала полностью было подчинено обаянию поэта. Голос и жесты завораживали внимание зрителей:

*Казачий дух не грим актёрский,
Что под услужливой рукой...
Кто я такой?
Казак донской
Станицы Семикаракорской.*

Татьяна Мажорина

И он действительно был душой зала, первым парнем, чувствовал любовь земляков. Пальцы уверенно и ловко бегали по клавишам, грубоватый бас с хрипотцой залихватски выводил: «Из-за Дона песню выведу». Восторг зрителей. Овации и ещё раз овации!.. А он продолжает:

*А в саду мороз калёный,
Снегири, как яблоки.
А на клёнах, а на клёнах
Зяблики озябли как!
Месяц лихо мчит на лыжах,
Небо низко — на вершок...
Белый ветер щёки лижет.
Снег пылает... Хорошо!*

Конечно, не всё и не всегда так хорошо и празднично в жизни. Бывало всякое. Его очерки о людях, о проблемах села, в том числе и о стиле руководства не всегда воспринимались однозначно. Как-то он написал об ошибках первого секретаря Семикаракорского райкома КПСС, чем навлёк на себя бурю негодования. Помочь в тот момент ему даже Шолохов был не в состоянии. Друзья из отдела культуры опасались на людях здороваться с ним. Пришлось по совету Виталия Закруткина на время покинуть станицу. Правда, секретаря этого позже сняли за приписки, и Куликов вернулся «на круги своя».

Как бы то ни было, писать Борис Куликов не переставал никогда. Через всю жизнь пронёс сыновнюю любовь к родине, был искренним до конца дней своих, очень тяжело переживал распад Советского Союза. В феврале 1993 года во время просмотра выступлений своего тёзки — Ельцина Бориса Николаевича у него случился инсульт, и 5 марта он умер. Хоронили поэта морозным мартовским днём. Сотни людей шли за гробом, причём не только

земляки, горячо любившие его, но также москвичи и ростовчане. Сегодня в центре города Семикаракорска на гранитной колонне рядом с Дворцом культуры стоит небольшой бюст поэта, а поклонники его творчества с 1997 года ежегодно собираются на праздник «Щедрый август Бориса Куликова». Именем писателя названа средняя школа №1 и городской проспект. Как незримый наказ звучат слова из стихотворения «Завещание горца», якобы, адресованные жене:

*Оставляю тебя
По мужскому последнему праву
Помнить лучшие дни,
Видеть самые лучшие сны.
Завещаю тебе
Не носить по мне горестный траур —
Улыбайся прохожим
И радуйся зову весны.*

Используемая литература:

- «Моя Донщина» — избранные стихи, Ростов-на-Дону, ЗАО «Книга» 2012
«Поэзия Дона» — Антология XX-XXI, ОАО «Ростовкнига» 2014
«Сюжеты о писателях» — Василий Воронов, ЛФР «Донской писатель» 2012
«Мои дорогие люди» — Борис Куликов, Москва, «Советский писатель» 1975
«Круговерть» — Борис Куликов, Ростовское книжное изд-во 1987
«Ярость жизни» — Борис Куликов, Ростовское книжное изд-во 1980

04.07.2017

Экскурс в историю

Волгодонску необычайно повезло в том, что здесь жил и творил более 2-х десятков лет наш известный земляк, мастер военно-исторического романа, писатель, художник — Владимир Васильевич Карпенко. 19-го февраля 2016г. ему бы исполнилось 90 лет. К сожалению, жизнь его оборвалась 1-го мая 2005г. Однако, вклад его в культуру нашего города, Дона, да и страны в целом, неоценим.

«Писателя всё-таки делает биография, те условия и события, в каких он живёт и действует... Лично у меня биография состоялась. Даже красивая биография», — так говорит о себе Владимир Васильевич в интервью с Виктором Черкасовым (газета «Вечерний Волгодонск» от 18. 03. 1995 г.).

Обычный деревенский мальчишка. Родился в посёлке Зимовники 19 февраля 1926 г. Рос на рассказах и сказках бабки Палаги. Она поведала ему множество былей о событиях в Гражданской войне. Мать была женщина молчаливая, душевная. Отец — чеботарь, сапожник по-нашему. Мастер в своём деле, обшивал всю Сальскую степь. Кочевали с места на место, за год

Володя менял 2-3 школы. Отношения в семье были спокойные, добрые.

«Отец безоговорочно принял идеи коммунизма. Ни кола, ни двора! Забора у нас, калитки... никогда не было. Гулял ветер.

Жили одним днём, как твари небесные. Пятками голыми я пробивал в ноябре замёрзшие лужи. Бежал в школу...», — вспоминает писатель. Сапожник без сапог. Искренне верил отец Володи, что если не дети, то — внуки — непременно будут жить в светлом будущем.

Кумиром будущего писателя был легендарный конник — Семён Будённый. Очень уж любил Володя пальцем рисовать на снегу и в пыли пышные будёновские усы. Впервые он встретился со своим кумиром в 6-ти летнем возрасте в Дубовке. Молодой, фартовый, в кубанском чекмене без наград, с маузером в деревянной жёлтой кобуре. И усы! «Кинулся я, 6-ти летний на подножку тёмно-синего открытого лимузина, он, поднявшись, развернул мою стриженую голову пальцами и нежно толкнул на обочину, в верблюжью колючку». Знал бы Будённый, кого он так нежно взял за стриженую голову...

В жизни каждого человека есть место самое дорогое, самое заветное, самое яркое. Близкое. Место то, где ты впервые осознал себя. Постиг. Вырос душой. Для Владимира Карпенко — это Баглай-балка, чуть к востоку от села Большая Мартыновка: «Голая дикая степь. Ни деревца! Полдюжины саманных хат, барачков.... И года в той балке не прожил. А как прикипело! Какая-то вспышка, озарение.... Сразу стал всем. И гражданином. И солдатом. И художником. И даже мужчиной». А ведь всё это происходило в 1942 г. Август-декабрь. Оккупация. Казалось бы, самая что ни на есть, драматическая ситуация, но только не для 16-ти летнего Володи. Приведу акrostих, посвящённый писателю:

Татьяна Мажорина

*Вспышка эмоций. Накал. Озаренье.
Лучшие годы и балка-Баглай...
Армия Клейста спешит в наступление.
Дикое поле. Истерзанный край...
Именно в эту лухую годину
Мир содрогнулся, но яркой судьбой
Искру зажѐг в своём сердце Владимир.
Радость и ненависть. Боль и любовь...
Косит злодейка война батальоны.
Август и беженцы. В глубь. На Восток.
Родина гибнет. Потерь миллионы.
Парень сидеть, сложа руки, не мог.
Ерики. Сал. Оккупация. Служба...
«Надо бы выстоять — шепчет ковыль, —
Кто о Думенко напишет, как нужно,
Очень правдиво дилогию-быль?»*

С апреля 1943 г. по апрель 1944 г. он служил командиром орудий в зенитных войсках на Центральном фронте. Был ранен, награждѐн орденом Отечественной войны 1-ой степени и медалями.

Сразу после войны, в Зимовниках Володя заканчивает школу. Пишет свой первый роман «Отава», пока в рукописном варианте. Восемнадцатилетний мальчишка написал о самом себе, шестнадцатилетнем. Написал с натуры. Первая же критика на «Отаву» больно ударила по рукам. Журнал «Октябрь» в заслугу ему ставил идею, язык, художественные средства, молодогвардейскую тему. В вину же ставил то, что автор увлѐкся детективно-приключенческой стороной за счёт характеров героев-мальчишек. Вначале 60-х такой приговор был равносителен «к высшей мере». Первый и единственный раз автор прибегнул ко лжи в искусстве, уступил Системе: выдумал старого большевика, как отчасти, и комсомольское подполье на Салу. При-

шлось убраться треть рукописи о ценном для себя лично — своей биографии. Напечатают роман спустя 12 лет.

Самостоятельную работу Владимир Васильевич начал в 1953 г. в Астрахани учителем черчения и рисования, закончив к тому времени Ростовское художественное училище имени Грекова. Затем Московский Литинститут и — снова Астрахань. Работал в обкоме партии инструктором по печати и культуре, позже — возглавил этот сектор. Здесь у него началась творческая и издательская деятельность. Зрела тема. Была судьба. Трагическая судьба. Думенко. Предложили написать трагедию революционера, постепенно переродившегося в контрреволюционера, по официальной судебной версии. О враге народа он так и не написал. Отлично защитился «Отавой».

В 1962 г. он стал членом Союза писателей СССР, возглавил редакцию книжного издательства. Выпустил романы «Отава», «Тучи идут на ветер», «Красный генерал», «Щорс» (из серии ЖЗЛ).

Работая в обкоме, Владимир Васильевич не раз принимал Хрущёва Никиту Сергеевича. Будучи заядлым охотником, «самый речистый наш вождь», открывал каждый осенний сезон на водоплавающую птицу. Обычно, с нарушением на две недели раньше срока. Впечатление от встречи тягостное: «толстый, бесформенный, оплывший, с трудом отрывал подошвы от ковровой дорожки, тяжело отдувался, будто нёс на закорках непосильный груз. Многого не знаем мы. Не знаем собственной истории. Хрущёв был вместилищем кремлёвских тайн. Тайны мадридского двора... пустое против кремлёвских». По большому счёту его оттепель больше походила на мираж.

По невежеству, по личной злобе он свалил своего кумира, «вождя народов», уже бронзово-гипсового, и в упоении топтался на черепках. Систему не тронул. Только «культ личности», а личные

Татьяна Мажорина

мотивы у него были. Обоих отцов постигла злая участь. Старшие сыновья и Сталина и Хрущёва — командиры Красной Армии — попали в плен. Судьба Якова Джугашвили нам известна. Крылатая фраза, произнесённая Сталиным: «Я рядовых на генералов не меняю», нашла отражение в фильме. Никита Сергеевич не раз обивал пороги вождя с просьбой выкупить своего сына. И добился-таки. Военнопленный молодой Хрущёв благополучно переселился из немецкого концлагеря в таёжный советский. Отец продолжал действовать. Даже Сталин не сдержал напора верного подручного. И самолёт с молодым Хрущёвым на борту, возвращавшийся в Москву, не одолел Уральского хребта. Никита Сергеевич считал катастрофу умышленной. А у него была возможность узнать о гибели сына после смерти вождя. При жизни он испытывал страх перед грузином. Сам Хрущёв признавался: «Въезжая в Кремль, никогда не знаешь, выедешь ли обратно?» Вот они личные мотивы. Гибель сына и страх. Достаточно для патологической ненависти.

В 1968-1971 гг. Владимир Карпенко руководил «Общественной писательской организацией» в Ульяновске. В журнале «Волга» выходят главы о комкоре Думенко. Удалось вернуть честное имя, но в отношениях с ульяновской системой наметилась трещина. В СП Карпенко называют белогвардейским писателем, певцом контрреволюции. «Ишь, на кого замахнулся?! На верного ленинца! На легенду! Самого Будённого показал конюхом у какого-то мелкобуржуазного проходимца!» Кругами заходили чекисты вокруг Карпенко. Помог «самый мирный маршал, отягчённый боевыми наградами». Леонид Ильич Брежнев.

И с 1971г. он снова в Москве. При издательстве «Современник» создал молодёжную редакцию «Первая книга в столице», открыл сотни молодых имён. Брежнев начинающим писателем

не был. Он сразу стал маститым, раздув три очерка в трилогию «Малая земля». Всему Союзу писателей членские билеты поменяли, чтобы новому собрату по перу вручить за №1. Не принял. «Видимо, не всё ещё в нём вымерло. На самом деле «Малая земля» — добросовестный очерк, который заслуживает высокой оценки». Владимир Васильевич был в курсе, кто его автор.

Всё это время писатель изучает архивы, обивает пороги военного ведомства. Ему удалось «очистить от грязи» имя легендарного комкора — Бориса Думенко, который защищал Советскую власть на Дону от самых её истоков. Думенко обвинили в контрреволюции, заговоре, убийстве политкомиссара. «Перевернув тысячи документов, справок, протоколов заседаний Реввоенсовета, стенограмм, писем, вплоть до партбилета и свидетельства о браке, побеседовав с очевидцами тех далёких событий, пришёл к выводу — не виновен». Вот что он пишет этому поводу:

«Нет, не трагическая ошибка. Поднялась костлявая рука, бессердечная, жестокая. Используя власть, прикрываясь грозным временем, трудностями молодой Республики Советов, рука та, ухватившаяся за «карающий меч революции», утолила кровавую жажду».

Не каждый человек, занимая столь высокий пост, осмелится «копать» против её Величества — Системы. А Владимиру Карпенко восстановить историческую справедливость — дело чести.

Великие ленинские идеи: свобода, равенство, братство — рухнули тотчас после захвата власти у самого вождя революции на глазах. В этом трагедия гениального человека. Советы — самая первая власть на планете Земля. Владимир Карпенко всей душой был за настоящий социализм, основанный на социально демократических принципах, на подлинной свободе не только на слово, но и на труд.

Последний из вождей, наш сосед, «ставропольский соловей перестройки», пытался кнутом поднять загнанную лошадь, на которой мы скакали в светлое будущее. Цели благие, а взялся не по-умному. Кто же начинает долбить снизу, с фундамента? Чердак рухнет». Не с народа надо было начинать перестройку, с низов, а с верху — с самого себя. Вот что волнует писателя.

Наш великий земляк был знаком и с Ельциным. Подписал ему книгу. «Самая трудная из дорог — дорога к Человеку. Желаю пройти её высоко». «Я знаю, что Ельцин разрушил. Но не знаю.., что построит. По всему не знает этого он и сам. Жаль. Попивает» — сокрушается писатель в интервью «Вечернему Волгодонску».

Ещё очень интересные метаморфозы произошли с Чапаевым и Щорсом. Смерть начдива Чапаева была подлинной, но несколько иной. Его раненного, пленного расстрелял белый офицер. Владимир Карпенко проливает нам свет на это событие. На Урале начдив Чапаев праздновал победу. Белые откатывались вниз на Гурьев. Славный начдив уединился с некой амазонкой, не взяв с собой даже вестового Петьку Исаева. В эту же ночь начдив оказался в плену, а дивизия, изрядно отметив победу самогонкой, не проснулась под ножом вернувшихся казаков. По злой иронии в этот августовский день на Днепре разыгралась другая трагедия. Главный персонаж — тоже начдив — 24-летний мальчишка, большой туберкулёзом, «будущий украинский Чапаев», и не украинец вовсе, а белорус — Николай Щорс. Окрестил его так Сталин, деля заказ на студию Довженко о свежем идеале для подражания подрастающих коммунистов. Среди прочих бумаг нет акта экзгумации. Пуля вошла в висок с расстояния 1,5-метров в упор, а не с двухста метров, как стрелял петлюровский пулемётчик. «Возле свинцового гроба, переброшенного с Днепра в Самару, потирал костлявые руки Ефим Щаденко» — член РВС 12-й армии, в которую входила щорсовская дивизия. Эти материалы Владимиру Васильевичу также удалось «накопать» в архивах.

В 1981г. Владимир Васильевич по зову сердца вернулся на родину — в Дикое поле. С тех пор вёл активную творческую и литературную деятельность, поднимая культуру, как Волгодонска, так и Донского края в целом. У него была мечта: создать ряд исторических музеев в городах и станицах Донщины. От первого брака у него остался сын Сергей — кандидат исторических наук, соавтор книг «Исход», «Крым», «Врангель в Крыму».

В 1985г. он встречает яркую, молодую, красивую и здоровую казачку — Светлану Савченко. У них один за другим рождаются семеро прекрасных детей. «От любви к женщине всё прекрасное на земле... Светлана мне послана свыше. Наверное, за мои творческие муки».

1 мая 2005 года он ушёл из жизни, но остались книги. Много книг... Восхищаюсь трудолюбием, целеустремлённостью писателя и горжусь тем, что этот человек жил и работал среди нас. Стараниями Владимира Карпенко в городе существует «Библиотека дарственных книг», которая в настоящее время носит его имя. Сотрудники библиотеки ежегодно проводят мероприятия, посвящённые памяти нашего великого земляка. Раз в два года Центральной библиотекой Волгодонска при поддержке Администрации города проводится «Межрегиональный открытый литературный конкурс имени В. Карпенко». География участников постоянно расширяется, а, значит, память жива и это важно.

Используемая литература: Произведения В. В. Карпенко:

«Отава», «Тучи идут на ветер», «Красный генерал», «Крым», «Врангель в Крыму», «Исход», «Щорс», а также газеты «Вечерний Волгодонск» №51-52, 53-54, 55-56, 57-58, 66-67, 68-69, 72, 73-74 за март-апрель 1995 г.

«Я люблю этот город под небом высоким»

Именно с этих слов члена Союза писателей России, автора девяти поэтических книг — Анны Ковалёвой, более тридцати лет живущей в нашем родном Волгодонске, хотелось бы начать размышления об её творчестве. Моё знакомство с её стихами произошло в 2009 г. после выхода городского коллективного альманаха «Степей вдохновенье», а также сборника «Произведений лауреатов литературных конкурсов имени Владимира Карпенко — «Многоголосье струн сердечных». Сказать, что стихи понравились, всё равно, что ничего не сказать. До глубины души тронули слова:

*«А век молодой погрузился в ненастье,
А век молодой от ненастья продрог».*

Ни для кого не секрет, чем для страны обернулась «пресловутая перестройка», в том числе и для нашего города. Развалить такой гигант, как «Атоммаш» - красу и гордость нашего века, нужно было очень постараться. А сколько городских объектов осталось недостроенными... И кто, как не настоящий поэт, незамедлительно отреагирует на это:

*«Как больно глядеть на темнеющий остов
Того, что в отчётах зовут «долгострой».*

Дело в том, что я переживаю не меньше, думаю то же самое, но не мне принадлежат такие простые, понятные, цепляющие за живое строки:

*«С крутизны Цимлянского обрыва
Я гляжу устало на восток.
Сколько силы, сколько света было,
Сколько веры кануло в песок...».*

А хотелось бы.... И вот в один из апрельских дней 2009 г. я впервые решила прийти на заседание городского клуба любителей искусств «Лучи», вдохновителем и организатором которого являлась Анна Ивановна. Впечатления яркие, незабываемые, будто побывала на одном из столичных концертов! Сценарий выстроен безукоризненно. Кроме того, у меня в руках оказался самый первый сборник её стихов «Храм заблуждения» с дарственной надписью. Прочитала дома, как говорится, на одном дыхании от корочки до корочки и долго не могла уснуть. Разве могут оставить равнодушными следующие строки:

*«Ни обид, ни осознанной злости,
Ни сгибающей плечи вины.
На душе, как зимой на погосте:
Целомудренный пласт тишины...».*

Как правило, первая книга является пробой пера, робкой заявкой о себе чуть ли не каждого начинающего автора (я как раз из их числа), чего никак не скажешь об Анне Ковалёвой. Стихи зрелые, выстраданные, пропущенные через сердце. Поражает культура речи, сложившийся творческий почерк, точность и пронзительность образов, как будто и в моей груди:

*«Сорок тысяч смертей закричали.
И в ушах — сорок тысяч звонков
зазвенело, слилось, потонуло...».*

Татьяна Мажорина

В рамках этого клуба мне посчастливилось услышать и увидеть театрализованное прочтение творчества И. Северянина, А. Ахматовой, Н. Гумилева, подготовленное Анной Ивановной со своими коллегами и воспитанниками, впервые услышать, как она читает собственные произведения, как говорит о поэзии... На заседание клуба с тех пор ходила, как на праздник. Теперь имею все девять сборников Анны Ивановны, включая «Цикорий», в котором помещены избранные стихи. Читаю, наслаждаюсь и слушаю «тихий звон малинового сада в золотой шкатулке октября», вижу «синевой промытые окошки» и «ослепительный ливень волос», представляю «сосенок нетлеющие свечи и вишен восхитительный убор», ощущаю, как ветер «тронул робко у реки запястье и пригладил чубчики кустов», как «первый развернувшийся листочек купает в блеске утреннем заре».

К чему я, собственно, об этом пишу?.. А всё дело в том, что 2014 г. объявлен президентом Российской Федерации — Годом Культуры. И было бы непростительно не написать о человеке, проработавшем непосредственно в культуре г. Волгодонска в течение 34 лет, в том числе 17-ти из них — художественным руководителем в ДК им. Курчатова. За это время ею, как автором, создано несколько сотен сценариев массовых театрализованных представлений, юбилейных торжеств, профессиональных праздников, фестивалей, поэтических спектаклей, в том числе: незабываемых Дней рождения города на дамбе у 14-го шлюза, карнавалов шествий по городу, открытий «Дня ассоциации городов Юга России» на стадионе «Спартак», Дня Победы, юбилеев города на стадионе «Труд» и площади Победы, православных праздников Рождества, Дней славянской письменности и культуры и т. д. Написаны десятки песен, прологов к концертам, поздравлений, презентаций... В наши дни

особой популярностью у горожан пользуются вечера-спектакли «Романс-эра», проводимые ежегодно в ДК им. Курчатова по сценариям Ковалёвой. Задолго до организации клуба «Лучи» в рамках «Поэтического театра» ею же презентовались волгодонцам незабываемые вечера поэзии, посвящённые творчеству А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, М.Цветаевой, Б. Пастернака, В. Маяковского...

Все сценарии, написанные Анной Ивановной, имеют ярко выраженный творческий почерк, отличаются многокрасочностью, романтичностью, торжественной приподнятостью или карнавальная сказочностью (в зависимости от темы и жанра праздника), редким своеобразием.

Родилась Анна Ивановна в Курской области. Закончила с отличием Суджанскую среднюю школу-интернат (г. Суджа), затем Курский государственный педагогический институт. И некоторое время преподавала в средних школах г. Городовиковска в Калмыкии, работала в Тольятти и Сальске. Неоднократно награждалась почётными грамотами Министерства просвещения и Министерства культуры Калмыцкой АССР.

В 2000 г. награждена нагрудным знаком «За достижения в культуре» Министерством культуры России. В 2004 г., как художественному руководителю ДК им. Курчатова, ей вручена медаль (концерта «Росэнергоатом») «50 лет атомной энергетике», а в 2010 г. присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Являясь членом городского творческого объединения «Белая Вежа», она много лет вела одноимённую страничку в газете «Энергия атома». Была председателем художественного совета г. Волгодонска, сегодня она постоянный член жюри «Межрегионального открытого литературного конкурса имени Владимира

Татьяна Мажорина

Карпенко», автор публикаций в коллективных литературно-художественных сборниках и журналах, выходивших в разное время в Элисте, Москве, Ростове-на-Дону, Волгодонске и даже за границей. Анна Ковалёва много времени и сил уделяет молодёжи, воспитала целую группу талантливых организаторов массовых праздников и ведущих программ.

К поэтическому слову, точности образов, метафоричности она относится очень взыскательно и строго, в том числе и по отношению к себе, всегда подскажет, если обратишься за советом. Она живёт Поэзией, «дышит» ею, какой бы пост ни занимала. Это неотъемлемая часть её жизни, болевая точка, если можно так выразиться. Думаю, уместно здесь будет привести слова Владимира Фролова, долгое время возглавлявшего Ростовское отделение Союза писателей России: «А Слово у Анны Ковалёвой — ёмкое, дающее простор движению мысли, сама же мысль — не просто рифмованное высказывание или «сиюминутное настроение ума», а действие образа, его характер, который как бы слигован с той самой «солью земли», именуемой в просторечии жизнью».

А жизнь её, нераздельно слитая с жизнью нашего города, о чём прямо говорит книга Ковалёвой «Волгодонск — моя судьба» — пример патриотического служения культуре Волгодонска, культуре России.

06.02.2015

**О книгах А. Глазунова
«Чудаки» и «Степные тропки»**

Рецензия

Алексей Иванович Глазунов — член Союза писателей России с 2007 г., член Правления Ростовского регионального отделения СПР, председатель секции прозы. Прочитав в одном из номеров газеты «Донской писатель» о выходе новой книги «Чудаки» (кстати, восьмой по счёту) с юморесками, очень заинтересовалась ею, поскольку сама увлекаюсь юмором и сатирой. Обратившись к нему, тут же получила книгу с дарственной надписью: «С улыбкой!»

Довольно оригинальные юмористические миниатюры, выполненные кратко, лаконично, ёмко, каким и должен быть мини-рассказ. Привлекает какое-то тепло, доброта писателя, бережное отношение к коллегам, что непременно просматривается в его шутках.

Приведу цитату из миниатюры «Бой»:

— Писатель — и фантазёр, и летописец... Садясь за письменный стол, сразу представь, что ты Шекспир! Тогда, возможно, выдашь произведение, которое иногда будут читать...

Или ещё, не менее «красноречиво» из рассказа «Объективно»:

«Один писатель нахваливает другого:

— Крепкий роман ты сколотил. Не роман — эпопея! Литературная симфония!

Ты обскакал всех наших пишущих и А., и Б., и В., и даже К., Л., М, Н....

Назвал всех. Кроме себя».

Татьяна Мажорина

Слегка иронизируя над братом-писателем, Алексей Иванович не прочь подшутить и над собой, то бишь над автором, что мгновенно создаёт с читателем некую доверительную атмосферу, например:

— А песня на чьи стихи?

Я многозначительно показываю ладонью на себя.

Галина Дмитриевна удивлённо:

— А под музыку воспринимаются хорошо. («Оценка»)

А шутить над собой может только талантливый, самодостаточный человек, которому есть что сказать, причём, особого случая для этого искать не нужно. Обратите внимание, как органично смотрятся его строки из цикла «С юмором по Европе»:

Милан. Полицейский спрашивает у меня:

— Турка?

— Нет, я русский. Россия!

— А как турка...

Есть рассказы предельно краткие, всего из дух-трёх строчек. Приведу один из них:

«Жил, пел, смеялся, ухмылялся:

— Да кто они!? А вот я!..

И всё рано помер». («Переоценил»)

Рассказы автора оригинальны (повторюсь), имеют свой сюжет, который всегда увлекателен, довольно своеобразно раскрываются характеры героев. Особенно смешными получаются

рассказы, связанные с выяснением семейных отношений, распитием спиртных напитков:

«Мать поучает дочь:

— И что у тебя за муж, твой Васька? Пьёт, ругается, по дому не помогает?..

А дочь:

— Ну и что? Зато ночами он хороший человек. («Аргумент»)

Действительно, чем не аргумент? Полагаю, не менее интересен рассказ «Панацея»:

«Встретились два приятеля. Давно не виделись.

Один пригласил другого к себе. И говорит:

— Хочешь посмотреть альбом с моими фотографиями

— Ну... если нальёшь?.. С удовольствием!»

Очень понравился рассказ «Горе луковое» о двух приятелях, которым не хватило яблок, собранных в заброшенном саду, захотелось ещё поживиться луком, выращиваемым трудолюбивым и предусмотрительным корейцем. А что из этого вышло, читатель сможет убедиться, прочитав книгу Алексея Глазунова «Чудаки».

Не могу сказать, что абсолютно все рассказы смешные. Видимо, потому и название книги «Чудаки». Ведь чудаками у нас на Руси издавна называют и тех людей, чьё поведение или отношение к жизни несколько отличается от общепринятого. В общем-то, все мы — творческие люди — тоже в некотором смысле чудаки, близко воспринимающие всё, что происходит

Татьяна Мажорина

в нашей жизни. В рассказах, о которых пойдёт речь далее, автор мастерски использует оксюморон (словосочетание, основанное на парадоксе).

Взять хотя бы рассказ «Паром», в котором машинист (в шутку) говорит обеспокоенному пассажиру, что у них есть рация, а потому аварии и всякого рода столкновения — исключены. Однако, на деле это не так (проскочим — не проскочим). Безденежье? Нарушение техники безопасности? Или попросту разгильдяйство?..

Затронули душу «Кирзовые сапоги», «Пенсионер», «Медвежья песня». Или ещё рассказ «Жизнь заставит...», который процитирую полностью:

«Одноногий мужчина, а юркий и хитрющий, каких свет не видывал. И всё у него получается и всё у него есть. Жизнь заставляет его быстро соображать и вертеться на одной ноге.

Одинокая, незамужняя женщина, а работает директором фирмы, ездит сама на автомобиле. Яркая. Нарядная. Имеет приличное состояние. Её жизнь заставляет быть сильной.

А что же вы, здоровые и крепкие, полноценные и семейные — плачетесь?..»

Всё о чём пишет автор, почерпнуто им из жизни, что говорит о его необыкновенной наблюдательности. Читая его коротенькие зарисовки, невольно вспоминается наш великий земляк — Антон Павлович Чехов, которому принадлежит изречение: «Краткость — сестра таланта». Приведу лишь несколько кратких выражений Алексея Глазунова, которые просятся стать афоризмами:

*«В гостях не худеют.
А зеркало надо сменить — кривое!..
В общении богатые приbedняются,
а бедные раздувают щёки.
Родственников нам посылает судьба....
Это друзей мы выбираем сами».*

Алексей Иванович истинный патриот своей страны. Во время путешествия по Европе, будучи в Берлине, он не мог сдержать эмоций, вспомнив сколько жестокости, насилия, изуверства фашисты натворили в нашей стране. И что же он сделал? А вот что:

«У отреставрированного рейхстага я плюнул на сияющую чистотой брусчатку».

Любовь к Отечеству у него не в узком понимании, она — всеобъемлющая, предельно искренняя. В доказательство этого, процитирую рассказ «Прав»:

«Московский любитель футбола «болеет» не за «Спартак» и не за «ЦСКА», а за футбольную команду «Барселона». Почему? Да потому, что в ней спортсмены только своей страны. И нет в ней игроков из-за «бугра».

В рассказе «Новое поколение» автор признаётся:

«Я перечитываю заново поэзию и прозу Пушкина и Лермонтова, «Войну и мир» Л. Толстого, «Тихий Дон» и «Поднятую целину» М. Шолохова, «Мёртвые души» Гоголя. И читаю я, эти книги не наскоро, выхватывая сюжет, а медленно, внимательно, изучающее, поглощая каждое предложение, каждое слово».

А потому произведения, выходящие из-под пера автора, цельные, ёмкие, актуальные, которые всегда найдут дорогу к сердцу

Татьяна Мажорина

читателя. Почему я, собственно говоря, с уверенностью пишу об этом? Да потому, что удалось прочитать и две предыдущие его книги, а именно — роман «Узел» и миниатюры «Степные тропки».

Полагаю, стоит изложить всё по порядку. В романе «Узел», выпущенном годом ранее, говорится о событиях постперестроечных времён, когда стремительно менялись, казалось бы, нерушимые устои общества, политика, экономика, происходила полнейшая переоценка моральных и духовных ценностей. События разворачиваются в небольшом городке на юге России под названием Степной. При внимательном прочтении обнаруживается сходство с Сальском, где и проживает писатель. Назар Костров — главный герой романа нередко оказывается в сложнейшей ситуации, пытаясь понять, переосмыслить происходящее вокруг, разобраться в сложном калейдоскопе человеческих отношений, нащупать свой, только ему предначертанный путь. Оставим оценку этих событий вдумчивому читателю.

Но я хочу чуть подробнее остановиться на книге «Степные тропки», выпущенной в один год с романом. В неё включены удивительно живописные миниатюры о природе нашего Донского края, о необозримой Сальской степи, насыщенной сочными, яркими красками, о людях и, конечно же, о животных и птицах, обитающих на степных просторах.

Все рассказы имеют свой сюжет, в котором сценаристом является только сам автор. Открывается книга рассказом «Дичь»:

«Всё началось весной, когда в степи буйствовала зелень, в садах мела цветочная пыль и завязывались плоды. Появлялось на свет зверьё, проклёвывались из яиц птенцы. Рождалась новая жизнь». При чтении сразу появляется какой-то необыкновенно-светлый оптимистический настрой. И вдруг Алексей Иванович, вдохновлённый торжеством природы, замечает маленького, косолапного бегущего жёлтенького утёнка, спасающегося от бродячей собаки. Не раздумывая, останавливает «дилижанс», отбивает у собаки дрожащего утёнка и поворачивает назад: везёт домой несмышлёныша, поскольку поблизости не заметил ни селений, ни уток на воде. Ну, и, кто бы перестраивал свои планы из-за какого-то утёнка?.. Мало того, он осенью отвёз дикую уточку (а это оказалась именно она) на пруд и отпустил её к своим сородичам. Меня, как читателя, подкупает необыкновенная доброта автора, что было отмечено и ранее даже в юмористических миниатюрах.

Удивительные истории происходят в рассказе «В поисках мёда». Оказывается, пчеловоды по рассказам невероятных историй ничуть не уступают рыбакам и охотникам. На какие только уловки они не пускаются, чтобы найти места с обильным взятком. В ход пускаются и мудрость, и хитрость, и опыт, и талант, и следование всяческим приметам. Раз мы заговорили о пчёлах, будет уместно процитировать рассказ «Щурь»:

«Красивейшая птица, размером со скворца. Оперение — цвета радуги! И вот такую радужную птаху ненавидят пчеловоды. А всё почему?

Осенью, когда пчелиные семьи идут на убыль, над пасекой появляются шуры. С криком, похожим на голоса чаек, они но-

Татьяна Мажорина

сятся между ульев, склёвывая на лету медоносных пчёл. Что ж... Царской птице и пища соответствующая».

Для каждой птахи, населяющей степь, автор подбирает очень точные метафоры. Утята у него «пушистые, как одуванчики», бакланы «огромным белым облаком расположились на середине пруда», а «над берегом металось чёрно-белое полотнище чибисов». А вот как он описывает синичку: «лимонное брюшко, серо-зелёная спинка, на головке тёмно-синий чепчик, беленькие щёчки, крохотный чёрный клювик».

Стиль написания, выбранный автором, весьма, удачен. События развиваются динамично, а описательные моменты только добавляют изюминку происходящему действию. Читаешь и воочию представляешь: «ярко-жёлтое море подсолнухов шурится на солнце», «освежающее ароматное озеро сирени!» Так и хочется ощутить на вкус осенне-зимние сорта яблок, которые «до самой весны лежат в закромах, как лялечки краснощёкие», попробовать на зубок смородину, «чёрным жемчугом рассыпанную по зелёным резным листьям кустарника», увидеть, как «будто по команде выстроились навтыяжку молодцеватые тополя», услышать в ночной тишине, как их «набухшие клейкие почки, салютуют, гулко расщёлкивались, источая аромат прополиса».

Насколько всё-таки сочен и метафоричен язык автора! Обратите внимание, как сказочно он описывает бахчу: «А бахча за рекою — лежбище арбузов! Невероятных размеров пузатые, полосатые ягоды, как морские котики в тельняшках, лениво греющиеся под ласковым синим небом. А рядом рассыпаны, словно тысячи солнц, ярко-жёлтые шары дынь».

В рассказе «Зима 43-го года» автор умело использует антитезу, основанную на резком контрасте образов: «Как сигнальная ракета, мощно вырвалось из-под земли золотое жгучее солнце, забрызгав ослепительным светом неоглядные снега. Вспыхнула, заискрилась степь». А кругом война...

Очень тронул душу рассказ «Бусинка» о судьбе собаки, которую ещё щенком подобрал главный герой — Пашка, работающий на пилораме. Когда принёс её домой, сколько было радости и восторга в семье! Дали имя — Бусинка. Дети её целовали, купали шампунем, «вихрем» носились с ней по комнатам, взбирались на постель, даже ели за одним столом. «Пашка с женой светились от счастья», — пишет Алексей Иванович. Но прошло время... И про Бусинку совсем забыли. Дети уселись за компьютеры, игры, а взрослые за телевизор, кроссворды. За ненадобностью вышвырнули её во двор. По ночам она тоскливо и жутко подвывала. А тут ещё к осени — стала линять, шерсть безобразно висела клоками.

Кульминацией рассказа служит момент, когда Пашка с приятелем, поддавшись на уговоры, вывезли её далеко за село, вытряхнули из мешка и укатали, оставив на обочине под морозящим дождём. Каково же было удивление Пашки, когда спустя неделю, они с напарником по рабочим делам поехали по той же дороге и увидели маленькую, мокрую, дрожащую собачонку — свою Бусинку, тоскливо провожающую глазами проезжающие машины. Проскочили мимо и они, но в Пашке проснулись милосердие, сострадание и на обратном пути, не обращая внимания на возражения приятеля, он выскочил из машины и подобрал-таки Бусинку.

Татьяна Мажорина

В конце концов, человек остался человеком! Читая этот рассказ, невольно вспомнился фильм С. Росточки по книге Г. Тропольского «Белый Бим Чёрное ухо», в котором жестокость человеческая не знала границ. И как замечательно, что Алексей Иванович развязку сделал на позитиве.

И в заключение, хочу процитировать отрывок из рассказа «Роща», где также мастерски использована антитеза: «И за городом я увидел такое, что даже забыл о скользкой дороге! Обнажённые деревья лесополос стояли, покрытые гололёдом, и сияли в лучах рассветного солнца. Красота потрясающая! Всё вокруг сверкало хрусталём! Хотелось остановиться и слегка коснуться веткой о ветку, чтобы услышать мелодичный звон, который бы заполнил всю округу». Проезжая далее, Алексей Иванович увидел берёзовую рощу «и ужаснулся: хрупкие стволы молоденьких берёз были безжалостно обломаны тяжёлой наледью. И куда девалась моя хрустальная восторженность? И красота бывает жестокой...»

Всё, о чём пишет автор, он пропускает через сердце. Не заметить этого просто невозможно! Все рассказы добрые, светлые, даже поучительные в некоторой степени, но ни в коем случае не нравоучительные. Видимо, всегда срабатывает чувство такта и природной доброты. И, что интересно, «Степные зарисовки» начинались с сюжета о весне, и заканчиваются по той же аналогии: «Вызрел апрель, а вместе с ним вызрела и весна. И никому её не отменить!». А, значит, и никому не отменить творчество, которое идёт из глубины души. Надеюсь, Алексей Глазунов не раз ещё порадует читателя своими произведениями.

21.01.2016

О книге Виктории Можяевой «Избранные стихотворения»

Рецензия

Примерно года три назад ко мне в руки попала книга Виктории Можяевой «Избранные стихотворения», выпущенная в Ростове-на-Дону в 2012 г. Издательством «Донской писатель». Читаю информацию о ней. Предельно коротко: «член Союза писателей России, выпускница литературного института им. М. Горького, живёт в хуторе Тарасовка Можяевского района Ростовской области». Самая что ни на есть глубинка! Заинтересовалась сразу и — не напрасно. С первых же строк окунулась в настоящую поэзию: глубокую, невероятно-искреннюю:

*За ниткою позёмки
В лесную глубину
Души своей потёмки
Несу сквозь белизну.
Здесь тяжкое молчанье
И заячьи следы
И подо льдом журчанье
Незамершей воды.
И мчитя, сон срывая,
Обратно в тёплый дом
Душа, еще живая,
Как речка подо льдом.*

Надо ли говорить, что далее читала, не отрываясь? Лирические стихи — тёплые, живые, жизненные, пропущенные

Татьяна Мажорина

через сердце. Стопроцентное попадание в жанр. Я-то знала, что книге нужно возвращать, поскольку она мне не принадлежит (а хотелось бы), а потому, не удержавшись, переписала себе несколько стихотворений автора, возвращаясь к ним время от времени. Разве не затронут читателя эти необыкновенно-тёплые строки:

*Соберу тебе ежевики
В бирюзовую кружку с каймой.
И тебе ежевики от Вики
Принесут уютной зимой.
Удивишься ты: как хранила,
Если ягода всё жива?
Бирюзовая кружка, милый.
И немножечко колдовства...*

И в стихах Виктории Можяевой, на мой взгляд, присутствует некое колдовство: сужу по степени эмоционального воздействия на читателя. Скажите, много ли среди нас тех, у кого сложилось всё именно так, как мечталось? Да нет, конечно! Разве что у самых целеустремлённых, и то далеко не у всех. А потому приведу стихотворение, которое, позволю себе предположить, понятно и близко очень многим:

*Всё выходит не так, как хотелось,
Как мечталось вначале пути.
Завертелась судьба, завертелась,
Никуда от неё не уйти.
Всё выходит не так, как мечталось,
Белый цветик расцвёл и зачах,
Коромыслом нависла усталость*

*На моих беззащитных плечах.
... Кто с упрёком глядел, кто с участием,
И вздыхали: «У каждой — своё...»
Вся деревня считала несчастьем
Беззащитное счастье моё.*

Насколько просто и более чем точно сказано: «беззащитное счастье моё»! Признаться, прямое попадание в сердце. Без вариантов! И это далеко не единственное стихотворение автора, затрагивающее за живое. Ни для кого не секрет, что почти все пишущие коллеги, за редким исключением, бессребреники, не имеющие за душой какой-то основательной материальной базы. Однако, в повседневной жизни есть вещи, куда более значимые, чем материальный достаток, о чём с предельной открытостью и даже некоторой долей иронии пишет нам Виктория Валерьевна в следующих стихах:

*В нашем доме нет ковров,
Бронзы, позолоты.
В нашем доме есть любовь,
Дети да заботы.
Машет с вешалки пальто,
Стол шуришит копиркой.
Пожалей меня за то,
Что всегда за стиркой.
Правда, я ещё судьбу
Обхитрить мечтаю,
Правда, я ещё в трубу
В полночь не летаю.
И в просветах тишины
Осенью дождливой*

Татьяна Мажорина

*Успеваю видеть сны
И бывать счастливой.*

А теперь мы подошли к главному богатству любой женщины, а автора книги — в первую очередь — к детям, ведь их в писательской семье Можаевых — шестеро! Александр — её муж — замечательный прозаик, также член Союза писателей России. Может ли быть что-то дороже материнства? Не знаю, сопоставимо ли это? Разве что мир на земле?.. Вот как сама Виктория пишет о детях:

*Я с дождями сольюсь и снегами,
Как сольются с рекою ручьи...
Я — лишь хвоя у вас под ногами,
Драгоценные дети мои.
Я — лишь колос, роняющий зёрна.
И когда-нибудь в смутной дали
Будет жаль мне цветущего тёрна
И распаханной тихой земли.
Будет жаль мне любви и разлуки,
И отчаянья смертной борьбы...
И кладу я на детские руки
Зеленеющий посох судьбы.*

Если говорить о стиле, то есть индивидуальной авторской манере письма, то повторюсь — предельная искренность, открытость, а также внимание к внутренней жизни персонажа или лирического героя. Зачастую, в качестве лирического героя выступает сама поэтесса. Стихотворений, посвящённых семье

и, в особенности, детям невероятно много. И нет ни одного не заслуживающего внимания! Каждое «берёт за живое», каждое — готова читать и перечитывать заново:

*И когда душа замрёт от боли
Перед сонмом страхов многоликих,
Защитят её от злой неволи
Сразу шесть заступников великих,
Шесть моих детей русоголовых —
Да хранит их Бог в любви и ладе,
Шесть моих бессмертников лиловых
На слезами вымытом окладе.*

Будем надеяться, что так оно и будет и, что шесть сыновей всегда будут опорой и защитой для матери. А как тепло она пишет о своей бабушке, кстати, тоже Виктории:

*Хруст под сапогом и тихо-тихо,
Блещут паутины — ветку тронь...
Сладко-сладко пахнет облепихой
Бабушкина тёплая ладонь...
Изменились и места, и лица —
У меня давно не детский взгляд.
Но вдохнёшь — и голова кружится
От парного запаха маслят.*

В книге есть и горькие, необыкновенно пронзительные, болевые стихи-воспоминания, также посвящённые бабушке и своей далёкой родине, куда навряд ли придётся ещё вырваться. Непреходящая боль и безысходность сквозят в следующих строках:

Татьяна Мажорина

*От Барнаула до Тагила
Опять зима, просторно ей.
Там одинокая могила,
На бедной родине моей.
Где образами топят печи,
Детей бросают, водку пьют...
... Где взяв рождественские свечи,
Молитвы Господу поют...*

Виктория, пропускает через сердце не только беды своей семьи. Её волнует всё, что происходит вокруг. Ладно бы происходит... Нет же, во всём происходящем негативе она чувствует и свою вину.

За примером далеко ходить не надо:

*Не страшно ни увечье, ни уродство,
Когда согреют любящих сердца.
Но страшно окаянное сиротство,
Оно, как пуля в сердце, — до конца.
Тогда в глазах — холодная грустинка.
Кричит ребёнок, разрывая тьму...
Прости меня, пылинка-сиротинка,
За то, что ты не дорог никому.
За то, что не хватаю, не спасаю,
Не уношу от злобы и вранья, —
Как будто это я тебя бросаю
В родильном доме, деточка моя.*

Похоже, давно привыкла и также беззаветно полюбила Виктория эту самую глубинку, в которой живёт сейчас и, за которую душа болит не меньше:

*Какая печаль здесь таится,
В пропитанной хлоркой тиши!
Забытая властью больница
В районной российской глуши.
Здесь всё первозданно-убого.
Прихватит — кричи, не кричи...
Здесь все уповают на Бога:
Больные, а больше — врачи.
Чудес не бывает на свете? —
А возле безвестной реки
Рождаются всё-таки дети,
И долго живут старики.
И добрым советам не внемлю,
И к лучшим краям не бегу,
Но эту холодную землю,
Как чудо, в душе берегу.*

Безусловно, привлекает, что при стихосложении автор умело пользуется всеми средствами образности языка (тропы, стилистические фигуры, лексические средства художественной выразительности), а также рифмами и размерами. Приведу лишь несколько метафор для подтверждения своих слов: «в золотисто сонной круговерти», «луна — свеча, земля — циновка», «в глуши дождя играет клавесин, на нить судьбы нанизывая звуки», «разбилось в колючее крошево начало воскресного дня», «золотое созвездье Весов напоследок роняет загадки», «осень — это добрая крестьянка, каждого накормит от души», «зима — обходчица с клюкой, сова в полярном оперенье», «золотые огонёчки чистотела», «солнца жаркий огнемёт» т.д.

Думаю, впечатление читателя о поэзии Виктории Можяевой будет не полным, если я не отражу и философскую состав-

Татьяна Мажорина

ляющую. Каждый из нас, какими бы мы ни были поборниками чести и справедливости, где-то и в чём-то вынужден отступить от своих правил, что очень чётко подмечено автором:

*Это только легко говорится:
Если прав — значит смей возражать.
Если каждый чего-то боится,
Значит каждого можно «прижать».
И не нужно ни дыбы, ни плахи;
И никто не пойдёт на костёр...
Миром правят Великие Страхи —
Ради страха и заяц хитёр!
И бредём мы в оковах бумажных,
Меж зеркал откровенно-кривых —
Потому что всё меньше отважных,
Потому что всё меньше живых.*

Есть ли желающие оспорить этот факт? Полагаю, могут быть, но считанные единицы, которые «либо без царя в голове», либо, как говорится, «идейные до мозга костей». Честно говоря, не знаю, если бы пришлось выбирать между детьми и долгом, что бы предпочла я? Наверное, нужен второй вариант, но как мать, вероятнее всего, буду защищать детей. Да, к слову сказать, есть и третий вариант, когда без зазрения совести работают на публику. И этот вариант я считаю самым отвратительным. Дай-то, Бог, нам не знать таких ситуаций. А вот как Виктория пишет об участии наших ребят в так называемых локальных конфликтах:

*Завершилась эпоха строкою приказа,
Облака над Россией, как молитвы, тихи.
На свирепой войне под горами Кавказа
Наши мальчики гибнут за наши грехи.
Мокнет обочь дорог снега грязная вата,
Застилает глаза серых дней пелена...
Не судите других — это я виновата,
Это только моя перед ними вина.
Им не нужно уже ни одежды, ни дома,
Ни беспомощных писем, что к ним не дошли.
Только небо в раскатах неслышного грома,
Да могильная тяжесть родимой земли.*

Хутор Можаяевка, где проживает семья Можаяевых, находится в непосредственной близости к украинской границе. А потому вопрос испортившихся отношений (мягко сказано) с дружественной к нам ранее братской республикой, не может не волновать автора. Ниже строки из её стихотворения, написанные задолго до того беспредела, что сейчас происходит в стране:

*Рвутся связи, рвутся связи, —
Словно рвутся провода.
Словно кони с коновязи,
В одиночку — кто куда.
Накатило время ино,
Натянулось, как струна.
Там за речкой Украина —
Зарубежная страна.*

Татьяна Мажорина

Происходящие события болью отдавались в её сердце. Она тогда уже задумывалась, что же такое творится с людьми, что дальше будет:

*Только кровь мою, сестричка,
Как поделим пополам?*

А закончить небольшой обзор книги Виктории Можяевой «Избранные стихи» хотелось бы её посвящением классику мировой поэзии испанскому поэту Федерико Гарсиа Лорка, жившему в эпоху великих потрясений, ощутившем на себе душевную тяжесть, разлад, отверженность, но сохранившего традиции испанского фольклора, необыкновенную трогательность, искренность в поэзии.

Лорка

*Ночь разрезана лезвием крика,
И звезда пролетела, светя,
— Федерико ты мой, Федерико, —
Пела мать, пеленая дитя.
Проскакали года, быстроноги,
Вырос мальчик и стал знаменит.
Пляшут тени по белой дороге,
И луна наковальней звенит.
Дни и ночи романсом пропеты,
Звон гитары умолк в тишине.*

«Служение слову...»

— Не бывают убиты поэты,
Не рыдай, моя мать, обо мне.
И луна, как жена белолика,
Спящий мир спеленала, скорбя.
— Федерико ты мой, Федерико,
Отчего мне темно без тебя?

Хочется надеяться, что читатель сможет увидеть ещё не одну книгу автора, чья поэзия не менее трогательная и искренняя.

18.02.2016

«Наше священное ремесло»

*Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но ещё ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.*

Кто из нас не читал этой коротенькой миниатюры Анны Ахматовой, написанной в Ленинграде в июне 1944 года? Полагаю, среди нас — людей, прикоснувшихся к искусству нет таких. Белоснежная тетрадь для неё — символ непревзойдённой чистоты, святости творчества и даже гарантии бессмертия. И с этим трудно не согласиться. К чему я, собственно говоря, пишу об этом? Всё очень и очень просто.

Долгое время существует в Ростове-на-Дону Региональное отделение Союза писателей России, в состав которого входили и входят лучшие поэты и прозаики области, прославляющие своим творчеством не только Донскую землю. Они выпускают книги, публикуются в журналах, проводят творческие встречи, но особо никому не было дела до литераторов из глубинки, не менее любящих русское слово, но не имеющих достаточно знаний и опыта, чтобы ярко, метафорично рассказать читателю о том, что волнует их души, чтобы их слово заиграло, заискрилось, обрело новую жизнь.

И вот нашёлся такой человек — это руководитель РРО СП России — Алексей Григорьевич Береговой, который гостеприимно распахнул двери перед пишущими людьми, искренне желающими повысить уровень своего творчества. Он предложил руководителям литобъединений городов и станций Ростовской области прислать лучшие работы местных литераторов по электронной почте в Ростовское отделение СП России. В результате отобранные из почти из двухсот человек, двадцать семь лучших литераторов прошли заданные тесты и были зачислены на Литературный Семинар при Ростовском региональном отделении Союза писателей России. Не думаю, что когда-то было подобное! Так, с сентября 2013 г., стали регулярно проводиться ежемесячные литературные Семинары. Добавилось работы и членам правления: ведь им надо было оценить тестируемых литераторов, разглядеть их творческие потенциалы.

Далее те, кто прошёл отбор, получили ряд заданий: написать по стихотворению или рассказу о малой родине, на свободную тему и, самое интересное — сделать творческий анализ стихов и рассказов друг друга (работы высылались неподписанными). Предлагалось даже попробовать написать пародию на стихотворение кого-либо из членов СП России. Очень смелое предложение. В итоге поэтов разделили на две группы: студийцев и кандидатов. Лучшие работы напечатали в газете «Донской писатель». Это ли не радость!

Мне довелось первые полгода заниматься в ЛитСтудии, кото-

Татьяна Мажорина

рой руководили члены СП России Клавдия Ивановна Павленко и Ирина Анатольевна Сазонова. Хочу выразить им огромную благодарность за тот бесценный опыт, те знания, которыми они щедро делились с нами.

Остановлюсь более подробно на кандидатской группе, которую ведёт Галина Валерьевна Студеникина — член СП России, главный редактор журнала «Дон_новый», человек необыкновенной доброты, терпения, такта. Ей удалось создать такой микроклимат в коллективе, что нам хочется сюда приезжать не только за знаниями, но и ради общения с единомышленниками, ставшими за этот короткий период близкими по духу. Мы садимся за длинный стол, и каждый по очереди читает то, что приготовил к семинару. Не один человек не остаётся в стороне. Каждый из нас должен на слух определить достоинства и недоработки в стихах читающего автора. А итог сему действию подводит наша Галина Валерьевна, которая всегда найдёт самые точные выразительные средства для стихотворения, самые необходимые и тёплые слова для автора и обязательно подскажет, чего не хватает стихотворению, чтобы оно было более ярким и гармоничным. Не напрасно в своё время сказал В.Г. Белинский, «Поэзия— есть высший род искусства». Довольно интересно у нас проходят экспромты, когда по одному слову или строке нужно составить сонет или стихотворение в заданном размере. Времени — двадцать минут! Лучшие стихи, опять же, помещают в газете «Донской писатель».

Не буду заострять внимание на конкретных фамилиях, скажу

«Служение слову...»

лишь, что за время существования семинаров более двадцати человек (поэтов и прозаиков) приняты в члены СП России. Кроме этого, организация имеет сайт, на котором отражаются все происходящие события, важные новости, информация о конкурсах и даже поздравления с днём рождения. Занимается поддержкой сайта молодой и талантливый поэт, член СП России — Дмитрий Ханин. А благодарить за всё, что мы имеем, полагаю, нужно в первую очередь руководителя РРО СП России Алексея Григорьевича Берегового и всю его команду писателей-единомышленников.

22.11. 2016

Содержание:

Часть 1 Путь к свету

Путь к свету 6

Часть 2 Служение слову

«Поэт — величина неизменная» 18

«И умер я... и видел пламя» 27

«Здесь только б жить...» 40

Когда поймёшь... 54

«Я обращаюсь с требованием веры» 71

«Пусть будет небом верхняя строка» 104

«Чудо по имени Белла» 125

Часть 3 «Наше священное ремесло»

«Не отворачивай лица» 136

«Тревога каждодневная моя» 148

Экскурс в историю 156

«Я люблю этот город под небом высоким» 164

О книгах А. Глазунова «Чудаки» и «Степные тропки» 169

Рецензия на книгу Виктории Можяевой 179

«Наше священное ремесло» 190

Мажорина Татьяна Александровна

«СЛУЖЕНИЕ СЛОВУ...»

Сборник очерков, эссе, статей, рецензий

*Книга выпущена при поддержке министерства культуры
Российской Федерации.*

*Автор благодарит Российский союз профессиональных
литераторов за оказанную материальную помощь в издании книги.*

В авторской редакции
Вёрстка — *Д. Зяблицкая*
Дизайн обложки — *И. Сиренко*
Директор издательства — *А. Береговой*

Издательство Литературного фонда России
«Донской писатель»
344000, Ростов-на-Дону, ул. Шолохова 1
т. 8-918-599-67-51; 8-904-344-05-05
donpisatel@yandex.ru

Подписано в печать 25.12.2017 г. Формат 60х90 1/16
Объем 12,25 у.п.л. 196 стр. Бумага офсетная.
Обложка мягкая «Лён» 4+0. Склейка «Биндер»
Тираж 300 экз. Гарнитура Times New Roman

Ростовские региональные отделения
Литературного фонда России
Союза писателей России

Издательство «Донской писатель»

Всем авторам, а также юридическим лицам (предприятиям, фирмам, организациям, учреждениям, административным структурам):

- издание книг, буклетов, журналов;
- редактирование текстов;
- консультации известных донских писателей и поэтов;
- рецензирование рукописей;
- подготовка и выпуск мемориальных альбомов/книг (включая текстовой контент и дизайн);
- иные полиграфические услуги.
- помощь в реализации особо удачных книг.

Высокое качество — низкие цены — точные сроки.

В издательстве «Донской писатель» работают профессионалы.

Издательство «ДП» с апреля 2015 года начало выпуск малоформатных (формат А-6) и низкобюджетных книг из серии «Библиотечка журнала «ДОН_новый». Стоимость 200 экз. такой книги — 6500 руб

С условиями нашего с Вами сотрудничества Вы можете ознакомиться в представительствах издательства по телефонам:

в Ростове-на-Дону: 8-918-599-67-51; 8-904-344-05-05
donpisatel@yandex.ru